

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

Санкт-Петербургский институт истории РАН

НОВОСИБИРСК, ПРОСТОР ОБИ!

Статья посвящена публикации фрагментов писем участницы одной из первых сибирских археографических экспедиций своим родителям — Марии Тихоновне Соловьевой и Константину Борисовичу Пиотровскому. Письма отражают яркие впечатления от поездки за книгами.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, археографические экспедиции, книжные находки в Сибири

В XXI веке история старообрядчества стала одной из центральных тем отечественной и зарубежной историографии. И сейчас наступило время отдать дань памяти тем, кто засеял это поле и продолжает его вспахивать. Без полевой археографии, Тихомировских чтений, Малышевских чтений, выставок в Эрмитаже, Пушкинском Доме, посвященных старообрядческой культуре и деятельности многих энтузиастов, собравших уцелевшие артефакты такого богатого церковно-исторического и этнографического наследия, история письменности, культуры и религии будет неполной.

У каждого археографа в жизни были экспедиции, города, деревни, их жители, современники, коллеги-ученые, встречи и дружба, которые сохранились в памяти навсегда! Мне посчастливилось в молодости попасть в Сибирь, узнать бескрайность ее просторов и рек, лесных сокровищ, доброту людей, их широкое гостеприимство, духовные устремления и необыкновенные характеры в преодолении жизненных путей и дорог. Многие наши учителя и наставники оказали большое влияние и на мое становление и дальнейшую жизнь.

Среди них Н. А. Мещерский, В. И. Малышев, Д. С. Лихачев, Н. Н. Розов, Н. С. Демкова, Е. Э. Липшиц и особенно сибирские ученые — Е. К. Ромодановская и Н. Н. Покровский. Мне выпало счастье знать их близко, а после их ухода из жизни написать небольшие воспоминания о том человеческом и эмоциональном влиянии, которые они оказывали при общении в разных служебных и жизненных обстоятельствах.

Впервые я попала в Сибирь в 20 лет, летом 1966 года. Это был шок!

Новосибирск, простор Оби! Глазом не объять! Академгородок! Тайга, скиты! Уже после вышедших воспоминаний о Елене Константиновне и Николае Николаевиче, летом 2024 года в туалетном столи-

ке моей мамы, Марии Тихоновны Соловьевой (1913–1983), я нашла письма, которые писала родителям из моей первой экспедиции. Естественно, в опубликованных воспоминаниях они были не использованы. Привожу отдельные, как мне кажется, значимые отрывки:

2 июля 1966 г., деревня Кипрюшка Кривошеинского района Томской области:

«Вот, наконец-то и пишу вам из деревни, настоящей сибирской деревни... У Елены Константиновны здесь были знакомые старики Василий Данилович и Александра Ивановна, и мы остановились у них. Они, конечно, старообрядцы, изба необыкновенно чистая, мы пили у них чай, а вместо заварки — шиповник. Это прямо райский напиток! Спали мы на полу, на тулупах. А наутро Александра Ивановна приготовила нам жареных пескарей в сметане. И даже я пила молоко. Оно такое жирное, что впечатление, будто сверху налиты сливки. Комаров здесь тьмы и тьмы. У меня на ногах нет живого места, а руки искусаны не очень сильно. Мы старались мазаться 3–4 раза в день. Сегодня мы раздобыли 2 книги, одна — Киево-Печерский Патерик, старопечатная книга XVII в., другая — рукописная Азбука».

4 августа 1966 г., село Инкино Колпашевского района Томской области:

«Салют! Дорогие родители! Мы нашли книгу, ради которой стоило ехать в Сибирь! Из-за нее одной! Это — Зимний Пролог 1641 г., до-никоновское издание. Сейчас мы живем в очень живописной деревне, которая стоит на крутом берегу реки, чем-то напоминает места под Псковом. Я уже соскучилась по Ленинграду... У нас все время тепло, дождей почти не было...»

25 августа 1966 г., Новосибирск:

«...Писать о городке очень трудно. Там необыкновенно все, начиная от домов и кончая ромашками на тротуарах и газонах... В Институте мы рассматривали коллекцию М. Н. Тихомирова, там около 700 книг рукописных, масса картин, икон, грамот и т. д. Мы даже не заметили, как наступило 2 часа и нужно было уходить, в городке академические институты кончают в субботу в 14 часов по местному времени. ...Елена Константиновна познакомила нас с Таней [Татьяна Николаевна Апсит, участница нашей экспедиции. — Е. П.], ее второй лаборанткой. Она очень приятная. Страшно веселая и остроумная...»

Т. Н. АПСИТ

Независимый исследователь, Новосибирск

ЭКСПЕДИЦИЯ В СКИТЫ

В статье рассказывается об одной археографической экспедиции на юго-востоке Томской области, жизни и быте отшельников-старообрядцев.

Ключевые слова: сибирские археографические экспедиции, старообрядческие скиты

Моя «археографическая» жизнь началась в 1967 году. За год до этого в поисках сведений о старообрядческих поселениях в Сибири мы, студенты второго курса гумфака НГУ, под руководством Е. К. Ромодановской работали над томами «Епархиальных ведомостей» в Научной библиотеке Томского государственного университета. Одним из результатов этой работы стали маршруты будущих экспедиций в «землю неизвестную», на которой два века жили потаенно и открыто таинственные люди — старообрядцы, ценившие паче всех благ свои книги и иконы, спасенные во время гонений и тяжелейших испытаний.

На лето 1967 года было запланировано несколько археографических экспедиций, в одной из них удалось поучаствовать и мне. Что мы умели к этому времени? Благодаря лекциям замечательного ученого, профессора К. А. Тимофеева, мы уверенно читали уставное письмо и даже могли разобрать скоропись, но представления о причинах и последствиях происшедшего в стране религиозного раскола имели довольно поверхностные: исследований по этому вопросу в середине XX века было опубликовано еще очень мало. Главными источниками знаний для меня лично являлись Житие протопопа Аввакума в учебном хрестоматийном варианте и замечательная диалогия П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

Большой и очень приятной неожиданностью явилось включение в состав сибирских экспедиций студенток Ленинградского университета из семинара Н. С. Демковой. Мне повезло оказаться в одной группе с Лидой Сазоновой, умной, эрудированной и очень симпатичной девушкой. Основным местом нашей работы был выбран Асиновский район на юго-востоке Томской области.

Эта экспедиция стала одним из самых ярких впечатлений моей жизни, потому что тогда нам удалось впервые побывать в старообрядческих скитах. Как ни удивительно, направили нас туда сотруд-

ницы местной администрации, в которую мы обратились со своими командировочными удостоверениями. Выслушав нас с большим интересом, они посоветовались между собой и решили, что правильнее всего будет направить нас в местный лесхоз, чтобы мы могли вместе с лесниками посетить скрытые в тайге скиты. Позднее мы поняли, что их обитатели в большинстве своем были местными, и лесники, по сути, снабжали всем необходимым своих родственников, на склоне лет избравших такой радикальный путь спасения души.

Наших провожатых было двое, посмотрели они на нас скептически и объявили, что пройти нам предстоит 40 километров, а потому мы должны подойти к магазину — месту сбора — ровно в 6 часов утра, ждать нас никто не станет. Точно в срок мы были там и с рассветом вышли на маршрут. Двигались в тайге мы в основном по сильно заросшей просеке, по которой лет 15 назад вывозили строевой лес. Лесники ушли вперед, мы нагнали их часа через три, когда они решили устроить привал и позавтракать. Они великодушно предложили нам отпробовать консервы из тушенки, а у нас были с собой пирожки с разной начинкой, которыми мы предусмотрительно запаслись в столовой при гостинице. После небольшого отдыха мы продолжили путь. Всего дорога до скитов, включая перерывы на завтрак и обед, заняла около 10 часов. Когда мы прощались с нашими молчаливыми спутниками, они смотрели на нас совсем иначе, чем при знакомстве, думаю, потому, что, вопреки ожиданиям, «городские девчонки» по дороге не жаловались и не охали — выдержали испытание.

Стоящий у озера скит представлял собой обычный деревенский дом с хозяйственными постройками и расположенным чуть в стороне совсем маленьким домиком, который мы первоначально приняли за баню. В доме обитали две совсем старые женщины и одна сравнительно молодая, лет шестидесяти, которую звали Манефа. Она явно верховодила в этом маленьком коллективе. Женщины встретили лесников радостно, благодарили за доставленные продукты; к нам отнеслись доброжелательно, но и несколько настороженно. Ночлег предложили устроить на чердаке, на сеновале, под марлевым поломом, спасавшем от комаров.

Четвертой, самой удивительной обительницей скита, оказалась хозяйка маленького дома, крошечная старушка с волосами, заплетенными в длинную, почти до пояса, тонкую уже косу — знак жизни в чистоте, — которую звали Мелания. Она поразила меня каким-то необыкновенно светлым лицом и удивительной кротостью, с которой рассказывала об испытаниях, выпавших на ее долю. Как оказалось, в большом доме прежде жила ее семья, долгое время после смерти родителей она жила у озера совсем одна, но со временем к ней при-

соединились другие женщины. Совместное жилье оказалось для нее делом непростым («В них было много мирского»), и лесники по ее просьбе построили ей отдельную «келейку». Я слушала ее рассказы о послевоенном разорении скитов, о попытках спасти книги и иконы, о жизни в тайге, о долгих зимах, о встречах с дикими животными, и мне не хотелось покидать этот кукольный домик, хотя я и старалась не слишком нарушать распорядок дня отшельницы.

В первый же день мы сдали экзамен на умение читать древнерусские тексты, но особое удивление отшельниц вызвали водяные знаки на книжных листах, о которых они не имели представления. Так получилось, что Лида больше времени проводила с обитателями большого дома, поэтому и «книжная нагрузка» легла в основном на нее: отшельницы садились вокруг нее и слушали чтение, как слушают музыку. Это было очень трогательно. Благодаря таким «занятиям» Лида смогла ознакомиться с библиотекой скита, которая состояла из старопечатных служебных и четьих книг XVII в., рукописных книг среди них не было.

Через три дня вернулись после окончания работ наши лесники. Попрощавшись с отшельницами, мы вместе с ними направились к другим скитам. Милая матушка Мелания принесла нам на прощание подорожнички — испеченные ею маленькие хлебцы — и подарки: Лида получила от нее лестовку, а я маленькую (5 × 5 см) медную иконку, центральную часть складня, которая и сегодня стоит у меня на полке, напоминая о незабываемой встрече с ее хозяйкой.

Л. И. САЗОНОВА

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва

СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ

В статье рассказывается о поездке в археографическую экспедицию в сибирские старообрядческие скиты, приводятся впечатления от этой поездки.

Ключевые слова: полевая археографическая работа, экспедиции, старообрядческие скиты в Сибири

Июнь 1967 года. По окончании второго курса Ленинградского университета меня включили в числе успешных студентов в поездку в Чехословакию. Но в тот момент в Ленинграде находилась Елена Константиновна Ромодановская, с которой я познакомилась на занятиях семинара по древнерусской литературе. Елена Константиновна предложила мне принять участие в сибирской археографической экспедиции в старообрядческие скиты. Это было очень заманчиво! Хотелось собственными глазами увидеть мир, о котором раньше доводилось слышать из устных рассказов немногих побывавших в тех местах. Очень хотелось самой побывать в скитах. Широкой аудитории старообрядческая Сибирь открылась значительно позже, спустя 15 лет, когда в свет вышла повесть известного журналиста В. М. Пескова «Таежный тупик». Я отказалась от поездки в Чехословакию и поехала в Новосибирск. Во время подготовки экспедиции, организованной Сибирским отделением Академии наук совместно с Новосибирским университетом, Елена Константиновна приняла меня у себя дома. Помню ее маму Анну Николаевну. В их гостеприимной семье я провела несколько дней.

В экспедицию мы отправились вдвоем с Таней Апсит, студенткой Новосибирского университета. Мы подружились. Как добирались до скитов, помню смутно. Сначала вроде на поезде, потом на кораблике по Иртышу, а собственно в скиты нас провожал лесник. Мы шли вглубь тайги более 20 километров. Сосны высоченные, чтобы увидеть их вершины, нужно сильно запрокинуть голову. Донимали комары. На голове у каждой из нас была шляпа-накомарник. Но когда мы откидывали с лица сетку, чтобы выпить воды, комары страшно атаковали.

Шли долго. Ближе к вечеру прибыли в скит, где жили три отшельницы. Не помню, к сожалению, их имена. Друг друга они называли «раба Божья», добавляя личное имя.

Е. К. Ромодановская и В. Н. Алексеев. Середина 1960-х гг.

Просторная светлая горница с окнами на двух стенах дома, большой стол, скамейки, каменный жернов, на котором перемалывали зерно в муку, ткацкий станок. Здесь же и молились. Механических часов в доме не было, жили по биологическим часам: ложились спать с закатом солнца, а утром вставали на восходе.

Самая старшая из жительниц скита попала в скит еще до революции или вскоре после нее и спросила у нас: «Кто сейчас царь?» Этот вопрос, заданный в 1967 году, когда к тому времени сменилось уже несколько руководителей государства, нас поразил: жизнь воспринималась в скиту в исторической ретроспективе! Другие две «рабы Божьи» были моложе. Паспортов ни у кого из них не было, они называли себя «непишущиеся». Связь с миром отшельницы держали через лесника. Собирали в лесу ягоды и грибы и обменивали у него на соль и сахар. Выращивали рожь, занимались ткачеством, шили для себя одежду. В скиту, насколько я помню, была пасека. Но вести хозяйство в условиях, когда на плечах пожилых женщин было множество разных хлопот и о воде, и о тепле, и о пропитании, было трудно. Они сказали: «Девки, оставайтесь у нас. Мы вам сарафаны сошьем». С собой у нас были гостинцы: сгущенка, чай, сушки. Ночевали мы вверху дома на сеновале под марлевым пологом, спасаясь от комаров.

Обитательницы скита проверили нас на умение читать «по-славянски». В беседах с ними мы провели дня три, и, как выяснилось, наши собеседницы фактически ничего не знали о расколе XVII века и его вождях.

Затем мы отправились в другие скиты. Как мы ориентировались в тайге, не помню. Может, снова нас вел лесник? Мы посетили еще три или четыре скита. В одном из них жил преклонных лет старец. Он мало двигался и в основном лежал. Чтобы открывать форточку, не вставая с постели, проявил изобретательность и изготовил лебедку. Рассказал о том, что деревянный дом, в котором он живет, строили ему сообща обитатели нескольких скитов. Так у сибирских старообрядцев принято было помогать друг другу.

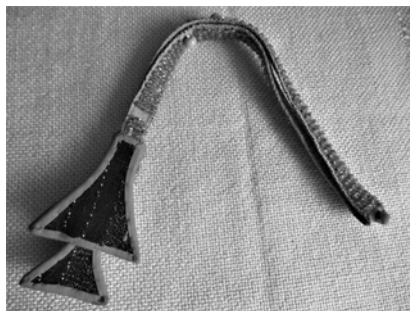
Пройдя еще несколько километров по тайге, мы оказались в скиту, где обитали две отшельницы. Одна из них вспоминала, что, убегая в 1920–1930-е годы от гонений за веру, старообрядцы закапывали рукописные книги и печатные издания в землю, надеясь сохранить их таким образом до лучших времен.

В последнем доме, который мы посетили, жили муж и жена, оба примерно одного возраста, между пятьюдесятью годами и шестьюдесятью. Они объяснили, что недавно «ушли из мира в скиты, чтобы спастись».

Всюду мы интересовались рукописями и книгами, что-то в скитах имелось, но в основном это было не дониконовское книжное наследие, а более поздние рукописи и издания. Из экспедиции нам удалось привезти только две рукописные книги, какие и какого времени они были, к сожалению, не помню. Тоже не могу сказать, как и какими маршрутами мы возвращались из скитов в Новосибирск.

Вот, пожалуй, и все, что я могу вспомнить о нашей с Таней сибирской экспедиции в старообрядческие скиты. Жаль, время стерло из памяти другие моменты и детали. Ведь все рассказанное случилось 57 лет назад — прожита целая жизнь!

На память о том экспедиционном лете осталась подаренная мне в скитах расшитая красным бисером и голубыми бусинками Лестовка, служившая старообрядцам для молитвы. В 1973 году я подарила ее Андрею Николаевичу Робинсону. Как исследователь творчества протопопа Аввакума и отца его духовного Епифания, он дорожил драгоценной реликвией и хранил ее на почетном месте в книжном шкафу на полке, где стояли фотографии великих филологов. После кончины Андрея Николаевича в 1993 году Лестовка вернулась ко мне.

Старообрядческая Лестовка, подаренная
Л. И. Сазоновой в скиту в 1967 г.

А. Н. Кручинина

Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

Мои сибирские экспедиции*

Автор статьи делится своими воспоминаниями об археографических экспедициях в сибирские старообрядческие скиты, о практике обучения старообрядцев пению по крюковым рукописям, о начале своего изучения памятников древнерусского певческого искусства.

Ключевые слова: археографические экспедиции, старообрядческие скиты, древнерусская музыкальная культура

В. А.: Альбина Никандровна, в середине 1960-х — начале 1970-х гг. Вы были участницей археографических экспедиций Сибирского отделения Академии наук под руководством Николая Николаевича Покровского. Не могли бы Вы поделиться своими воспоминаниями?

А. Н.: Моя жизнь сложилась так, что в середине 60-х годов XX века я оказалась в Академгородке в Новосибирске. Для меня это были трудные и самые счастливые годы — прежде всего потому, что я узнала совершенно необыкновенных, удивительных людей. Дело даже не в их таланте и высоком профессионализме, хотя это, конечно, очень привлекало меня, — я впервые в жизни встретила не просто доброжелательное отношение, но еще и желание помочь молоденькой, глупенькой, неоперившейся девочке найти свою дорогу, свое предназначение, если хотите — дело, которому можно отдать жизнь. Каковы были мои представления о жизни тогда? В 1963 году я закончила теоретическое отделение музыкального училища в городе Воронеже, вышла замуж, моей дочери было три года, я работала в музыкальной школе Академгородка и почему-то очень хотела поступить в консерваторию. Я была уверена, что необходимо получить высшее образование. Почему, зачем — непонятно. Быть может, ради самоутверждения. Относившийся ко мне очень по-дружески, с поистине отеческой заботой, математик, философ и общественный деятель Абрам Ильич Фет настойчиво меня допрашивал: «А зачем Вы хотите получить высшее образование?» — «Ну как, высшее образование!..» — отвечала я. «Высшее образование нужно получать тогда, когда Вы знаете, зачем оно Вам нужно, чем Вы хотите в этой жизни

---

* Интервью с А. Н. Кручининой записано В. А. Ромодановской. Альбина Никандровна Кручинина — далее **А. Н.**; Варвара Андреевна Ромодановская — далее **В. А.**

заниматься. А если Вы этого не знаете, у Вас есть образование, у Вас есть профессия — зачем Вам это?» И решила я об этом еще подумать.

Но думала я недолго, потому что оказалась в доме Фетов, где была совершенно потрясающая библиотека. Столько книг в своей жизни в одной квартире я никогда не видела, потому что приехала из провинциального города, где книги вообще-то были не в чести, во всяком случае в том мире, в том окружении, в котором я жила. А здесь книг было очень много, книжные полки начинались у входной двери и продолжались везде, исключая только туалет и ванную комнату. И когда мне сказали, что я могу читать все, что я хочу и сколько хочу, счастью моему не было предела. И вот я читала обо всем и очень многое. А самое главное, я стала действительно думать о том, зачем хочу учиться и чему. И, даже еще не поняв, чего хочу, все же поступила в консерваторию. А Фет меня продолжал воспитывать: «Если Вы до сих пор так и не определили, чем хотите заниматься, то я познакомлю Вас с замечательными нашими учеными, и они расскажут о своей профессии». Так я оказалась в доме у Нины Викторовны Ревякиной, потрясающего специалиста в области итальянского Возрождения. Потом — в доме литературоведа Иосифа Захаровича Гольденберга и разговаривала с одним из основоположников современной социологии Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. Я слушала и понимала, что это все безумно интересно: и итальянское Возрождение, и ситуация с Серебряным веком. Единственное, чем мне не захотелось точно заниматься, так это социологией. И то только потому, что задачи социологии мне очень четко объяснил В. Э. Шляпентох. Он сказал, что социология — это наука, которая отвечает запросам государства. Вот этого мне не захотелось делать, потому что я понимала, что это та наука, в которой ты никогда не будешь чувствовать себя свободным. И я так и не решила, чем я хочу заниматься.

В таких поисках, раздумьях и метаниях прошло два года. И вдруг в начале третьего курса в наш дом приходит дочка Абрама Ильича, Женя,¹ и говорит: «Немедленно бросайте все свои дела. Папа сказал, чтобы Вы срочно пришли к нам. Он хочет Вас познакомить с одним очень интересным человеком». Ну, раз папа сказал, я бросаю все дела. Благо у меня дочка была спокойная, я ее уложила спать и побежала. И вот я до сих пор — сколько уже лет с того времени прошло — помню эту картину. Я вхожу к Фетам. Стоит яркая, совершенно потрясающая осень. В окно заглядывают ярко-желтые, красные, светло-зеленые листья красоты необыкновенной. Окно кухни как раз

---

¹ Евгения Абрамовна Фет — выпускница Новосибирского государственного университета (1976 г.), ученица Е. И. Дергачевой-Скоп, специалист по истории древнерусского Пролога. Сейчас проживает в Соединенных Штатах Америки.

смотрело на лес. Спина к этой красоте, около окна, сидит человек, огромный, большой, с черной бородой, с очень красивыми руками — поскольку я музыкант, я всегда обращаю внимание на руки. И у него очень внимательный, цепкий взор из-под лохматых бровей. Он на меня взглянул и, не останавливаясь, продолжал о чем-то рассказывать. Я тихо-нечко-тихонечко сажусь и слушаю. Оказалось, что это Николай Николаевич Покровский, который недавно вернулся из экспедиции и рассказывал семье Фетов, и мне в том числе, о том, что им посчастливилось найти, и о том, что они сейчас обсуждают. Что-то я услышала

Альбина Никандровна Кручинина. 1972 г.

впервые, в частности, рассказ о Максиме Греке и о том, как удалось найти Судное дело Максима Грека. Я услышала совершенно удивительную историю, которую когда-то читала у П. И. Мельникова-Печерского, — о двух девушках, которых постригли в монахини в начале XX века в старообрядческом скиту. (В одной из экспедиций я с ними встретилась.) Для меня в речах Николая Николаевича открылся совершенно новый мир, совершенно необыкновенный, сказочный. Я оказалась вдруг в прошлом, в России, по крайней мере, XVII века и мне очень захотелось туда попасть по-настоящему. (А я была тогда искренне верящей во всемогущество науки и даже мечтала о том, что древнерусскую музыку можно расшифровать, если на машине времени отправиться в XII век и, очутившись в Новгороде Великом, в храме Святой Софии, услышать древнерусские роспевы. По этому поводу мне мой учитель, Максим Викторович Бражников, вправил мозги, сказав: «Нет, это невозможно, потому что мы не сможем перформативировать наше сознание. Поэтому только рукописи — наша машина времени».)

Так вот, я слушала эти рассказы с огромным увлечением и замиранием сердца, но никак не могла понять, какое отношение это имеет ко мне. Но я знала, что Академгородок — это такое место, где живут необыкновенные люди, им все новое интересно и они рады и рассказать о своих открытиях, и слушать о поисках и находках в совершенно не-

знакомой им археографии от профессионалов в этой области знаний. Живое любопытство, любознание отличало это сообщество, я больше такого нигде и никогда не встречала. И вдруг, после всего услышанного о поездках, об удивительных нравах, обычаях, верованиях Николай Николаевич наконец-то сказал то, ради чего я и оказалась в тот вечер у Фетов. «Вы знаете, мы привозим много четьих рукописей и изучение этих кодексов зачастую позволяет делать открытия, закрывая “белые пятна” в истории. Но есть рукописи и музыкальные, и что с ними делать, как их обрабатывать, что это вообще такое — мы понятия не имеем». И тут меня как будто иголочкой кольнуло. «А можно посмотреть?» — «Да, пожалуйста, вот у нас завтра присутственный день, приходите».

Конечно же, я «забила» на консерваторию, на все на свете и направилась в археографическую лабораторию. Прежде всего меня потряс интерьер: довольно большое помещение, из мебели — книжные шкафы и полки, а в центре — огромный стол, и на нем, и на полках, и в шкафах стоят огромные толстые книги в деревянных переплетах, совершенно необыкновенные — не печатные, а рукописные. А простенки украшены потрясающими фотографиями, совершенно удивительными, соответствующими представлениям о машине времени, перенесшей меня в XVII век. Николай Николаевич очень коротко рассказал о лаборатории, о задачах археографии. Говорил он со мною, как со взрослой, все понимающей...

Я до сих пор помню первую рукопись в моей жизни, которую протянул мне Николай Николаевич — рукопись в четверку, в бархатном фиолетовом переплете с толстыми листами бумаги со штампами. Я уже потом узнала, как все это называется. А тогда я с удивлением и восхищением рассматриваю текст. Страница делится на две части. На левой части написано «лицы», а на правой — «розводы». Что это такое, я не знала. Но вижу, что в левой части три знака, а в правой части их много. Из этого я могла заключить, что одна — какая-то свернутая запись, а другая — запись объясняющая. Все, больше я ничего не могла понять. Но я держала эту рукопись и чувствовала: «Вот! Только этим я и буду заниматься, больше ничего не хочу. Вот это мне интересно, вот это мое». Николай Николаевич показывал еще много разных рукописей, но первая меня убила наповал. Я спрашиваю: «А можно я буду этим заниматься?» — а он говорит: «А в каком плане Вы будете этим заниматься?» Я, как студентка: «Ну, у нас будет курсовая работа по истории русской музыки, можно я буду заниматься?» Он на это ответил: «Нет, меня это не интересует. В плане курсовой — нет. Если хотите работать серьезно, пожалуйста, во втором семестре приходите на мой курс в университет. А до этого приходите в лабораторию, я по-

кажу, как нужно с этими рукописями работать». Это было первое задание. Второе задание: «Запишитесь, пожалуйста, в ГПНТБ» — «Но я на третьем курсе, меня туда не запишут». Он отвечает: «Я позвоню, Вас запишут. И сотрудникам рукописного отдела сообщу, они готовят Вам литературу». И я, как стойкий оловянный солдатик, все выполнила. Пришла, меня действительно записали. В этот же день я оказалась в рукописном отделе. Дежурный читального зала выносит огромную стопку книг. Я думаю, что же мне делать? С какого же конца их начинать читать? И по-моему, выбрала самый простой путь: нашла издания 1950–1960-х гг.: «Древнерусское певческое искусство» Николая Дмитриевича Успенского и «Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева XII–XVII веков» Максима Викторовича Бражникова. Прочла эти две книги и поняла только то, что в одной представлен краткий обзор истории древнерусского певческого искусства, а в другой — у Бражникова — предлагается оригинальный путь изучения древнерусской музыки по особенностям ее нотации. Причем впервые в медиэвистике (да впрочем и в музыкознании) применены статистические методы исследования, это я поняла гораздо позднее. Тогда я начала читать книги, изданные в конце XIX века. И на мое счастье — с учебного пособия «Азбука крюкового пения», написанного священником Василием Металловым. И в него вцепилась, потому что там знаки объяснялись пятилинейной квадратной нотацией, которую я могла прочесть — своего рода билингва. Замечательная книга для начинающих, которая действительно ввела меня в древнерусскую нотацию и в те смыслы, которые она таит. И я была зачарована увиденными знаками и услышанными роспевами. Эта книга очень помогла выполнить третье задание Николая Николаевича — «расшифруйте, чтобы это можно было петь». Речь шла о старообрядческих духовных стихах, изданных Иваном Никифоровичем Заволоко, нотированных знаменной нотацией. С помощью Металлова я это сделала довольно быстро. — «Вот, я расшифровала!» Николай Николаевич дал следующее задание: будем готовиться к студенческой конференции». Я подумала: «Что я там буду делать?» — я вообще была, знаете, человеком, стремящимся скорее спрятаться, чем показаться. А тут — студенческая конференция в университете. «Да что я могу?» — он и говорит: «Новые поступления музыкальных рукописей опишите». И рассказал мне, как пользоваться альбомами филиграней и штемпелей, показал краткую схему описания рукописей. И об этих рукописях я сообщила на студенческой конференции. Это был первый доклад в Новосибирске о древнерусском певческом искусстве и певческих рукописях. А после конференции — новое задание: «А теперь, пожалуйста, готовьте статью, это надо опублико-

вать». И опубликовали мою статью в 1975 году в сборнике, который, по-моему, назывался «Вопросы истории книжной культуры». Это была моя первая печатная работа.² Вот так и ввел меня мой первый наставник в научное пространство, определив навсегда мои жизненные приоритеты — изучение древнерусского певческого искусства. Всегда с благодарностью вспоминаю уроки Николая Николаевича.

А в апреле в археографической лаборатории состоялся семинар, совершенно замечательный, который проводил приехавший из Москвы, из Института славяноведения Александр Иванович Рогов. Он рассказывал о литургической книжности. И я только тогда узнала, чем отличается Псалтирь от Октоиха, а Триодь от Месяцеслова — это были десять дней совершенно сумасшедшего погружения в неизвестные мне ранее предметы, причем все, о чем говорил Александр Иванович, сразу же демонстрировалось на рукописных книгах, хранящихся в лаборатории. А еще в течение второго семестра я слушала блестящие лекции Николая Николаевича. Он начинал говорить о какой-то, казалось бы, незначительной маленькой детали, о каком-нибудь упоминании, о фрагменте. А затем — что-то волшебное, не нить, не сеть, а такое ощущение, что затягивает в воронку, погружаешься в прошлое и долго-долго в этом пространстве находишься, когда же Николай Николаевич в заключении подводит к выводам, ты понимаешь, что и сам к этим выводам, оказывается, мог прийти. Это было совершенно удивительно! И весь семестр, который я его слушала, я восхищалась его потрясающим лекторским искусством, мастерским владением слова. Когда мне пришлось читать лекции, я всегда стремилась выстраивать их так, как делал это Николай Николаевич. Так я получила еще один профессиональный и важнейший урок от моего первого наставника.

Наконец пришло время, и я отправилась в первую экспедицию. Это был Алтай: Бийск, Усть-Кокса, Верхний Уймон, Катанда, Горно-Алтайск... Хорошо помню свое первое интервью в Бийске. Мы пришли в старообрядческую семью, где жила бабушка, старенькая-старенькая, сгорбленная-сгорбленная, которая, оказывается, еще в 1916 году училась в Бийске в старообрядческой школе пения и помнила, как это происходило. Разговоры со старообрядцами нельзя было записывать, они не разрешали. И ситуация была какая? Разговаривают двое, один слушает, другой задает вопросы. А потом по памяти записываем. Я начинаю задавать вопросы: кто учил, какими пособиями пользовались, как учили... Вопросник был предваритель-

---

² Кручинина А. Н. Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970–1971 гг. // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 215–237.

но подготовлен и одобрен Николаем Николаевичем. Все, что могла, она нам рассказала. А ее пение она позволила записать на магнитофон. Это интервью и запись были первым моим опытом общения с носителем древнерусской традиции.

Следующее интервью было записано в Катанде. Там мы записали пожилую женщину, которая жаловалась, как ей тяжело в Филипповский пост, потому что еды никакой нет, даже лук еще не вырос. «Я, — говорит она, — сидеть-то не могу, на сидение подушечку подкладываю». А мы к ней пристали: «Спой да спой». Она, чтобы от нас отвязаться, спела нам несколько духовных стихов из традиционного репертуара старообрядцев. Меня совершенно потрясло, и, кстати, не только здесь, но потом и в других местах, — это то, как она пела их любимый стих о протопопе Аввакуме. В тексте цитируется фраза из Жития протопопы Аввакума. Идут они, бредут по тайге, уже изнемогают, сил никаких нет, впереди воевода едет на саних, им не позволил даже зацепиться за сани. И протопопица плачет и говорит: «Батька, да сколько ж нам еще идти-то?» А протопоп отвечает: «До самой, матушка, смерти». Она вздыхает: «Ино побредем дале». Старообрядцы, певшие этот стих, всегда плакали на этих строках. Это совершенно было потрясающе, просто невероятно. Для меня это было... я не знаю... Такое острое, личностное отношение к событиям давно минувших лет, к людям, которые скончались давно, но для певцов, живущих во второй половине XX века, все это — реальность, они поют о живых. Меня потрясло это живое ощущение истории.

Этим же летом мы отправились в очень серьезную экспедицию, причем уже без Николая Николаевича. Прилетели в Кызыл, столицу республики Тыва. Из Кызыла — на маленьком самолете в Сизим, а из Сизима, насколько я помню, мы шли пешком до Усть-Ужепа по берегу совершенно потрясающего притока Енисея — Каа-Хем, как сказали местные, это означает «голубая вода». На самом деле потрясающей красоты река: бурная, яркая, действительно голубая. Причем она неслась между скал, которые были справа и слева. Мы шли по тропиночке, расположенной между скалой и обрывистым берегом. А вокруг нас красоты неопишуемой цветы. Я таких цветов нигде не видела. Огромные пионы. Их там называли «марьины коренья». Очень большие ромашки, спелая земляника... И роднички, в каждом была вода совершенно другого вкуса. И так с тяжелыми рюкзаками весь день шли-шли и не заметили, как уже стемнело. А до Ужепа мы дойти не успели. И что делать? Пришлось останавливаться на ночлег на берегу Каа-Хема. Нарубили лапник и сделали шалаш. Конечно, я уходилась, умучилась с непривычки до потери сознания и сразу же крепко заснула. А оказывается, мой напарник, Геннадий Павлович,

не спал, потому что вокруг шалаша всю ночь бродил медведь-шатун. Поэтому Геннадий Павлович, охраняя нас, всю ночь жег костер, отгоняя незваного гостя. А я еще и не поверила — придумал какого-то себе шатуна. Когда же вышла из шалаша — да, действительно, увидела отпечатки огромных лап. Нам потом местные жители рассказывали, что этот медведь уже двоих людей задрал. Вот так с этим шатуном мы пережили ночь.

Мы пошли дальше. Часам, наверное, к шести вечера мы пришли к поселку Ужеп, который находился на противоположном берегу. Что оставалось делать? Кричать. Мы покричали, покричали, и из ближнего к реке дома вышел подросток и спустил лодку. Я думала, он будет на веслах к нам приближаться, а у него всего лишь в руках один шест, и он этим шестом так лихо-лихо отталкивался, приплыл к нам и говорит: «Вам на ту сторону надо?» Мы отвечаем: «Надо». Без разговоров загрузил наши рюкзаки, посадил нас, и мы поплыли.

Когда мы приплыли, то не знали, куда устраиваться. Как обычно, нас научили, что, если что, — надо идти в школу. Мы и пошли в школу. Там оказались директор и учительница — муж и жена. Они посмотрели наши документы и говорят: «Ну хорошо, идем к нам домой, там и переночуете. А дальше уже надо будет идти и разговаривать с председателем». Но самое смешное было потом. Наша хозяйка, Маша, мне говорит: «Так, я вот печку на улице разожгла, тесто замесила, сковородку поставила, давай-ка оладушки пеки». А вокруг ходит теленок с огромными глазами. Я на тарелку сбрасываю эти самые оладушки, а он подошел и съел. Я ему говорю: «Брысь, пошел!», — а он на меня посмотрел и опять съел. Когда Маша это увидела, то сказала: «Да его надо было просто рукой шлепнуть, и он отойдет». Что делать? Ну, не умела. Так же, как и предшественница моя, которой сказали затопить печку, она положила дрова в духовку и подожгла. И был дым и ничего не топилось. В общем, мы были городские, совершенно не приспособленные к сельской жизни.

Накормили, напоили нас. Утром мы пошли к председателю. Тот говорит: «Ага, вам нужно в скиты, к отцу Палладию. Смотрите, вот тропиночка, по ней идите и дойдете». Опять взяли рюкзаки на плечи и прошли 40 километров. И дошли. Но совершенно замечательно, как нас встретили. Фотография этого скита опубликована в книге Николая Николаевича. Территория огорожена, несколько домиков, ручей посередине течет. Очень уютно, красиво и тепло. И мы входим в калитку. Нам навстречу выбегают три монахини в черных косоклинных сарафанах, в платках, завязанных по-старообрядчески. Геннадия Павловича они уже знали. Они нас сразу же привели в дом, дали умыться. Более того, даже ноги обмыли, поскольку натопались-то

мы как! Дали переобуться. Ну, в общем, все как положено, как в древнерусской традиции принимают гостей. Или даже в христианской традиции. И сразу же посадили нас за стол. Мне Геннадий Павлович говорит: «Ты только не налетай, потому что там в конце будет такое, что если ты наешься, то ты уже этого не сможешь съесть, у тебя только глаза будут гореть». Ну, хорошо. Сначала приносят глиняные мисочки с окрошкой. Причем я понимаю, что еще Филипповский пост, а в окрошке почему-то сметаны очень много. Там, значит, огурец, трава какая-то, сметана, картошечка и что-то еще, не помню. Вкусно. Квас совершенно потрясающий. Я такого, сколько ни старалась, так и не смогла сделать. Съели. Они тоже сидят, но они — за одним столом, а мы — за другим. Большой стол их, маленький стол наш. Поскольку они часовенного согласия, они чашничают. Они встали на молитву, а мы только стояли. Нам с ними нельзя было молиться. И потом приходит отец Палладий. Он сел во главе стола, под иконами. И все едят молча, никто ни о чем не спрашивает. Съели окрошку. Потом приносит матушка рыбу, запеченую в тесте, и предупреждает: «Вы это тесто-то убирайте. Тесто не надо есть». А оно, представляете, пропитано рыбой. Причем это ржаное тесто, душистое — как можно его не съесть? А рыба не больше, не меньше, как хариус. Ладно, съели рыбу. И вот потом-то несут вот такое блюдо: ярко-красное, просто бордовое, даже не земляники, а именно клубники лесной, еще, к тому же, залитой медом. Тогда я поняла, о чем меня Геннадий Павлович предупреждал. Откушали и это.

После этого они встали, помолились, а потом начали разговоры разговаривать. Для того, чтобы разговор лучше шел, у них на столе стояла чашка с кедровыми орешками и у нас такая же. Но они их очень ловко щелкали, я так не умела совершенно. Начинают расспрашивать, кто мы, как мы, откуда, зачем, почему. В общем, все обычные вопросы. Но поскольку Николая Николаевича они уже знали, то нужно было просто передать поклон от него, объяснить, чем мы занимаемся. Ну и главное, Геннадия Павловича они тоже знали, а я-то кто? Я начинаю рассказывать, что я Алевтина — Альбина для них было совершенно непонятное имя (я и крещена была потом как Алевтина), что я учусь в консерватории, что у меня есть такой учитель — Максим Викторович Бражников, и я хочу научиться петь по крюкам. Матушка смотрит на отца Палладия, тот кивает: «Ну, давай, завтра-таки начнем».

На следующий день с утра, я сейчас не помню, как мы завтракали. Я — в предвкушении. И вот матушка меня усаживает за стол, подает мне в руки книжку. Как я сейчас понимаю, это была печатная книга начала XX века издания Калашникова — Октоих. Она открывает сте-

пенный антифон и говорит: «Ну вот, давай начнем». Сначала указкой показывает киноварные пометы: это гораздо, это низко, это строка, это мало повыше повыше высоко. В общем, рассказала и спела обиходный звукоряд. Заставила спеть меня его по горовосходной лестнице. А затем прочитала текст первого тропаря антифона степенны первого гласа и меня заставила повторить. После матушка Надежда показала знаменные знаки роспева и рассказала, как они распеваются. Это параклит, это крюки и стопицы — они в одну степень поются а это скамейца и голубчик борзый — в две степени вверх, тут же смотри — стопица с очком и подчасие в две степени вниз поются, а в конце строки, смотри, попевка, долинка прозывается — вниз прокатывается. Матушка проверила, как я запомнила, и продолжая урок, говорит: «Вот теперь, смотри, я буду петь по солям, а ты будешь петь слова». То есть чтобы я соотносила слог текста со знаменем. Сделали один раз, сделали второй, сделали третий. «А теперь, — говорит она, — ты будешь петь по солям, а я буду петь слова». Я, через пень-колоду, конечно, но все-таки спела, запомнила. «Хорошо, а теперь ты сама будешь петь это. Я тебе не буду помогать. Причем указочкой показываешь на каждый знак и поешь». Таким образом мы спели первый тропарь первого антифона первого гласа. Переворачиваем страницу книги и поем второй. За три дня мы выучили восемь первых тропарей антифонов всех восьми гласов. На следующий день мы это повторили, и нам уже надо было уходить. На прощание матушка сказала: «Все хорошо», — и подарила мне тот Октоих, по которому меня учила: «Вот тебе книга, натокаешься сама дальше, будешь учить и еще лучше научишься». Вот из этого и состояли уроки матушки Надежды.

С 1974 года я и в консерватории работала, и в Духовной Академии, где познакомилась с Мариной, родом из Финляндии, но с русскими корнями, мечтающей научиться петь по крюкам. Она не была музыкантом, но в детстве училась играть на аккордеоне. Я поняла, что учить и ее, и таких же, как она, нужно по методике матушки Надежды, ориентируясь только на знамена с киноварными пометами. Марина была не одинока в своем желании и привлекла к занятиям множество самых разных людей (певчих петербургских храмов, студентов технических вузов, послушников, монахов). И я учила моих первых учеников по методу матушки Надежды. Работала эта методика просто идеально, чудо какое-то. Самое главное, что ни записывать ничего не надо было, ни наизусть учить. И я поняла, что такова была система обучения как чтению, так и пению в средневековье — от учителя к ученику и по многу часов подряд. Тогда остается тот самый багаж, с которым ты можешь жить и работать дальше.

Пока матушка учила, Геннадий Павлович помогал монахиням в полевых работах. Он косил и ворошил сено, заготавливал на зиму дрова... А через три дня мы отправились в обратный путь. Точно так же, пешком, только по другому маршруту — для того, чтобы выйти поближе к следующему аэропорту. И на этом закончилось первое посещение скита отца Палладия.

Перед походом в скит отца Палладия мы несколько дней пробыли в Ужепе и познакомились с совершенно потрясающей семьей Рукавицыных. Не помню, кто нас познакомил, скорее всего, Николай Николаевич. Он же и рассказал их историю. Два брата, два самых лучших певца во всей округе — Иван и Гермоген. Когда они пели за богослужением, то приезжали старообрядцы со всей округи, чтобы их послушать. Один из братьев, Иван, ушел в партизаны, вступил в партию, вышел из общины и стал первым председателем совхоза, а другой, Гермоген, оказался наставником старообрядческой общины. С ним, Гермогеном Федоровичем, мне выпало великое счастье общения. У Гермогена Федоровича было двое сыновей — Марк и Макар, взрослые, многодетные отцы семейства. А жен их звали одинаково: Феврусьями. Сыновья-то и познакомили нас с Гермогеном Федоровичем. Таких высоких и огромных мужиков я до той поры никогда не видела. Вот огромные плечи, под два метра ростом, густая черная борода... На лицах только глазищи сверкают. А когда я посмотрела, какие у них сапоги, — они 47-го размера! И вот они идут впереди, трава высокая, густая, волнуется как море, даже их закрывает, и мы за ними плетемся потихонечку. Привели они нас в избушку — весь заросший сруб — и говорят: «Батюшка, вот мы привели к Вам гостей из Новосибирска». К нам выходит навстречу такой же могучий человек, только с седой бородой и с глазами, которые явно не видят — видно, что у него на глазах бельма. Говорит: «Ну что же, милости просим, проходите». Мы заходим, садимся. Естественно, у нас магнитофон в руках. «Кто вы, что вы, как вы?» — начинаются всякие разные разговоры. Мы объясняем, куда мы, зачем мы, и не можете ли нам показать свою библиотеку? «Ну, — говорит, — пожалуйста». Я смотрю и обалдеваю. Там все 80 томов энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Что же там еще было? Вся дореволюционная литература, связанная с историей церкви, причем очень редкие и специальные книги (Краснопевцев, Дмитриевский), справочники, словари — то, что далеко не каждый университетский студент в руках держал. Но рукописи он так и не показал.

В процессе беседы отец Гермоген затрагивал всякие вопросы, рассуждая о сложнейших философских проблемах: «Я все время размышляю о Софии Премудрости Божией и даже не знаю, что по этому

поводу сказать, ничего про это не знаю». — «А уж мы-то и тем более ничего не знаем, но мы спросим у Николая Николаевича Покровского». Дальше к нему еще какие-то тетеньки прибежали, а главное, пришла его сноха, Феврусия. Я говорю: «Мы учимся петь по крюкам, не могли бы вы что-нибудь спеть?» Можете себе представить, в июле они нам спели стихиры Пасхи. И мы это записали. Показывала их уже не я, а Татьяна Генриховна Казанцева, — оказывается, запись сохранилась. Несмотря на то, что отец Гермоген был весьма преклонного возраста, голос потерял гибкость и красоту, но в его пении было столько силы, ясности и четкого понимания того, о чем он поет и зачем поет, что он просто зачаровал всех. Необыкновенно было. Вот они спели все стихиры Пасхи, причем он возглашал, как положено. Потом они стали петь духовные стихи. И вот опять же, исполняя стих о Протопопе Аввакуме на том же самом месте, диалоге протопопицы и протопопа, все заплакали. И оказывается, потом нашему Гермогену был сделан выговор за то, что, во-первых, он Пасху пел не тогда, когда нужно, а во-вторых, что вообще непонятно, с кем стал разговаривать. Но очень интересно, что он ответил на то, почему он Пасху пел в это время. Он знает, что сказал? — «А как же Серафим Саровский? Когда к нему император с императрицей пришли, ему же тоже пели Пасху в июле». И все.

В. А.: Пасха приходит, но не уходит.

А. Н.: Да. После этого, уже на следующий день, мы пошли в скит. Потом мы были в скиту у тех женщин, о которых рассказывал Николай Николаевич, о том, как и почему они оказались монахинями, хотя были мирскими девочками, и как сложились их судьбы — тоже совершенно потрясающе, и в какой-то степени они были связаны со вторым Рукавицыным. Он Иван, по-моему, был. Значит, одна из них Мастратея, другая — Варсонофия. Две девочки, которых послали в скит на лето. Так принято было, чтобы девочки воспитывались и учились монашескому смирению и были богобоязненными — как положено, но оставались мирянками. Но эти две девчонки, когда все взрослые ушли на сенокос, решили примерить на себя монашеское облачение: «Личит или не личит?» И все бы было ничего, если бы в этот момент в окно не заглянула их тетка, матушка Измарагда. Она увидела и ужасно огорчилась, потому что она не хотела их постригать в монахини, но раз уж они сами на себя это надели, никуда не деться, они сами выбрали свою судьбу. И так они стали сначала послушницами, а потом и монахинями. Это было до 1918 года, когда туда пришла советская власть и все скиты, всех монахов разогнали. Обе эти девицы оказались не у дел. Одна из них отправилась в Кызыл искать работу на рынке. На ее счастье, к ней подошла женщина родом из Мо-

сквы, у которой были муж-летчик и дети, и спросила: «Ты не хочешь ли поехать с нами в Москву и нянчить моих детей?» — та сказала: «Хочу», и уехала с ними в Москву.

А вторую, Варсонофию, пригласил помогать своей жене Агафье тот самый Иван Рукавицын, который был коммунистом и партизаном. Это тоже было обычное дело: у Агафьи уже родились четверо детей, почему бы не помочь? Она оказалась в этом доме. Потом выяснилось, что она не только детям помогает, но еще и определенным образом «помогает» ее мужу. Агафья возмутилась, но ничего сделать не могла. Поэтому Иван построил Варсонофии на этом же участке домик, и она там и жила. У нее родился ребенок, но он не выжил. И тогда Варсонофия решила, что это по ее грехам, ушла от Ивана и стала работать в совхозе. Причем она работала так, что в 1939 году ее отправили как отличницу труда на сельскохозяйственную выставку в Москву. Оттуда она, по-моему, вернулась. А Мастрада, оказавшись в Москве во время войны, ушла на фронт, но не воевать, потому что старообрядцам нельзя держать в руках оружие, а в банно-прачечный комбинат. И прошла она с этим банно-прачечным комбинатом до Берлина, и вроде совсем уже успокоилась, решила, что Бога нет. Так было, пока она в каком-то из пунктов не встретила и не стала помогать летчику, которому было плохо, он умирал. Она подошла к нему и спросила: «Скажи, вот ты в небе летаешь, а ты там Бога видел?» Он сказал, что видел.

После окончания войны она вернулась в Кызыл. А Варсонофия после того, как закончилась война, опять вернулась к Ивану. Тут мне матушка Надежда рассказывает: «Выхожу на рынок и смотрю — Мастрада в юбке выше колена, в гимнастерке, обстриженная». Она к ней подошла и спрашивает: «А чего ж ты такая?» А та отвечает, что приехала работу искать. Надежда сказала: «Знаешь, поедem к нам в скит, отдохнешь». Привезла ее в скит. Говорит: «Тебе же жарко в этом, давай, переоденься. Вот тебе косоклиный сарафан, вот тебе рубаха. А голову-то давай прикроем, не смущай нашего отца Палладия-то стриженная, разве девка может быть стриженной? Это нехорошо». Таким образом она ее и оставила при себе. А тут и Варсонофия тоже вернулась. Решили они всем миром, что им нужно отдельный скит построить. Иван им построил домик, в котором они и пребывали. Туда мы тоже сходили. Они тоже пели. Пели они плохо, но все равно пели. Так вот я познакомилась с реальными участниками всей этой исторической драмы.

Где мы еще были? Дальше я уже плохо помню, потому что ничего такого особенно яркого не было. Мы были в том скиту, где как раз и произошло пострижение этих двух монашенок, но матушки Изма-

рагды уже не было в живых. Дело в том, что туда Геннадий Павлович бегал несколько раз, когда они еще с Николаем Николаевичем ходили, потому что у матушки Измарагды была в коллекции потрясающей красоты рукопись — Евангелие XV века, с юсами и с заставками нецелыми, с киноварью и ярко-лазоревыми какими-то вставками. Удивительное совершенно. И Николай Николаевич у нее пытался выпросить книгу и уже договорился. Геннадий Павлович прибежал к ней, а она сказала: «Нет, я пока не могу, я не отдам. В следующий раз». А следующий раз случился именно тогда, когда мы пришли, а она скончалась. Перед смертью она хотела, чтобы это Евангелие положили с нею в гроб. Но буквально за час или за два до смерти она сказала: «Нет, придет этот самый из Новосибирска, отдашь ему». Таким образом лаборатория получила такое Евангелие. Причем, знаете, старообрядцы редко когда продавали книги, они просто отдавали. Так, что еще помню? Вот все, наверное.

В. А.: А сколько раз Вы всего ходили?

А. Н.: К матушке Надежде и к отцу Палладию в скит мы ходили три раза. У Рукавицыных всегда, когда мы приходили, был Филипповский пост, лето, и они нам сказали, чтобы мы приехали к ним зимой, они бы зимой все нам рассказали и записали.

В. А.: А летом некогда?

А. Н.: Летом некогда. Тогда мы договорились с Николаем Николаевичем, что мы им оставим магнитофон, отметим все те песнопения, которые они должны нам записать, а петь они будут по своей рукописи. У этой рукописи есть тоже своя история, совершенно замечательная. Они всегда пели только по своей рукописи. Причем они пели и «знамя», и «путь», и «демество». Это все было на очень высоком уровне.

Феврусия мне рассказывала, что они в 1950-е годы, после очередных преследований, как она говорила, Берии, прятались страшнейшим образом: матери с детьми, если не было мужчин, просто уходили в распутицу в тайгу и не возвращались, и там умирали. А у них большая семья. Они тоже ушли, но они ушли чуть раньше и успели построить там землянку. Топили только ночью. Соответственно, еду готовили только ночью, чтобы дыма не было. Сделали схрон, там, где изба, спрятали книги. С собой не взяли ничего, потому что слишком много надо было нести. А службу-то служить надо было. И вот отец Гермоген при коптилочке, при свечечке написал эту толстенную книгу — Обиход. Это действительно обиход, все, что нужно. Написал он ее по памяти, на этом сорвал себе глаза. И мне Феврусия говорит: «Когда мы вернулись и достали книги из схрона, я положила книгу, которая у нас лежала, и книгу, которую батюшка написал, и одного

различия не нашла. Так он все помнил». И понятно, что это память не зрительная, это память слуховая. И вот по этой самой рукописи мы их попросили спеть. Причем направленно — службу Рождеству Христову в разных распевах, что они и сделали. Это потому, что мы были там однажды зимой. Зимой это вообще была сказка и песня. Потому что зимой уже пешком не дойдешь, все-таки 40 градусов мороз. И нам выдали лошадку. Ну, как выдали — дали Геннадию Павловичу в руки и сказали: «Вон там Ласточка, иди, запрягай». Он знать не знает, как ее запрягать. Ну, а попросить... Не знаю, чего он так, я бы так попросила, а он — нет. Ну, как запряг, так и запряг. Он был в настоящем полушубке. Мне тоже какую-то шубейку дали. Я села в сани, меня укутали. И эта лошадка быстренько поскакала вниз по раскатанной дороге. Естественно, нас выбросило, за лошадкой не убежать. Сидим, собираем свои шмотки. Благо возвращался в Ужеп мужичок, который нас тоже знал. Он остановил ее, подвел к нам, сказал: «Кто ж так запрягает?» Запряг как следует, и мы дальше так и ехали по морозцу. Выехали рано утром, а когда приехали — уже стемнело, звезды были. Матушки нас встретили, сразу же на печку посадили, теплые валенки дали. В общем, все было замечательно. Вот и такая была история.

Что еще? Что-то я еще вспомнила. Вспомнила, как Феврусия рассказывала, как она замуж за Марка, певца, сына Гермогена, попала. Рассказывала она так: «Я работала в ларечке где-то в Даниловке. И вот странный человек, парень, ко мне в один день пришел, купил 100 граммов конфеток самых дешевых. Во второй день пришел. Потом на третий. Целую неделю, — говорит, — ходил, конфетки покупал. Я маме рассказываю: “Матушка, такой вот странный парень ходит”. Она и говорит: “Ну, жди сватов”». И действительно, пришел свататься с Гермогеном. А как это Гермоген высмотрел Февусию? Именно потому, что Феврусия очень хорошо пела. И он Марку сказал: «Вот эту девушку бери замуж, она очень хорошая певица». Так и получилось.

В. А.: То есть конфетки он себе покупал?

А. Н.: Естественно, надо же как-то присмотреться к ней, кто она, как она.

В. А.: И присмотреться, и примелькаться.

А. Н.: Да, но так они и не познакомились. Он просто вот ходил и конфетки покупал. Но смешное было еще вот что. Когда мы первым летом были, все-таки они выбрали для нас время и согласились попеть на магнитофон. Хотя в скиту нам не разрешили записывать, потому что для отца Палладия магнитофон и лента были синонимом шагреновой кожи — запишешься, и часть твоей души уйдет. А Рукавицыны спокойно к этому относились. Вот и пришли мы с магнито-

фоном. А там дети, среди которых самый маленький — трехлетний мальчишечка. Как его звали, я уже не помню. Все сидят тихо-тихо, уже настроились, уже почти начали петь. И тут вдруг в избу заходит петух, огромный, с таким красивым гребнем. И этот маленький мальчишечка хватает отцовский сапог, больше чем он сам, и этим сапогом — тюк-тюк-тюк-тюк-тюк — и петуха выгоняет. И все это в полной тишине. Я думала, я там умру. И Анюта была в это время, мы уже с Анютой ходили вместе. Тогда тоже записали много чего хорошего. Так что вот такие вот были вещи.

Кроме того, вообще как-то так познакомились с бытом этой старообрядческой деревни. Конечно, они хорошо жили. И знаете, что меня больше всего потрясло, — это отношение мужа к жене и жены к мужу, такое уважительное. За мужа она вообще глотку кому угодно порвет. Это тоже мне рассказывали. Там же, так же, как везде в России, существовали ограничения на вылов рыбы, на время и так далее. Ну, а мужики-то все равно же подледный лов практиковали, и потом: чем кормиться? И вот они уехали, а тут вдруг — бац, и милиционеры. Так вот, эта вторая невестка, она тоже была Феврусия, но только наша большая, а эта была худенькая, щупленькая. Она как с постели встала, в чем была, накинула на себя шубейку, лошадь запрягла и бегом предупреждать своих. Вот такие они были, совершенно замечательные. Я еще смотрела и думала: «Вот это нормальные взаимоотношения мужчины и женщины. При таких отношениях можно семерых детей рожать, не страшно». Все дома у них были в порядке, все красиво, все замечательно. А как они праздновали Петров день, это было что-то необыкновенное! Нас позвали как положено, и тоже с поклоном, с пением, стаканы с бражкой. А бражка у них особенная: ее пьешь, а она как квас. А настояна она на пантах марала, представляете? Пьешь — вроде все хорошо. И закуска — огромные куски маральего мяса, которое они запекают в печке, еще трава, по-моему, какая-то, ничего особенного. А потом не встать. То есть с головой все в порядке, а на ноги не встать. А они вышли из-за стола, сели в лодки, и устроили гонки по этой самой реке: кто быстрее? При этом у них у всех моторы. Представляете, что это такое было? И ничего, все в порядке. Когда же они подпили, говорят: «Мы ведь не только духовные стихи знаем, а мы еще и песни». И нам столько всяких песен напели. И в основном, как ни странно, «Шел отряд по берегу» и другие революционные песни, песни Гражданской войны. Обалдеть! Причем очень лихо и очень хорошо. Ну вот, наверное, все. Просто больше я не помню. В основном, видите, это сплошное такое бытовое.

В. А.: Ну так это же самое главное на самом деле. Рукописи-то лежат...

А. Н.: Да, рукописи лежат. Кроме того, у них-то мы ни одной рукописи не взяли, привезли просто записи и дневники.

В. А.: А с Николаем Николаевичем вы один раз ходили?

А. Н.: Да, он только нас привез сначала в Бийск, потом в Усть-Коксу, и там мы ничего не нашли, а потом все, мы разбежались. Я не знаю, куда он дальше пошел, наверное, по другому маршруту, вместе с Зоей Васильевной.

В. А.: Я понимаю так, что он брал начинающих, а потом оставался с Зоей Васильевной.

А. Н.: Он направлял, а дальше уже барахтайтесь сами.

В. А.: Это на него похоже. Зоя Васильевна его не отпускала одного.

А. Н.: Зоя Васильевна совершенно потрясающая была женщина.

В. А.: Да, она очень хорошая была. Очень жалко, что так нелепо с нею случилось...

А. Н.: Вы знаете, она просто удивительная — такая верность и такая преданность. Она была, по-моему, для него всем — и мамой, и хозяйкой, и помощницей, всем, всем. Это совершенно удивительно было. Я, собственно, в ней ничего вообще, ни одной какой-то неприятной черты не увидела и не услышала. Как она могла так, я не знаю. Потому что, когда в экспедиции, все это очень близко, все сразу очень видно.

В. А.: Да. Так и дома у них всегда было. Приглашают в гости, все за столом, и она тут, а как будто и нет.

А. Н.: Потрясающий человек.

Еще я хорошо помню, как Николай Николаевич в Москве познакомил меня с очень интересным человеком-старообрядцем, который окончил архивный институт и был дьяконом в храме на Рогожке. Он как-то очень трагично и совершенно молодым скончался. Я до сих пор помню: совершенно невозможный красавец, настоящий русский богатырь, голубые глаза, пшеничные волосы и, соответственно, борода. А как он служил, это красоты неопишуемой. Его звали отец Евгений Бабков. По его рекомендации нас в старообрядческий храм впервые пустили. Естественно, мы стояли у самой двери, но это совершенно потрясающее впечатление. Как это ни странно, знаете какое? У меня было ощущение, что я присутствую при каком-то потрясающе срежиссированном действии, потому что все делалось не то что по команде, но они знали, когда и что. Отдельно стояли мужчины, отдельно женщины. Как только начинаются песнопения, которые должны быть с коленопреклонением, так все — бух! Потом сразу все встают. А какой был клирос, как они пели! Совершенно великолепно, необыкновенно. Тогда я впервые поняла, что это то, чего не понимают наши студенты и даже наши педагоги не понимают, что для того,

чтобы оценить это искусство, нужно обязательно хоть раз в жизни попасть на настоящую старообрядческую службу. Не на тот старообрядческий клирос, которых много везде и которыми руководят выпускники музыкальных училищ, а именно на такой, что держится на традиции. И вот, насколько я могу понять, этот рогожский клирос держался на традиции. Во-первых, это чисто мужской клирос, никакого смешанного. Во-вторых, как они пели — это не итальянская постановка голоса, а нечто совершенно другое, естественная нормальная мужская постановка голоса, и вообще-то не надо ничего с этим делать. Они пели совершенно потрясающе. У меня ощущение было, что я не на земле, а где-то там уже наверху. Вот это я помню.

Список литературы

Кручинина А. Н. Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970–1971 гг. // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 215–237.

Т. Ф. Волкова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ В 1969 г.

В статье рассказывается об археографической экспедиции студенток Ленинградского университета и аспирантке Института истории СО АН СССР в низовьях Енисея, описано много бытовых подробностей.

Ключевые слова: сибирские археографические экспедиции, старопечатные книги, полевая практика

Весной 1969 г., когда мы с моей университетской подругой-одногруппницей Надей Литвиновой (ныне Барминской) учились на третьем курсе филологического факультета ЛГУ и уже третий год посещали семинар по древнерусской литературе Н. С. Демковой, она предложила нам поехать в очередную экспедицию за рукописями не в Архангельскую область, а в далекую Сибирь. Предложение было настолько заманчивым, что мы сразу же согласились и стали с нетерпением ждать лета. И вот долгожданный июль наступил, и мы отправились в далекие сибирские края, не зная, что нас ждет там, какие старообрядческие места мы увидим. У нас уже был опыт двух археографических экспедиций в составе университетской группы на Северную Двину и Пинегу, но все же мы немного трусили, ведь мы даже не знали ни маршрута, ни кто такая наша руководительница Наташа Поньрко, аспирантка первого курса Института истории Сибирского отделения Академии наук, с которой мы при этом должны были встретиться не в Новосибирске, а почти на месте нашей поисковой деятельности — в знаменитом своей причастностью к судьбе протопопа Аввакума месте — городке Енисейске, в низовьях Енисея.

Начало нашей поездки запомнилось хорошо, хотя с тех пор минуло более 50 лет! Этому способствовали во многом мои фотографии, которые, к счастью, сохранились в одном из моих многочисленных фотоальбомов, где они были наклеены на альбомные листы и в некоторых местах сопровождались подписями, что было особенно важно, так как следующая, основная, часть нашей поездки после Енисейска в памяти сохранилась отрывочно и без всяких имен и географических названий. Фотографии напомнили наш прилет из Ленинграда в Красноярск, где мы должны были пересест на пароход и на нем плыть по Енисею в этот легендарный Енисейск. Речной вокзал нас поразил

Надежда Николаевна
Литвинова

Татьяна Федоровна Волкова

обилием скульптур представителей самых разных профессий, что в те советские времена наблюдалось практически во всех городах Советского Союза. Мы с подругой относились к ним с добродушной иронией и стремились запечатлеть друг друга почти у каждой такой скульптуры.

Помню и саму удивительную поездку на пароходе, небольшом корабlike, где у нас была своя каюта, так как плыть нам предстояло не менее двух дней. Я очень хорошо помню, как я, тогда весьма романтического склада особа, не могла налюбоваться с палубы на красивые лесистые берега Енисея, в то время как моя подруга предпочитала сладко спать в каюте и возмущалась моими попытками вытащить ее на палубу. Но на второй день, судя по сохранившимся фотографиям, она все-таки появилась на палубе.

Пребывание в Енисейске вспоминаю очень смутно. Н. В. Понырко, когда я ей позвонила перед написанием этих заметок, сказала, что для нее главной проблемой пребывания в Енисейске была встреча с неведомыми студентками из ЛГУ — она не знала, как нас опознает, но опознала, по ее словам, сразу же. Я помню только ресторан в Енисейске, где мы уже втроем сидели и удивлялись вкусному обеду, которым нас там накормили. Помню убранство этого ресторанчика, в котором главное место занимали многочисленные пальмы в больших кадках. Помню, что я все время думала о том, что три столетия назад здесь был протопоп Аввакум. Это создавало у меня особое настроение. Наталья Владимировна тоже вспомнила этот ресторан, но еще и нашу прогулку возле какого-то монастыря, что в моей памяти

не сохранилось. По-видимому, это был Спасо-Преображенский мужской монастырь, построенный в 1731–1756 гг.

Далее в наших воспоминаниях начинается темная полоса — забылось и то, куда и на чем мы поехали после Енисейска. Наверно, у нашей руководительницы был некий план, которому мы и следовали. Одно из поселений, где мы даже заночевали, судя по фотографии, на которой Надя умывается в интерьере двора деревенского дома, в фотоальбоме названо Усть-Пит. Это село в Енисейском районе Красноярского края, административный центр Усть-Питского сельсовета. Село расположено на правом берегу реки Енисей, вверх по течению от места впадения в Енисей реки Большой Пит. В начале XX в. село Усть-Питское входило в состав Анциферовской волости Енисейского уезда Енисейской губернии. Его прославил своим рождением 1 (13) января 1813 г. Петр Лаврентьевич Попов, впоследствии ставший епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским Павлом.

Что мы там, в Усть-Пите, делали, я не помню, и мои спутницы тоже. На одной из фотографий запечатлен дом, в котором мы, видимо, ночевали, не похожий на наши деревенские дома средней полосы. Он вытянут вдоль дороги и имеет по фасаду три окна со ставнями, днем открытыми и плоскую крышу, без столь привычного нам чердака и крыши со скатами. Перед домом деревянный заборчик, а слева мощные ворота и калитка в них. В свободное время мы гуляли по берегу Енисея, любуясь водными просторами. Улицы поселка иногда имели деревянные тротуары, что было удивительно, так как до моих поездок в Усть-Цильму (Республика Коми), где такие тротуары простираются на несколько километров, было еще далеко.

Затем мы побывали в заимке Шишмарево, расположенной в 12 километрах от Усть-Пита, она также находится на берегу Енисея. Когда-то это было место проживания коренных сибиряков-старообрядцев. Они вели традиционный образ жизни, занимались охотой, рыбалкой, вели натуральное хозяйство. Было время, когда вблизи поселка засеивались колхозные поля. В 1978 г. в Шишмарево была построена колония, где отбывали наказание осужденные, но мы побывали в Шишмарево до этого знакового события. Видимо, в этой заимке мы посетили удивительно колоритного человека — пасечника. Я несколько раз его сфотографировала, но имя его в моем альбоме не названо. Скорее всего, мы именно у него надеялись найти старинные книги. Но ни у пасечника, ни у других жителей этих сел рукописей или старопечатных книг мы не нашли.

Последним пунктом, в котором мы были все втроем, было село Пономарево. Самого села мы не помним, но помним очень хорошо домик бакенщиков, как он обозначен в моем фотоальбоме. Нам при-

Наталья Владимировна Понырко и Надежда Николаевна Литвинова

шлось там провести ночь, которую мы с Надей до сих пор помним. Где ночевала Наташа, я не знаю. Но на фотографии она запечатлена возле этого незабываемого домика. Где в это время были его хозяева, я не помню. Может быть, они были на рыбалке, уступив нам свое жилье для ночлега. Во всяком случае утром они привезли огромную рыбину, каких я никогда в жизни не видела. Но вернусь к нашему ночлегу. Наши муки были связаны с тем, что от комаров все окна в домике были наглухо закрыты, и дверь тоже плотно прикрыта. Ближе к утру в домике стало так душно, что мы больше не могли выдержать и вышли на улицу. И тут мы поняли, почему домик был так закупорен: на нас яростно набросились в неимоверном количестве комары. Особенно доставалось Надежде, меня почему-то они меньше кусали. Чтобы надышаться свежим воздухом без комариных укусов, я придумала способ, которому меня кто-то из опытных людей научил. Я сняла с головы белый платок и расстелила его на земле. И действительно, в течение нескольких минут стаи комаров набросились на белый платок, дав нам небольшую передышку. Как мы выдержали остаток ночи, точнее, раннего утра, я уже не помню. Но в домик, кажется, мы уже не возвращались. Утром комары пропали, а мы увидели огром-

Усть-Пит. В поисках рукописей

ную рыбину, которую нам предстояло есть, и забыли про все ночные страдания. Бакенщики ее разделявали и в несколько приемов жарили на огромной сковородке на уличной печке. Помню, что меня поразило то количество масла, которое из этой рыбы выделилось, она в нем не жарилась, а тушилась. Помню, что рыба была очень вкусная.

Дальше нам предстояло уже вдвоем с Надей путешествовать по реке Кас, по берегам которой, как нам сказали, были раскиданы небольшие старообрядческие заимки, так здесь назывались маленькие поселения в два-три домика. Как мы добирались в одну такую заимку и как она называлась, я не помню. Но на нее у нас оставалась последняя надежда: так не хотелось возвращаться в Новосибирск с пустыми руками. На заимке мы попали в дом Татьяны Самойловны Гуриной, запечатленной на нескольких моих фотографиях. Она проживала вместе с взрослым сыном и его женой Надей. Так что у нас образовалась переключка имен — две Надежды и две Татьяны.

Наученные опытом наших первых экспедиций, мы не стали сразу рассказывать о своей связи с Пушкинским Домом и Ленинградским университетом, а развивали в целом вполне правдивую историю о нашем интересе к старинным книгам, умении читать «по-славянски»

Татьяна Самойловна Гурина

и желанием найти интересные книги, чтобы по ним продолжать свое обучение. Бабушка Татьяна очень хорошо к нам отнеслась и после наших рассказов вынесла нам долгожданную старинную книгу. Она была большого формата в деревянном переплете, обтянутом кожей. Мы увидели, что это рукопись, и по почерку и бумаге поняли, что, скорее всего, она была XVII века. Разговор наш мы подвели к моменту получения этой книги для дальнейшего обучения. Татьяна Самойловна была согласна нам ее подарить. И успокоенные, мы легли спать в одной из комнат на полу. Однако в середине ночи раздались какие-то громкие голоса, мы услышали шаги, и вскоре в нашу комнату вошел какой-то мужчина. Он предста-

вился каким-то местным начальником (не помню сейчас его статус) и потребовал у нас документы. Нам ничего не оставалось, как показать ему наши паспорта и объяснить цель нашего появления на заимке. Не помню, была ли Татьяна Самойловна в этот момент в нашей комнате и слышала ли наш разговор, но, кажется, ее все же не было. Начальника впустили молодые ребята. Помню тот страх, который овладел нами, и начальник, кажется, нам угрожал какими-то репрессивными мерами, и книга явно от нас «уплывала». Но нас спасли Надя с мужем. Они так прониклись нашими рассказами и проблемами, что после ухода «разоблачившего» нас человека пришли к нам и предложили на рассвете, не прощаясь с хозяйкой, отвезти нас туда, откуда мы можем возвратиться в Новосибирск. Они нас убедили, что раз книгу Татьяна Самойловна нам подарила (книга была уже у нас), то лучше нам подбру-поздорову покинуть этот дом, так как утром начальник может снова появиться и открыть «правду» о нашем научном задании бабушке, и она может передумать и забрать у нас назад старинную книгу. Мы, конечно, были рады такому предложению и быстро собрались в обратный путь.

Наши спасители — Надя и сын Татьяны Самойловны, вывезшие нас с книгой

На рассвете мы сели в моторную лодку и помчались вместе с нашими спасителями по Касу. Вокруг нас была невероятная красота, а рукописная находка согревала наши замученные предшествующими неудачами души. Мы мчались по сибирской реке и сознавали, что вокруг на многие километры не было человеческого жилья. Плыли мы довольно долго и с глубокой благодарностью распрощались с Надей и ее мужем, имя которого я запомнила. Счастье от сознания, что мы вернемся с такой ценной находкой в Новосибирск, переполняло нас.

Как и откуда мы возвращались назад, в Новосибирск, я совершенно забыла. Но фотографии и здесь подсказывают, как закончилась наша экспедиция. Мы встретились в Академгородке и с Наташей Понырко, нашим руководителем (она вскоре покинула Новосибирск и переехала в Ленинград, а спустя годы возглавила Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома и оставалась на этом посту несколько лет), и с Еленой Константиновной Ромодановской, экспедиционное задание которой мы выполняли. В Новосибирске было очень жарко (так помечено в той части моего фотоальбома, которая посвящена Новосибирску). Находку нашу определили как старопечатную книгу действительно XVII в.¹ Скорее всего, это была какая-то богослужбная книга, судя по ее размеру и оформлению.

¹ Книга хранится в ГПНТБ СО РАН под шифром FK.VI.1 — Триодъ постная. Москва: Печатный двор, [1607]. Печатник Андроник Тимофеев Невежа.

Ну а мы направились дальше — на отдых: я — на поезде в Крым, где присоединилась к моим однокурсникам, которые собирали сливы в совхозе под Коктебелем. Первый раз в жизни я проехала почти всю нашу огромную страну, что тоже было незабываемым впечатлением. А Надя улетела на самолете к родителям, которые в то время жили в Великих Луках.

Такая у нас получилась экспедиция. Жаль, что никаких дневников мы не вели — сначала не о чем было писать: рукописей мы не встречали в первых посещенных нами селениях, а на заимке у Татьяны Самойловны было не до дневников. Но моя страсть к фотографированию и бережному хранению всех напечатанных фотографий (я сама и пленки проявляла, и печатала фотографии) позволила вспомнить эту давнюю экспедицию, так не похожую и на все предыдущие, и на все последующие — по Пермской области и по Усть-Цилемскому району Республики Коми.

Л. В. БЕСПАЛОВА

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

Едем в Бурятию!

Статья посвящена поездке археографической группы в Бурятию. Перед экспедицией стояла задача привезти рукописные и старопечатные книги, а также предметы быта старообрядцев-семейских.

Ключевые слова: археографическая экспедиция в Бурятию, книжные находки, этнография

Если у меня и были какие-то записки или письма о той давней археографической экспедиции 1972 года, то они безвозвратно утрачены. Что вы хотите — прошло более 50 лет. Целая жизнь! И все же та экспедиция оставила в памяти много ярких эпизодов. А как иначе: это вы живете там, в Сибири, а у нас тут другая точка отсчета. От города на Неве это далеко-далеко: за Уралом, за Енисеем, за Байкалом. Азия!

Эта поездка выпала мне случайно. Моя однокурсница и подружка Елена Шварц (увы, ее не стало в прошлом году) наконец-то уговорила меня сделать прививку от энцефалита, чтобы я могла принять участие в экспедиции, как мы думали, в Коми. Но оказалось, что в тот год появилась возможность присоединиться к экспедиции из Новосибирска в Бурятию, где издавна жили семейские — старообрядцы, переселенные в эти места еще в XVIII веке. Мне захотелось именно туда: когда еще будет такая возможность?!

Итак, студентки филфака ЛГУ — Лиза Семенова, Наташа, фамилии которой я не помню, и я — прибыли в Новосибирск. Посмотрели знаменитый Академгородок, познакомились с коллегами. Нас распределили по разным группам, я попала в опытную команду Тани Аписит.

Отъезд. Мы, три скромные ученые девочки (если посмотреть на нас со стороны), отправились в путь с важными документами — от Института истории Сибирского отделения Академии наук СССР, и деньгами на приобретение предметов быта семейских.

Взяли билеты, закинули рюкзаки за спину и поехали. В поезде было жарко. Запомнилось, как однажды мы несколько часов, почти не отрываясь, смотрели в окно: любовались озером Байкал, рядом с которым была проложена железная дорога.

В дороге к нам в купе как-то подсела женщина. Решив подкрепиться, выложила из сумок всякую снедь и нас пригласила к столу.

Сильно запахло чем-то «специфическим». Мы отвели глаза, задержали дыхание. Но оказалось, что так «благоухает» знаменитый байкальский омуль с душком. Я рискнула и попробовала — вкусно!

Вот и пыльный Улан-Удэ. Дальше наш путь лежал к центру территории, которую нужно было обойти/объехать и собрать с нее книжный урожай, а именно — в Тарбагатай. На этот счет у нас имелись и нужные адреса; к сожалению, многие не оправдали наших ожиданий.

Тогда еще не было интернета, видимо, поэтому мы и не догадывались, что в тех необъятных краях есть несколько Тарбагатаев. Увы, узнали мы об этом слишком поздно. Руководитель экспедиции Танечка Апсит потом потратила много времени на финансовый отчет, стараясь сделать так, чтобы наш маршрут совпадал по датам с собранными в дороге билетиками.

А случилось вот что. Не думая ни о чем плохом, ночью мы сели в поезд (а надо было бы в автобус) и отправились в путь. Одна из верхних полок прогибалась и нехорошо скрипела, угрожая совсем сложиться и кого-то придавить. Но обошлось. Приехали на рассвете, посидели немного на безлюдной платформе и с солнышком отправились по делам: в местную администрацию — поставить печати на нашей «подорожной» о прибытии (это мы поторопились!), где-то поесть и, конечно, посетить книжный магазин.

В те времена в отдаленных местах всегда можно было приобрести что-то интересное. Мы нашли продавщицу у нее дома, попросили открыть магазин, и нам повезло. Помню, что я купила несколько экземпляров «12 стульев» Ильфа и Петрова, издания о кино и т. д. В общем, все набрали книг и довольные отправились на почту. Там нас ждал неприятный сюрприз. Когда мы передали приемщице свои посылки, с обратным адресом, выяснилось, что мы действительно находились в Тарбагатае, но не в Бурятской АССР, а в Читинский области. Вместо того, чтобы ехать в южном направлении, мы долго двигались на восток. Какая неприятность!..

Документы испорчены, что делать? По-моему, это Таня Апсит придумала выводить печати вареными яйцами. Не помню, удался ли этот трюк, но в столовую мы ходили, яйца варили, скорлупу снимали, а пленочку оставляли — главный «сводительный» элемент. Наш дальнейший маршрут пришлось в корне пересмотреть, но все же мы вышли на нужную траекторию и посетили намеченные поселения Бурятии.

Что запомнилось из тех дней. Купание в горной речке Хилок: вода холодная, течение сильное. А вот мы в «аэропорту» — в деревянном домике на каком-то местном аэродроме ждем самолетик, чтобы куда-то лететь. Долго ждем и, коротая время, часто заправляемся очень

вкусными блинами. И еще о еде. Мне было даже удивительно, что в Забайкалье, так далеко от европейской части страны, в столовой в меню те же эскалопы! А вообще в магазинах скудно. Как-то, голодные, мы смогли купить только пятилитровую банку с маринованными огурцами и помидорами.

Однажды в воскресное утро в каком-то клубе показывали американский фильм Стэнли Крамера «Скованные одной цепью». Конечно, мы пошли. Кассирша спросила, какие мы будем брать билеты: детские или взрослые. А у нас, вы помните, документы из важных учреждений, ну, и вообще. Подумав, мы взяли... детские, по 5 копеек, заплатили, правда по 10, серий-то две.

Надо сказать, выглядели мы специфически. Белые платочки, синие треники, а сверху юбки — все-таки к старообрядцам приехали. Так и ходили по деревням и селам, изумляя местных. Последние тоже нас иногда удивляли. Как-то мы ехали в автобусе с пьяным мужичком, который всю дорогу говорил исключительно матом. А еще в одной из крошечных гостиниц познакомилась с охотницей — молодой девушкой, которая, по ее утверждению, владеет ружьем с детства и стреляет метко; с ней, мол, шутки плохи. Ну, прямо Маленькая разбойница Андерсена!

Насколько я помню, с рукописными и печатными книгами, за которыми мы приехали, там было не густо. А вот с этнографическими предметами — получше. Хозяйки, проникшись нашими рассказами и уговорами, доставали из сундуков очень крупные яркие ожерелья, передники и цветастые сарафаны, тканые пояса, огромные расписные платки — их брали за углы несколько человек и растягивали на пол-избы. Красота необыкновенная! Не скажу, сколько стоили те несколько платков и поясков, которые нам удалось купить, а вот за янтарь-янтарище (считалось, что он помогал от зоба) просили всего рублей 5–7.

Своим личным успехом я считаю добытый, кажется, в Улан-Уде Ирмологий крюковой XVIII века, в хорошем состоянии. После долгих переговоров с хозяином я получила разрешение залезть по шаткой лестнице на чердак и порыться там, а внизу во дворе заходилась лаем злой пес. Там я и нашла эту книгу. Но главное — удалось уговорить владельца отдать ее «в добрые руки», чтобы хранилась она не в сундуке на чердаке, а в нормальных условиях. А ученый народ изучал бы книгу, любовался ею и удивлялся красоте письма. Мне когда-то говорили, что этот Ирмологий был затем выставлен в Новосибирске, в витрине библиотеки. Не знаю, так ли это, но хотелось бы...

Л. В. ТИТОВА¹, М. В. МЕЛИХОВ²

¹ Институт истории СО РАН, Новосибирск

² Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

ДОРОГАМИ СИБИРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ*

В статье поднимаются вопросы специфики полевой археографической работы в Сибири, контактов с представителями старообрядческой культуры и церкви.

Ключевые слова: сибирские археографические экспедиции, древнерусская книжная культура, старообрядчество

Археографическое крещение я получила очень рано. Уже после окончания первого курса филологического факультета Ленинградского университета я была приглашена в археографическую экспедицию, организованную и возглавляемую Н. С. Демковой и замечательным археографом нашей страны В. И. Малышевым. Это было одно из первых творческих объединений «большой» — академической — науки и молодой энергии студентов университета, приобретающих бесценный опыт реальной филологии.

Летом 1968 года Наталья Сергеевна, готовя к поездке группу студентов, специализирующихся у нее по древнерусской литературе, познакомила нас с В. И. Малышевым. Тогда мы собирались в нашу первую археографическую экспедицию по Русскому Северу, где познали особенности полевой работы — в это время жизнь старообрядческих общин на Русском Севере по многим объективным причинам затухала.

Прежде всего сказывалась антирелигиозная пропаганда советских времен. Старообрядческие общины воспринимались как одна из разновидностей сектанства, которое преследовалось государством. Местная молодежь не проявляла заинтересованности в сохранении рукописей и непонятных им старопечатных книг. Часто манускрипты уничтожались не из-за страха и запрета хранить церковную литературу, а по неведению, непониманию их ценности. Мы порой находили рукописи, запечатанные в подтопленных вешними водами сараях или чуланах. Среди находок были ценные историко-литературные сборники, старообрядческие полемические, и интересные, редкие старопечатные издания. Мы воистину спасали рукописи от гибели, именно поэтому наши поездки были необычайно «урожайными». Помнится, в 1968 г. мы привезли более ста книг, рукописных и старопечатных.

---

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

В Сибири ситуация была совсем иной, здесь старообрядческие общины жили своей жизнью, намного больше было и грамотных книжников, сохранились и старообрядческие скиты, в которых мечтал побывать каждый участник экспедиции, но удавалось это редким счастливым. Надо заметить, что на полевую работу в Сибирь приглашались с 1966 г. участники семинара Н. С. Демковой.

В 1966 г. в сибирской экспедиции побывала Е. К. Пиотровская — для новосибирских археографов это был первый случай приглашения на полевую работу человека «со стороны». В дальнейшем многие участники семинара Н. С. Демковой ходили «за книгами» в Сибирь: Л. И. Сазонова, Т. Ф. Волкова, Н. Н. Литвинова, И. А. Лобакова, Е. П. Семенова и другие. Участие студентов Ленинградского университета в сибирских экспедициях Наталья Сергеевна считала достаточно тяжелым, но необходимым опытом.

Мне в студенчестве не довелось побывать в сибирских археографических экспедициях, в скитах, но мне выпало большее счастье — в 1972 г., после окончания ЛГУ, я была приглашена Н. Н. Покровским и Е. К. Ромодановской (светлая им память!) работать в археографической группе сектора феодализма ИИФиФ СО РАН под их началом. С той далекой поры и по сей день я остаюсь археографом Института.

Правда, в силу жизненных обстоятельств (замужество в 1973 г., рождение сыновей в 1974 и 1975 гг.) в сибирскую экспедицию я поехала только в 1977 г. и затем достаточно регулярно, в течение 33 лет, вела полевую археографическую работу, скитаясь по сибирским городам и весям вместе с коллегами и студентами НГУ. На мою долю выпало в основном первичное обследование новых районов, а также малоисследованных территорий, налаживание контактов с грамотными книжниками. Таково было решение Николая Николаевича.

Сейчас всколыхнулось в сердце много воспоминаний! Но очень меня смущает то, что память моя так устроена, что в основном содержит эмоции по каким-то частным событиям и личным деталям. Могла бы только, наверное, эскизно набросать воспоминания о том, как интерес к старинным книгам и их хранителям помогал мне в экспедиционной работе, какой бы она ни была: «разведка» ли новых старообрядческих территорий, установление ли контактов с книжниками или общение со старообрядческими наставниками, общение со служителями официальной церкви.

Чтобы охватить побольше территорию для первичного обследования, мы делились на группы. Помню, что моя первая поездка была в Абакан и его окрестности, куда мы с Т. Н. Апсит (сотрудницей нашего сектора) и с двумя студентками, вчерашними первокурсницами-подружками Олей Горелкиной (ныне О. Д. Журавель) и Верой Бел-

киной отправились обследовать новый район. Разделившись на две небольшие группы, мы с В. Белкиной отправились в село Бирикчуль, а Т. Апсит и О. Горелкина — в село Аскиз. Помнится, район был не очень-то богат книгами, для чтения использовали церковные книги поздней печати, XIX–XX вв., рукописи встречались редко, а может, и не все нам показывали, хотя относились к нам всегда доброжелательно и ценили наше умение читать по-церковнославянски. Мне хорошо запомнился один из достаточно начитанных людей — старообрядец Федор Дмитриевич Понамарев из села Бирекчуль, который проявил к нам интерес, экзаменовал по истории старообрядчества, дополнял наши рассказы своими познаниями. С ним я в дальнейшем некоторое время переписывалась, посылала новые издания по истории старообрядчества и в итоге в конце 1977 года получила вознаграждение — пришла большая посылка с сибирскими дарами: замороженными ягодами, вареньем, а на дне, хорошо запакованная в бумагу и полиэтилен, объемистая старообрядческая полемическая рукопись XVIII века с большим письмом (5 тетрадных листов, писанных убоистой скорописью Федора Дмитриевича), в котором он сообщал о книге, полученной им от бегунов-странников, и довольно подробно излагал историю страннического согласия со ссылками на исследовательскую литературу XIX в.¹ Конечно, подобных даров было немного, но были, что свидетельствует о необходимости поддерживать постоянные связи с книжниками.²

Вторая моя поездка за книгами состоялась в 1979 г. Она была задумана Н. Н. Покровским как «разведка» малообследованной части Томской области, это был Асиновский район. Сложность этой экспедиции заключалась в том, что в это время амнистированные заключенные могли нарушить наши планы. Николай Николаевич поставил условие, если мне ехать, то непременно с двумя-тремя мужчинами, из студентов готов был поехать Саша Мальцев, вторым я предложила взять студента Т. Ф. Волковой из Сыктывкара — М. В. Мелихова, поскольку он был постарше и поопытнее наших ребят, уже отслужив в армии. Такой состав удовлетворил Николая Николаевича, и жарким июлем мы отправились в Томскую область. С книжниками нам не повезло, встречались грамотные старики редко, были не очень разговорчивы, книги по большей части были поздние. М. В. Мелихову в поселке Центрополигон довелось познакомиться с любительницей

---

¹ Рукопись и письмо хранятся в ИИ СО РАН, № 36/77 и 37/77.

² Не могу не сказать об одном замечательном письме-ответе на отправленную мною книгу старообрядческой наставнице — «Повесть о Петре и Февронии» (Л., 1979). Она благодарила за тексты, которые очень хотела иметь у себя, но в конце письма заметила, что «сказки» (имеется в виду само исследование) перед текстами совсем ни к чему.

старинных книг, и я попросила его сейчас поделиться своими воспоминаниями о нашей поездке, он охотно откликнулся на мою просьбу и прислал небольшой живописный очерк о былом в июле 1979 г., который я и помещаю здесь.

Подробностей о нашем «хождении» по жаркой земле Сибирской в моей памяти сохранилось совсем немного. Расстояния между населенными пунктами были большие, рейсового транспорта то ли совсем не было, то ли ходил в неудобное время.

Однажды нам с Сашей Мальцевым пришлось Л. В. Титову отправить на каком-то грузовике, самим ждать следующего, и за это потом получили нагоняй от Н. Н. Покровского. Кажется, рекомендовалось в этих диких краях путешествовать минимум вдвоем. А как-то мне пришлось к месту сбора ехать на колесном экскаваторе на базе трактора «Беларусь», стоя на лапах, на которые он опирается, когда работает. Было пыльно, неудобно, сильно трясло. Саша Мальцев, кажется, ехал в кабине, я же все-таки после армии был физически более крепок и с помощью техникой имел дело во время службы.

Еще одно воспоминание, тоже на «тракторную» тему. Помню, что шли мы втроем пешком, путь предстоял долгий, даже не 10 километров, а больше. Настраивались на день пути. В нужном нам направлении ехал трактор «Беларусь» с телегой. Трактор остановился, из кабины почти выпал пьяный тракторист и радостно пригласил нас в свой транспорт. Мы было усомнились в правильности такого варианта путешествия, но выбора не было. Забрались на очень высокую телегу, тракторист лихо дал старт. Дорога обычная, грейдерная, трактор быстро катился, выписывая синусоиду. Самым опасным участком оказалась переправа через маленькую речку или широкий ручей с большими камнями на дне, но и его лихой абориген проскочил быстро и наше экстремальное путешествие закончилось вполне благополучно.

Л. В. Титова и А. Мальцев отправились по своему маршруту в Асино, а мне было дано персональное задание: приехать в поселок Центрополигон. Как добирался до Центрополигона — тоже не помню. Пришел в поселок. Кажется, у нас не было никаких наводок на конкретных книжников, не было вообще никакой информации, были ли здесь книги. Знали, что в этом поселке жили в основном спецпоселенцы. О старообрядцах местные жители ничего не знали или от нас скрывали. Поспрашивал о старинных книгах, и когда дело уже шло к вечеру, мне дали адрес пожилой женщины, Ксении Гавриловны Парфеновой, и сказали, что у нее книги есть. Пришел. Дом, в котором она жила, производил впечатление заброшенного: не убрано, везде лежат старые вещи, посуда. Хозяйка выглядела очень больной, она с трудом передвигалась по комнате. Худенькая старушка, темный шерстяной платок, в который она куталась, несмотря на жару. Обстановка не слишком располагала к общению. Ко мне Ксения Гавриловна сначала отнеслась очень настороженно, но когда узнала, что студент, да еще интересуюсь старыми книгами, то недоверие перешло в любопытство. Стеннелло, и книги смотрели уже, кажется, при керосиновой лампе. Постепенно хозяйка разговорилась. Книги были, видимо, церковными, о происхождении их она ничего не говорила и вопросы на эту тему просто игнорировала. Возможно, просто не придавала им значения, не считала важным или просто не доверяла. Книги были хорошей сохранности,

печатные, Кормчая, кажется, конца XIX века, Псалтырь, Библия. На ночевку меня отвел ее муж, Михаил, в какой-то из соседских домов. Дом был давно оставлен хозяевами, и спал я, как помню, на полу на каких-то старых одеялах. Утром, насколько помню, она от встречи со мной отказалась, и я уехал.

Как ни странно, но через 10 лет, в 1989 году Л. В. Титова об этой моей встрече вспомнила (кажется, решили в этот район отправить еще одну экспедицию, не помню причины) и я написал Ксении Гавриловне письмо, на которое она ответила, и к настоящему времени у меня сохранилось пять ее писем. Оказалось, что она меня запомнила, сразу отозвалась. Темой, которую она предпочитала прочим, были болезни. Так, стоило мне только один раз упомянуть о гастрите (он был у меня в легкой форме и особо не беспокоил), как именно эта мелкая болячка стала главной темой почти всех писем.

Несколько фрагментов из писем, в которых Ксения Гавриловна рассуждает о роли книг в жизни верующего человека.

23 января 1989 г. (половина письма — рекомендации по лечению моей болячки):

И все же как пришлось встретить знакомого на таком большом расстоянии друг от друга. Некогда бы и не подумала: в городе живет человек близкий и пишу и ожидаю, переживаю. Так много лет, как до-рога душа человека, с которым можно побеседовать о книгах.

Книжное учение вечное. У меня вся радость — книги, поучение святых отец, Божественное писание. Не каждый может понять, для гордых и высокомерных непостижимо написано в книгах. Объяснять писание только могут святые отцы крестоносцы, кто страдает ради Христа. Благочестие есть премудрость, — говорит апостол.

1 июня 1990 г. (половина письма — снова о теме здоровья):

Читаю по-славянски, читаю книги православия. Очень хорошие поучения св. отцев, умные спасительные наставления. Утешение души, как святые отцы говорят: сладко божественное утешение, но не всем. Много бы писала, но плохо, что за все время ни разу не встретились.

4 июня 1992 г. (опускаю первую половину письма):

Напишу о себе. Родина моя — Красноярский край Боготольский район село Вагино, из большой семьи. У моих родителей было пять сыновей и пять дочерей. Родители были земледельцы, неграмотные, расписываться не умели. У них была я восьмая. Вырастили без посторонней помощи и без врачей, все были здоровы. Но это было давно, мне много годов. Страшусь своего возраста, как много... Книг не посылайте, у нас есть, для нас это хватает... Пришлось читать старинные... с твердым знаком и святых отцев поучение. Святые отцы Божие слова на себе испытали и будущим родам написали. Книги — это моя семья. Люблю книги. Для тела хлеб, а для души слово Божие — хлеб ангельский, где человек питает душу.

Из моих первых «разведовательных» экспедиций мне особо запомнилась поездка в 1983 г. с Д. О. Серовым в Тюмень. Николай Николаевич решил восстановить старообрядческие адреса, где бывал он сам и наши коллеги раньше, какие передвижения произошли за последние годы, и начать было велено с посещения официальной

церкви, поскольку старинные книги обычно приносили прихожане, чтобы отдать в церковь.

По приезде в Тюмень мы отправились в церковь, изложили подробно служителям храма, чем мы занимаемся и что нас интересует. Надо сказать к нам отнеслись очень доброжелательно и с пониманием и хотя о книгах они ничего не могли сказать, посоветовали обратиться с нашими вопросами к прибывшему к ним в Тюмень епископу Омскому и Тюменскому Максиму Крохе,³ который в воскресенье должен был возглавить богослужение в их церкви, и они представят ему нас, возможно, чем-то он сможет нам помочь. Действительно, после службы нас представили епископу (надо сказать, я очень волновалась, все-таки впервые предстала пред столь высоким церковным чином), но Максим Кроха оказался глубоко интеллигентным человеком, сразу же понял наши нужды и пообещал поспрашивать в церквях области, где он должен был в ближайшее время побывать, а в конце разговора заметил, что никак не может достать иркутское издание Жития протопопы Аввакума, не так давно вышедшее. Я пообещала ему прислать. Когда мы возвратились из экспедиции, я тут же отправила книгу в адрес епископа и буквально через пару недель получила посылку со старопечатной книгой XVII века с сопроводительным письмом:

Уважаемая Любовь Васильевна!

Премного благодарен Вам за Ваше любезное письмо и книгу, полученные мною по возвращении из Тюмени. В ответ на Вашу просьбу сообщаю, что в Ялуторовске, где я был, не найдено что-либо, представляющее для Вас интерес. В других местах, где может что-то сохранилось, мне еще не удалось побывать. Однако, чтобы не быть Вашим должником, высылаю в дар Сибирской Академии Наук найденную в моей библиотеке декабрьскую mineю 1635 года.

В случае, если удастся мне что увидеть или найти, я обязательно поставлю Вас в известность.

С уважением и добрыми пожеланиями
Максим, епископ Омский и Тюменский

Это действительно была Mineя служебная (декабрьская) 1636 г., замечательная своей полистной вкладной записью XVII в., гласящей: «Лета... сентября в 4 день сию книгу mineю месячную месяц декабрь дал в церковь чудотворцем Козме и Домяну Кошубина (?) торговой человек завязочново ряду Иван Мелентьев по своих родителех, а хто сию книгу от церкви божиин исхитит и тому судит бог в сии век и в будущи» (л. 1–28, зачеркнуто и по л. 1–80, скорописью XVII в.: «7159 году февраля в 24 день при благоверном царе и великом князе

³ См. о нем: Максим (Кроха Борис Иванович) // Православная энциклопедия. Т. 43. М., 2012. С. 25–26.

9/83-к

Московская Патриархия

**У П Р А В Л Я Ю Щ И Й
ОМСКО-ТЮМЕНСКОЙ ЕПАРХИИ**

644024 Омск-24, Успенского, 26

тел.: 3-80-07; 22-37-00

Расчетный счет в Куйбышевском отд.
Госбанка г. Омска № 70101

. 22 . и ю л я 1983 г.
№ _____

УВАЖАЕМАЯ ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА!

Премного благодарен Вам за Ваше любезное письмо и книгу, полученные мною по возвращении из Тюмени.

В ответ на Вашу просьбу сообщаю, что в Ялutorовске, где я был, не найдено что-либо, представляющее для Вас интерес.

В других местах, где может что-либо сохранилось, мне ещё не удалось побывать.

Однако, чтобы не быть Вашим должником, выслал в дар Сибирской Академии Наук найденную в моей библиотеке книгу декабрьскую минер 1635 года.

В случае, если удастся мне что увидеть или найти, я обязательно поставлю Вас в известность.

С уважением и добрыми пожеланиями

Максим
ЕПИСКОП ОМСКИЙ И ТЮМЕНСКИЙ.

Тюкалинская типография з. 490 т. 3000 1980 г.

Письмо Максима (Крохи), епископа Омского и Тюменского. 22 июля 1983 г.

Алексее Михайловиче всея Руси и его благоверной царице и великой княгине Марье Ильинишне и при московском святейшем патриархе Иосифе и при Ноугороцком митрополите Никоне приложил сию книгу месешную минею декабрь печать московская Пров Иванов сын Ловчиков, а прозвище Богдан Ноугородскаго уезду в дом чудотворца Николы Терепенские пустыни при строителе Нафонаиле Ивашеве з братьею по родителям своим и им пожаловать за меня грешнова бога молить по смерти моей и родители мои и мою убогую душу поминать. И сей книги из монастыря ни продать ее, ни заложить никому, и к иной церкви не отдать. А сию книгу подписал Богданов человек Ивановича Ловчикова Ефремка Макарьев».⁴

Вот что вспомнилось и запомнилось об интересных встречах на экспедиционных тропах сибирских просторов. Конечно, были интересные находки старопечатных книг и рукописей в давно разрабатываемых районах: Восточно-Казахстанской области, Тюменской области, Новосибирской области и др. Главное, что приносит положительный результат — это постоянные контакты с хранителями старинных книг, которые их владельцы нам передают, наследуют свои сокровища, уверенные в том, что судьба книг в надежных руках.

Список литературы

Зольникова Н. Д. Описание книг кирилловской печати XVIII–XIX вв. из Собрания Института истории СО РАН (полевые сборы Н. Н. Покровского 1972, 1974 и 1975 гг.) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 204.

Максим (Кроха Борис Иванович) // Православная энциклопедия. Т. 43. М., 2012. С. 25–26.

---

⁴ ИИ СО РАН. № 9/83-к, подробно описана: *Зольникова Н. Д.* Описание книг кирилловской печати XVIII–XIX вв. из Собрания Института истории СО РАН (полевые сборы Н. Н. Покровского 1972, 1974 и 1975 гг.) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 204.

О. Д. ЖУРАВЕЛЬ

Новосибирский государственный университет

ПУТЕШЕСТВИЯ К ХРАНИТЕЛЯМ ДРЕВНОСТИ ИЛИ ИСПОВЕДЬ НЕНАСТОЯЩЕГО АРХЕОГРАФА

В статье приводятся яркие воспоминания об археографических экспедициях по Красноярскому краю, в верховья Енисея, на Кузбасс, в Кемеровскую область, Хабаровский край и Киргизию.

Ключевые слова: археографические экспедиции в Сибири, старообрядческие скиты

Все началось летом 1977 года. Успешно сданный экзамен по древнерусской литературе у Елены Константиновны Ромодановской обещал вытянуть счастливый билет в новую жизнь. Посвящение в «древники» означало, что отныне летние каникулы мы будем проводить не только в рукописных отделах книгохранилищ Москвы и Ленинграда, но и «в поле». Моя первая экспедиция была как раз после первого курса, а первыми наставницами — Любочка Титова и Таня Апсит. Им было по 29, и нам с моей однокурсницей Верой Белкиной они казались очень взрослыми. Мы были вхожи в дома старообрядцев, посетили службу в моленном доме, пытались читать рукописи и старопечатные книги. Грамоты нам тогда явно не хватало: в учебные планы первого курса дисциплины, важные для археографа, еще не входили, и мы с завистью смотрели, как маленькие дети в старообрядческих семьях бегло читают и Часослов, и Лицевой Апокалипсис (последний во многих домах был настольной книгой). Но самым важным в той первой экспедиции был неформальный курс по этике и этикету, советы и образцы того, как надо себя вести в общении с людьми другой культуры, казавшейся нам тогда экзотической.

Старообрядцы, хранившие в условиях атеистической пропаганды не только древние книги, но и отеческие заветы, традиции, вызвали сразу же и безусловную симпатию, и уважение. Не попасть под обаяние этих людей было невозможно, и впредь это создаст для меня непростую проблему. Нас пускают в закрытый для «чужаков» дом, мы передаем приветы от добрых знакомых, в число которых входил, между прочим, и пользовавшийся большим авторитетом у многих старообрядцев Николай Николаевич Покровский; хозяева принимают нас с открытой душой, а у нас есть задание — привезти книги. Наверное, я не настоящий археограф: для меня люди всегда были важнее книг. Конечно, книги мы привозили, нам их давали в дар или на обмен, таскали на своих плечах тяжеленные рюкзаки с бесценными

фолиантами, среди них были и замечательные рукописные сборники, и старопечатные книги, попался как-то Апостол Ивана Федорова, но, понимая культурную и научную ценность находок, я порой испытывала некоторые нравственные терзания.

Та первая экспедиция была по селам Красноярского края. В следующий раз мы отправились туда же, в Минусинск и окрестности, но уже без старших наставников. Я, Вера Белкина и Ирина Жукова прошли строгий инструктаж у Наташи Зольниковой, очень рачительно относившейся к нашей безопасности. В частности, велено было сообщать о себе из населенных пунктов, где была почта. Однако маршрут наш лежал в тех местах, куда по нынешним временам студенток без сопровождения и не отпустили бы, а тогда нам было совсем не страшно. Однажды, чтобы добраться до нужной деревни около леспромхоза, мы долго шли по шпалам, сморившись, поспали под елкой, а когда вечером дошли до станции и сели на скамейку дожидаться утреннего поезда, к нам подошла местная женщина. Спросила, чего мы тут сидим на ночь глядя, а узнав, что поезд наш только утром, пригласила к себе переночевать. Накормила вкуснейшей жареной картошкой с луком, уложила спать на перине, утром проводила на вокзал. А в той леспромхозовской деревне мы жили в гостинице: изба в несколько комнат, над кроватями коврики с оленями... Сидим однажды, переписываем духовные стихи из сборника, который нам старообрядцы одолжили на время, заходит сосед-леспромхозовец с пачкой купюр: дескать, погулять собрался, а деньги заработанные с собой брать опасается, не могли бы мы их у себя пока подержать. Такие были нравы в Сибири конца 1970-х.

Перед той поездкой я сшила себе шикарный наряд из ситца скромной расцветки: удлиненную юбку и блузку в фольклорном стиле с рукавами. 7 июля, праздник Рождества Иоанна Предтечи, он же — Иван Купала. Идем по окраине Минусинска, похожей на деревню, в платках, в своих длинных юбках, а навстречу — мальчишки с ведрами воды. Увидели нас, встали как вкопанные: «О! Бабки!» — и не пожалели на нас водички. Продолжаем свой путь, как мокрые курицы, вода с нас капает, к счастью, была жара и летнее солнышко быстро нас подсушило.

Потом были экспедиции на Кузбасс, в Кемеровскую область, в Хабаровский край, в Киргизию, в самые удаленные места поселений старообрядцев. Добирались на всех доступных тогда видах транспорта, много ходили пешком, а однажды остановился водитель грузовика и предложил подбросить. В том пустом фургоне не было скамеек, но каталась какая-то пустая бочка... а местность была холмистая. Не знаю, как мы с Андреем Евсеевым вышли целыми из этого блендера, но, во всяком случае, не пришлось ночевать у дороги.

С Леонидом Ситниковым довелось побывать в старообрядческом селе, которое находилось где-то неподалеку от границы — то ли монгольской, то ли китайской. Путь был нелегкий: старообрядцы постарались выбрать такое место, куда непрощенные гости по доброй воле не смогли бы забраться. У них же самих, как оказалось, был вездеход, и по своим нуждам они могли съездить в отдаленные «цивилизованные» села. Но нет непроходимых путей для археографов! Часть пути, несколько часов, мы шли по болоту, прямо по кочкам. Потом надо было идти по дороге, проложенной между гор, но из-за проливных дождей дорогу затопило, пришлось пробираться по этим высоким берегам вновь образовавшейся реки, цепляясь за кусты, чтобы не свалиться в воду. Из-за тех же ливней уже в сентябре вновь расплодилось множество комаров, которые с жадностью набросились на пришельцев. Впереди меня шел Леня, я видела его шею, черную от облепивших насекомых. Отмахиваться от агрессоров было нечем — надо было держаться за ветви. Когда к ночи мы добрались до заветного поселения, наши лица страшно распухли от укусов; спасла хозяйшка, смазала нас маковым чаем — настоем на опийном маке, который использовался там в качестве защитного средства от насекомых.

То была удивительная деревня. Древняя Русь в конце XX века, правда, с элементами технического прогресса. Кроме того вездехода, было электричество, которое вырабатывали на дизельном генераторе и давали на несколько часов. Не помню, сколько времени мы там провели, но, кроме бесед с начитанными старцами, много общались с молодыми местными жителями, помогали выкапывать урожай, подружались с супружеской четой. Молодая женщина рассказывала, что она училась несколько лет в интернатской школе в обычной деревне, но потом ее забрали управлять по хозяйству, а там и замуж выдали. Помню, меня поразило то, как ее старшая дочка, два с половиной года, заботливо возилась с братиком, которому не было года. А мама ждала уже третьего ребенка. И взрослые, и дети в той деревне были одеты как положено, по старинке. Мужчины — в поддевах, женщины и девочки, даже самые маленькие — в сарафанах. Архаичный быт, красивые люди, тишина, гармония.

Но, наверное, самым запоминающимся было путешествие в скиты в верховьях Енисея. Те самые, связанные со старообрядческим центром на Дубчесе, в которых побывал в 1960-е гг. Николай Николаевич Покровский и открыл скит отца Палладия. Об этом он увлекательно написал в своем «Путешествии за редкими книгами».¹ В тех местах мы были с Олей Беляевой и Сергеем Языковым. В 1991 году без мужского сопровождения ездить по сибирской глубинке было

---

¹ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984.

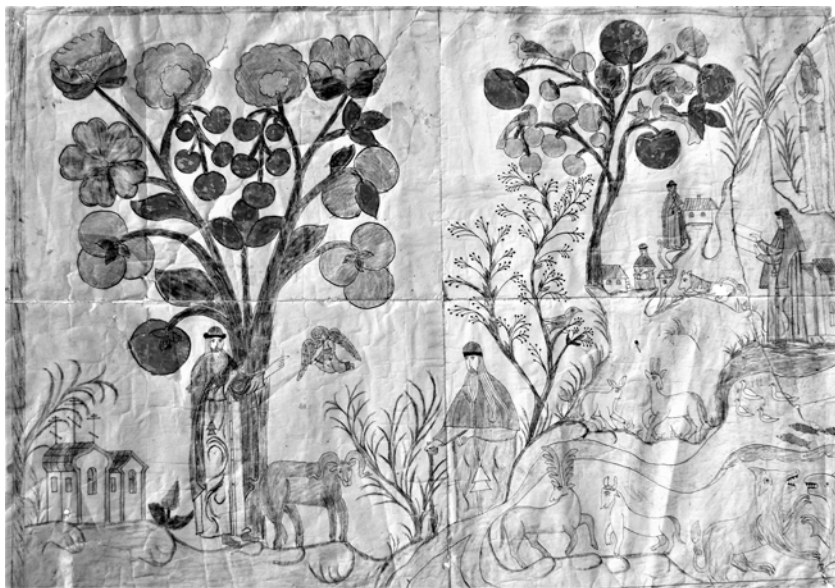

Ольга Журавель и Ольга Беляева по пути в скиты. Верховья Енисея. 1991 г.

опасно. Помню на вокзале в Кызыле огромную толпу, не похожую на очередь, которую буквально раздвинул наш высокий Сережа. Изрядно возвышаясь над местными жителями, он смог сделать невероятное — купить для нас билеты. А незабвенная гостиница в столице Тывы эпохи перестройки! Сломанные замки на дверях, охраны нет, местные подростки могли свободно заходить, порой разжигали костерки в холлах... Дорога в скиты была непростой. Сначала — на автобусе по узкой горной дороге на высоком берегу Енисея над порогами, потом — переправа на лодке, остановка в деревне в дружественной семье, связанной со скитами. А дальше — тропка в тайге. В этих местах не редки дикие звери, в голодные годы медведи нередко выходят за добычей. Нас перед отъездом из Новосибирска предупреждали об этом и выдали что-то из сферы пиротехники, простую сигнальную ракету. Когда мы ее показали нашему проводнику, он только посмеялся: медведя этим не напугаешь. Посоветовал, если вдруг встретится, побежать с ревом и криком ему навстречу! К счастью, эта встреча не состоялась, но волка совсем неподалеку видели. Его холку с собачей не спутаешь...

В скитах приняли нас приветливо. Матушки хранили память о Николае Николаевиче. Он им тогда так понравился, что позволили даже сфотографироваться. А поскольку фотографии в пустынножительной среде запрещены, они потом отрабатывали епитимью, несколько сот поклонов.

Настенный лист «Рай». Работа матери Елены, насельницы скитов

Нас разместили в небольшом гостевом домике, угощали форелью, выловленной в Енисее. Мы вели беседы, помогали на покосе. Косить мы, конечно же, не умели, но этому нас взялся обучать отец Боголеп — он приходил из соседних скитов помогать матушкам по хозяйству. Правда, ему потом тоже досталось за то, что приближался к девушкам (а как иначе научить держать косу?) Он мне подарил солонку, сделанную из бересты. Ее ручку-держалку он выплавил из ложки. Эта солонка и сейчас стоит на моей кухне как ценная памятная вещь. А еще я привезла подарок от матушки Елены — ее уютная келья была вся уставлена иконами и обвешена настенными листами. Один из них, выполненный ею в юности, она мне подарила. На нем изображен рай: тут и старцы, и ангелы, и дерево в яблоках и цветах, и животные, играющие друг с другом... Так она представляла себе старообрядческую пустынь, когда девочкой мечтала удалиться от мира. Когда лет через двадцать я принесла фотографию этого настенного листа дизайнеру издательства «Наука» с тем, чтобы отразить какой-либо фрагмент на обложке моей монографии о старообрядческой литературной культуре, он восторженно качал головой, приговаривая: «Всю поместим, всю!» Так и вышло.

Список литературы

Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. 192 с.

И. А. ЛОБАКОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СИБИРЬ

Статья представляет собой очерк-зарисовку, посвященную участию студентов Ленинградского университета, специализировавшихся на древнерусской литературе, в археографических экспедициях Новосибирского университета.

Ключевые слова: археографические экспедиции в Сибири, древнерусские рукописи

Руководитель семинара по древнерусской литературе Ленинградского университета Наталья Сергеевна Демкова вовлекала в его работу уже первокурсников, для которых присутствие на этих занятиях открывало новый огромный мир русского средневековья. На семинарах в обсуждении принимали участие не только студенты-старшекурсники, но и аспиранты, и выпускники прежних лет. От них мы слышали об археографических экспедициях, в которых наши семинарские предшественники принимали участие. Шансов самим отправиться за рукописными книгами у нас, казалось бы, не было: на филологическом факультете такой возможности не представлялось. Но, как известно, «круг медиевистов не только тесен, но и дружен», а потому немногочисленные счастливицы отправлялись в экспедиции Сыктывкарского университета с Т. Ф. Волковой, а то и Новосибирского университета — с Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеевым. Попасть в их число было непросто: Наталья Сергеевна должна была не сомневаться в том, что избранные ею «семинаристы» не станут создавать проблем археографам, которые соглашались взять с собой незнакомых студентов по ее рекомендации.

Среди таких счастливиц оказалась и я. Мне сказочно повезло: я отправилась в Сибирь, впечатление о которой до своей поездки черпала исключительно из литературных произведений. Реальность была явлена в широком многообразии: я увидела Новосибирск и Академгородок, Енисей, Подкаменную Тунгуску и Вельмо, Бор и Енисейск (место ссылки дочери А. П. Волынского Марии, а позже — декабристов). В Сибири до начала экспедиции я жила у Л. В. Титовой, выпускницы семинара Н. С. Демковой, ее любимой ученицы; встречалась с Н. Н. Покровским, Е. К. Ромодановской, Н. С. Гурьяновой и сотрудниками Института, я познакомилась с Еленой Ивановной и Владимиром Николаевичем и студентами-новосибирцами.

Елена Ивановна Дергачева-Скоп. 1968 г.

При первой же встрече с Еленой Ивановной ощущалась бьющая через край энергия этой яркой, красивой женщины. Она говорила, улыбалась, слушала, соглашалась или спорила с собеседниками, а при этом вокруг нее создавалась и поддерживалась атмосфера чего-то праздничного. Вся экспедиция представлялась уже не только научным событием, но и увлекательным приключением. Безусловно, за подготовкой к любой экспедиции стоит большой труд организаторов (позже, работая на кафедре истории русской литературы в Ленинградском университете, я и сама руководила двумя, так что понимаю, как непросто приходилось Елене Ивановне и Владимиру Николаевичу), но это никогда не подчеркивалось. Было невозможно уйти от мысли, что ты — участница захватывающих событий, остающихся в памяти навсегда. Так мне невозможно забыть поселок Бурный, его жителей, их удивительные рассказы и долгие разговоры о рукописях и жизни, о таежных «соседях», печальном и смешном. Основные археографические навыки я приобрела именно в Сибири. Но не меньшую роль в экспедиции играли неторопливые беседы во время переездов и вечерних встреч, заинтересованные разговоры о книжных древностях, обсуждения книжных новинок, споры о современной литературе и музыке. Музыка сопровождала нас постоянно. У Елены Ивановны был голос очень приятного тембра и огромный запас романсов, не все из которых были знакомы участникам; все наше путешествие на поезде, а затем на теплоходе по Енисею, вечера в Енисейске проходили под записи «Beatles» и рок-оперы «Jesus Crist — superstar» Э. Уэббера и Т. Райса. С ощущением счастья от общения с замечательными людьми я вернулась в Ленинград.

Прошло так много лет, а благодарность Елене Ивановне Дергачевой-Скоп за возможность участвовать в археографической экспедиции, за щедрость, с которой она делилась своими знаниями, за дружескую атмосферу, объединявшую всех присутствовавших, остается такой же глубокой и яркой.

А. Ю. Бородихин

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

АРХЕОГРАФИЯ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ...

В статье рассказывается об археографической практике студентов-первокурсников Новосибирского университета и последовавшей за ней археографической экспедиции в поселок Бурный.

Ключевые слова: археографическая практика, полевая археография, старообрядческие поселения, древнерусская рукописная традиция

Стать археографом не было моей мечтой с детства. Все, что угодно, только не эта научная специальность грезилась в сознании школьника общеобразовательной средней школы Новосибирска как применение в будущем того, чему научит вуз. Начать с самого термина, близкого слову археология, знакомого по главам в учебниках, в книгах, рассказывающих о древнем мире, способах добывания сведений о канувших в Лету событиях, о трудностях, встающих на пути ученых-историков, избравших этот путь в науку о человеестве, и, конечно, сопровождавшими этот путь кропотливым физическом труде и выносливости. Не в пример этому археография Атлантидой всплыла для меня только на первом курсе Новосибирского университета.

Ничего не подозревавшие первокурсники 791 группы отделения языкознания и литературоведения гуманитарного факультета НГУ Т. Дементьева, Т. Илюшечкина, А. Бородихин, О. Мандриков, Я. Самохин и А. Филошов охотно откликнулись на предложение Елены Ивановны Дергачевой-Скоп, лектора по древнерусской литературе, пройти специальную подготовку для участия в летней археографической экспедиции 1978 г. Не подозревавшие в том смысле, насколько тесно их дальнейшая жизнь на факультете и в учебном процессе окажется связанной с той ролью, какую играли в образовании гуманитариев-филологов равно и языковедческие, и литературоведческие дисциплины, основанные на материалах древней письменности и литературы, включая славянскую палеографию.

«Курс молодого бойца», по замыслу Елены Ивановны, должен был включать знакомство с историей и районами археографических исследований в стране, их целями, задачами и результатами. Очень важным представлялось уделить особое внимание проживающим в Сибири носителям и хранителям древнерусской книжной культуры, охарактеризовать особенности их быта, тесно связанного прежде всего с церков-

ными правилами и установками. Забегая вперед, следует отметить, для воспитанной в атеистическом государстве молодежи 1970–1980-х гг. было не просто переключаться на противоположный принятому гражданскому светскому образу жизни уклад старообрядческих поселений. Совершенно отдельного разговора и практики требовало представление о русских книгах времен Ивана Грозного и церковного раскола. Что все эти неизвестные до поры экземпляры рукописей и старопечатных книг — не просто обитатели архивных и музейных хранилищ, а вполне себе хранимое и используемое по прямому назначению населением страны, нашими современниками, национальное достояние, — не укладывалось в голове, казалось фантастикой!

И вот параллельно занятиям по обычной университетской программе были организованы встречи с опытными специалистами, первооткрывателями «Сибири археографической»: Е. И. Дергачевой-Скоп (успехи поездок и экспедиций В. И. Малышева на Русский Север, формирование Древлехранилища Пушкинского Дома, результаты фольклорно-археографической практики студентов-филологов НГУ), Н. Н. Покровским, руководителем сектора археографии ИИФФ СО АН (старообрядчество Сибири: типология, характеристика согласий, отличительные черты; традиционные районы проживания), Б. А. Шиндиным, преподавателем кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (участие студентов консерватории в сибирских археографических экспедициях, записи крюкового пения, особенности оформления музыкальных рукописей) и В. Н. Алексеевым, заведующим Сектором редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН (уникальные находки древнерусской книжности в территориальных коллекциях академической библиотеки). Самое главное, чему мы научились, пройдя ускоренную и насыщенную трудно воспринимаемой для юных мозгов информацией подготовку в этом направлении, — это читать печатный текст и кое-как разбирать текст рукописный. Такое умение было необходимо, но не достаточно.

Критерием отбора в экспедиционные поездки, как выяснилось чуть позже, была успешная сдача экзамена по древнерусской литературе. Итак, экзаменационная летняя сессия позади, собрание и инструктаж первокурсников перед выездом на практику проведены, назначено время и место сбора на железнодорожном вокзале Новосибирск-Главный. И вот, мы едем в поезде большой командой во главе с Еленой Ивановной и вторым руководителем, преподавателем одной из школ Академгородка, Эсфирью Сергеевной Косицыной. Поезд идет на восток, и меня несколько не интересовало, где будет высадка, какая остановка конечная. Какое-то забавное состояние молодости,

увлеченности сиюминутной обстановкой, настроением коллективного действия! Пожалуй, никто уже и не думал, что это продолжение учебного процесса, еще одно испытание, проверка на готовность что-то предъявить взрослому миру, частью которого мы уже стали...

Первый спланированной руководителями этап был успешно завершен: Новосибирск — Ачинск — Лесосибирск — Енисейск, последний отрезок предстояло преодолевать уже на автобусе по пыльной щебеночной дороге. «Тополиный пух, жара, июль...» В Лесосибирске нас уже встречали сотрудники экспедиции, в том числе студенты-старшекурсники, отправленные заранее для устройства базы в этом регионе. Именно это словечко сразу вошло в наш обиход, и где бы нам в дальнейшем не приходилось дневать-ночевать, всегда речь шла о Базе, «родном доме» на все время разных по длительности и географии поездок. Встречавшие нас в Лесосибирске маститые археографы (за плечами уже не менее двух лет экспедиционной работы!) крепко запомнились мне: всегда заряженный на шутку и юмор, неутомимый рассказчик смешных историй Миша Чирейкин, прямая противоположность ему молчаливый Слава Кощеев и коллега В. Н. Алексеева по библиотеке Леонид Александрович Ситников.

Дальнейшее продвижение всей группы к месту проведения фольклорной практики затормозилось по погодным условиям. В Енисейском районе пошли дожди, единственным транспортным средством, доставлявшим пассажиров в таежные поселки и деревушки, служил самолет-биплан Ан-2, жесточайшее испытание для людей со слабым здоровьем. Дни пребывания в Енисейске превратились в дни дежурства на местном аэровокзале в ожидании благополучных «окон», позволявших взлететь и через 30–40 минут приземлиться в точке назначения, старейшем селе Красноярского края, известном с первой четверти XVII в. Маковском остроге. Здесь и проходила первая часть комплексной фольклорно-археографической экспедиции Новосибирского университета 1978 года. Комплексности экспедиции добавляло участие в ее работе студентов консерватории — четырех человек, деливших с нами все необходимые заботы по устройству и поддержанию порядка в быту и проведению досуга.

Основное время двухнедельного пребывания практикантов было занято посещением старожилов села, фамилии которых нам были щедро предоставлены сельсоветом, с целью записать от них еще хранящиеся в памяти народной образцы устного словесного творчества — песни, частушки, сказки, обряды, пословицы-поговорки. В дальнейшем записи обрабатывались и приводились в форму, готовую к отчету по практике. Все это с успехом было проделано в срок и по возвращении в Новосибирск сдано на хранение в ГПНТБ СО АН.

Енисейск. 1977 г.

Правда, на долю мужской части студенческой группы пришлось в основном забота о содержании «котлопункта», словечко, обозначавшее избу, отведенную сельским начальством под временную столовую. Завтраки, обеды, ужины должны быть готовы в срок. В памяти уже стерлось, на дровах или на электричестве шла вся варочная, жарочная кухонная работа, но и без печки хватало дел. Походы в сельский магазин, к населению за свежей зеленью, картофелем, молоком по договоренности, и, главное, на кухне всегда должна быть в достаточном количестве вода. А при отсутствии водопровода ее приходилось таскать с реки Кеть, что протекала под горой в каком-нибудь полукилометре от «котлопункта». На группу в тридцать человек двумя-тремя ведрами в течение дня не отделаешься. Поэтому в конце этой части практики сложилось стойкое впечатление, что наша четверка (Бородихин, Мандриков, Самохин, Филюшов) только и занималась решением этой проблемы... Справедливости ради стоит сказать и о нашем, мужском вкладе в письменную фиксацию устного народного творчества.

Среди всех информантов Маковского местные жители как-то по-особому рекомендовали нам побывать у деда Зиманенко, отмечая его богатую память на все виды фольклора, песенные, сказовые. Несколько летних вечеров и были заняты походами к нему. Старик оказался необыкновенно отзывчивым на просьбы исполнить что-нибудь не только из обычного песенного репертуара села, но и редкости, не часто исполняемые, но сохранившиеся в его семейном кругу. Не меньше десятка самых разных произведений было нами записано у него. Расплывчатые в жанровом отношении русские народные песни с шутливым содержанием («Пошли девки на работу»), переделки произведений известных в прошлом поэтов («Ванька-ключник злой разлучник»), городские романсы («Гуляй, гуляй, моя милáя, и не влюбляйся ни в кого...»), женские страдательные («Мой муж постыл, кровать мостил...»), старинные казачьи песни: рекрутские, исторические («Солнце за лесом восияло...», «Эх, в Таганроге салучилася беда!»). Одна была с особенно пронзительным трагическим содержанием («Один сад зеленый, другой сад цветет... А у нашего цáря ни-сколь правды нет — отбил ручку-ножку, а награды нет»; «времен турецкой войны» — так прокомментировал ее историю исполнитель). Были у него «для веселия» в запасе частушки и даже сказочка «О задумавшем жениться богатом деревенском парне» с использованием ненормативной лексики, все это, как сказано, записано и отдано на хранение в Отдел редких книг и рукописей академической библиотеки в Новосибирске.

Какую-то память о пребывании многочисленного студенческого отряда в тот год мы, несомненно, оставили. Шутка сказать, больше двух десятков городских девиц, буквально свалившихся с неба на старинное село и его обитателей, не могли не вызвать дрожь в сердцах местной молодежи, и попыток познакомиться, особенно в вечернее время суток, было не счесть. Но строгая установка при инструктаже на следование режиму возымела свое действие. Единственное, чем пришлось удовлетвориться самой активной части села, — это привлечением самых артистичных девушек из числа студенток к объявленному местным клубом празднованию Дня Нептуна (!) на реке Кеть, на берегу которой и раскинулось Маковское. Все прошло великолепно, шумно, празднично, организаторы, участники и зрители остались довольны произведенным эффектом. Чего, правда, не скажешь еще об одном, по замыслу прощальном, вечере с участием всех уже подружившихся к этому времени гостей из Новосибирска и односельчан.

Вечером накануне дня отъезда в сельском клубе студентами консерватории был дан концерт с использованием единственного музыкального инструмента — пианино. Первокурсники гумфака НГУ поделились своими впечатлениями о времени, проведенном в Маковском, о жителях и материалах, здесь записанных. Кроме того, читались стихи, исполнялись романсы, и даже чуть-чуть потанцевали под попури, исполненным звездой консерватории Андреем Флахом. Все было бы достойно-благородно, если бы по окончании вечера одной из наших студенток не пришло в голову слегка привести свою внешность в порядок посреди улицы у одного из колодцев, где жители брали воду. Результат был неожиданный, сразу расколовший только-только обозначившееся единство миров. Наутро по селу поползли слухи: студенты отравили воду. Нашлись очевидцы, разглядевшие в ведрах с набранной утром водой «ма-а-хоньких» беленьких червячков с красной полоской по бокам и выпуклыми глазками. Дело приняло нешуточный оборот: студентов не выпускать, воду из колодцев направить в Енисейск в санэпидемстанцию на анализ, ждать результатов! Трудно сказать, чем бы это все закончилось, по крайней мере, обвинители были настроены чрезвычайно серьезно и решительно. И только прилет утренним рейсом Елены Ивановны, отлучавшейся в Енисейск по делам экспедиции, ее встреча с сельской администрацией все решила. Воду, для успокоения непримиримых граждан, отправили в Енисейск до выяснения (угроза для здоровья пользователей не подтвердилась, что было ясно с самого начала!), основная группа студентов несколькими рейсами вылетела в Енисейск и далее в Новосибирск. В Маковском остались только те, кто примет участие в археографической экспедиции.

Как выяснилось, серьезная подготовка только-только начинается! В этом году археографическим студенческим группам под руководством Е. И. Дергачевой-Скоп и заведующего Сектором редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН В. Н. Алексеева предстояла работа в таежных поселках Енисейского и Туруханского районов Красноярского края и Эвенкийского автономного округа. Глухие, малопроходимые места, в летнее время расстояния между поселками преодолевались либо воздушным транспортом, если в расписание рейсов по районам включались нужные направления, либо водным путем на подвернувшейся кстати лодке, а то и нанятой по договоренности с кем-нибудь из местных жителей, знатоков опасных участков многочисленных лесных рек и их притоков. И тот и другой способ передвижения сулили массу впечатлений в пути.

Отправной точкой всех маршрутов среднего течения Енисея, самой крупной водной артерии Красноярского края, служил основанный в 1619 г. город Енисейск. Тогда до перевернувшей страну церковной реформы патриарха Никона, собственно и создавшей впоследствии условия для поисковой археографической деятельности во многих уголках России, оставалось чуть меньше четверти века. Малообжитые таежные места Сибири, природа, богатая дичью, орехами, ягодами, грибами, рыбой рек и речушек с давних пор служили местом притяжения скрывающихся от светских и церковных властей староверов, на протяжении десятков и сотен лет семьями и поодиночке переселявшимися в эти края. Встреча с этим миром была, как никогда близка. Слово *terra incognita* она тянула к себе неизвестностью и загадочностью, тянула и страшила одновременно. Было ясно, именно сейчас и должно пройти проверку все усвоенное тобой за предыдущие месяцы, и от этого зависит как минимум результат и успех экспедиционного сезона.

Так, или почти так думалось мне накануне отправления нашей группы на маршрут Енисейск — Бор (Подкаменная Тунгуска) — Эвенкия — Дубчес/Сандакчес. Незадолго до отправления группы из Енисейска к нам примкнула студентка филологического факультета Ленинградского университета, ученица Натальи Сергеевны Демковой Ира Евсеева (Ирина Анатольевна Лобакова). Как это тогда называлось, для обмена опытом, ознакомления с традициями ведения археографического поиска разных школ (Русский Север и Сибирь) и для укрепления состава археографических групп на маршруте.¹

¹ «Характерным для 1978 г. является кооперация различных учреждений в рамках одной экспедиции... В экспедициях, проводимых Сибирским отделением, в тесном контакте работали ИИФФ СО АН, НГУ, ГПНТБ СО АН с привлечением ЛГУ и Новосибирской консерватории» (Морозов В. В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 356).

А. Ю. Бородин и И. А. Евсеева. Подкаменная Тунгуска. 1977 г.

Забегая вперед, должен сказать, все происходившее в эти летние месяцы 1978 г. было пережито мной впервые. Первая поездка вниз по Енисею на совершенно замечательном комфортабельном теплоходе, прибытие и остановка после полуторасуточного плавания, бросание якоря напротив рабочего поселка Бор, ночная высадка на берег (дебаркадера или пристани тогда еще не было!), размещение в местной школе, знакомство с администрацией и поиски возможностей идти-плыть-лететь дальше.

Было решено: наш отряд разбивается на две группы. Группа в составе В. Н. Алексеева, Ирины Евсеевой и меня обследует старообрядческие поселки Эвенкии по течению Подкаменной Тунгуски и ее притока Вельмо, а группа Е. И. Дергачевой-Скоп и Олега Мандрикова отправляются в поселок Дубчес. А дальше все пошло как в только что освоенном нами «маковском» фольклоре: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Начались долгие часы и дни ожидания, походы руководителей к начальникам экспедиционных партий геолого- и нефтеразведки из Новосибирска, Ленинграда, Северо-Енисейска, базировавшихся в то время в Бору. Цель таких походов была одна — договориться о возможности воспользоваться каким-нибудь из принадлежащих геологам транспортных средств, чтобы добраться до нужных нам мест. Точно могу сказать, хоть и не принимал участие в таких походах, что с вопросами доставки рекомендовалось обращаться к так называемому «маршалу авиации», от которого могла зависеть даже погода, не особенно в тот период баловавшая солнечными днями летные составы экспедиций.

Погода на севере вещь капризная, зарядили дожди — запасайся терпением на дни, а то и на недели. В лучшем случае может образоваться «окно», дающее возможность совершить рейс на небольшое расстояние, чтобы машина успела вернуться назад до следующего изменения погоды, несущего ветры и те же дожди. В нашем случае так и получилось! Вечером накануне Дня в буквальном смысле везения к нам в школу пожаловал сам «маршал» и объявил готовность вылетать в направлении поселка Бурный, по названию реки, впадающей в Вельмо. Итак, завтра на рассвете быть готовыми: три человека, минимум вещей, все остальное в головах.

По-моему, была еще ночь, когда все подскочили от страшного стука в окно, за нами! Времени на завтрак нет, рюкзаки уложены с вечера. Пять минут на приведение себя в порядок, и вот мы уже вприпрыжку трусцой движемся в аэропорт (благо он в полукилометре от места нашего базирования), где уже разогревает двигатель вертолет, готовый нести нас навстречу... Чему? Не вполне ясно. Но уж скорому будущему точно! Небольшое замешательство перед посадкой: вертолет «Ми-1» кроме самого пилота берет на борт еще двух пассажиров, а нас трое. Четкое осознание «третий лишний — это я» заставляет меня опустить на землю рюкзак и почти смириться с этим несправедливым выбором судьбы. Но то ли благоприятный погодный прогноз, о чем мы не имели ни малейшего представления, то ли сочувствие пилота к прискорбному виду, явленному моей сразу уменьшившейся (весьма кстати!) фигуре, то ли все вместе толкнули его на решительное изменение ситуации: «Что стоишь? Запрыгивай, взлетаем!» И мы полетели... Через Енисей, навстречу сразу засиявшему от восходящего солнца дню, навстречу безграничному «морю тайги», где непонятно как, каким образом нашли себе пристанище потомки первопоселенцев этих мест из числа русских староверов.

Полет длился недолго: это по рекам Енисей — Подкаменная Тунгуска — Вельмо путь занял бы 280 км с двумя порогами, на что ушел бы целый день, а в непогоду добавилась бы еще и ночь. А по прямой чуть больше часа. Высота была небольшая, над сопками, казалось, вот-вот зацепим вершины хвойных деревьев, быстро пронесившихся под нами. Вскоре определился ориентир, и мы летели уже по Бурному, притоку Вельмо, в устье которого, по замечанию пилота, и располагался поселок. Я не успел разобраться еще в резко изменившемся ландшафте местности, как увидел несущуюся прямо на нас высоченную скалу, заметил изменившийся цвет реки внизу (Вельмо!), резкий крен и поворот в сторону от приблизившейся навстречу сопки, полукруг в воздухе, и вот мы идем на снижение, целясь приземлиться внутри квадрата, обозначенного бочками из-под бензина прямо на каме-

нистом берегу. Посадка, мы быстро выбираемся наружу, даже минуты не постояв, вертолет взмывает вверх и через мгновение скрывается за сопкой. Тишина обрушивается на нас, и какое-то время мы не знаем, что делать дальше. Берег абсолютно пустой, как я сейчас понимаю, никто не был предупрежден о нашем прибытии даже в какой-нибудь перспективе. Поднимаемся наверх к еле-еле заметной с низкого берега приземистой избушке. Уже наверху замечаем еще несколько таких же невысоких домиков, хозяйственных построек, расположенных на приличном расстоянии друг от друга, и не прекращающийся гнет тишины. Разгадка пустынного, безлюдного состояния поселка прояснилась встретившим нас около своего домика хозяином Дмитрием Павловичем Захарковым. «Все на покосе, погода уже который день стоит солнечная. Надо успевать, а то потом намаешься — суши-непересуши!» — в такой шутливой манере объяснил он ситуацию.

Д. М. Захарков происходит из династии основателей поселка, какое-то время здесь жил и его брат, решивший перебраться в Ванавару со своим семейством. Захарковы — специалисты по установке навигационного оборудования на отведенных им участках рек, бакенщики, одним словом. Реки их акватории: Бурный, Вельмо, Подкаменная Тунгуска, их притоки. Дмитрий Павлович негласно выполняет еще и роль человека, ведающего вопросами встречи, размещения и других потребностей людей, случайно или целенаправленно оказавшихся в Бурном. В свое время он принимал у себя дома археографов Института истории из Новосибирска Н. В. Понырко и Е. Журавлеву. Теперь мы попали в его распоряжение. Во время нашего пребывания в Бурном я невольно оказался в буквальном смысле членом их семьи. Не дав мне толком освоиться, во второй половине дня это небольшое по меркам старообрядцев семейство забрало меня на покос до самого вечера. Мы вернулись уже в сумерках, но за это время я успел познакомиться со всеми его членами: супругой Дмитрием Павловича, Домной Прохоровной, сыновьями Георгием, Михаилом и Тимофеем. Только малолетняя сестра их Елена была оставлена дома с наказом позаботиться об ужине.

По дороге на покос, а все передвижения таежников летом совершаются исключительно на лодках, мы встретили еще несколько семейств Бурного: кто косил, кто ворошил, кто сгребал уже подсохшее сено в копны. Работа буквально кипела по обоим берегам Вельмо. Особенно мне запомнился мчавшийся нам навстречу десант из пяти девиц, расположившийся под присмотром их матери в лодке «Казанке», которым управлял круглолицый, с румянцем во всю щеку крупного телосложения отец семейства, Артемон Иванович Гуляев. Позже мы познакомились и с его старшим братом, Максимом Ивановичем.

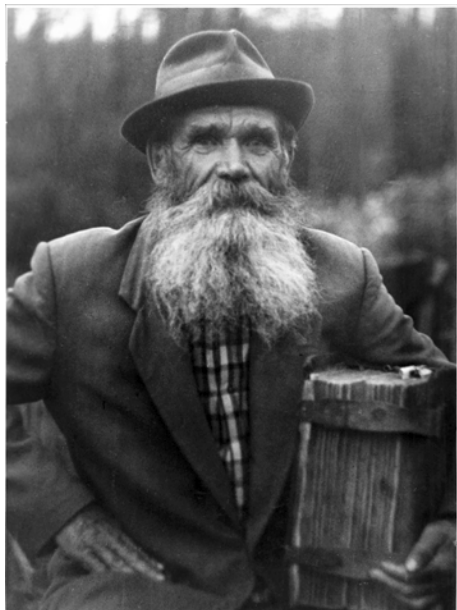
А сейчас в момент встречи на реке это было впечатляющее зрелище: с большой скоростью приближающаяся к нам лодка, на корме какой-то былинный богатырь с развевающейся по обе стороны лица рыжей бородой! Вся картина просто залита находящимся в зените солнцем. Прочно сидящая на голове богатыря шляпа довершала обычный облик жителя этих мест. Вот они — староверы!

Так сложилось, что Захарковы стали моими проводниками в жизнь Бурного. Дмитрий Павлович буквально взял в свои руки обучение меня косье литовкой, чем я в жизни своей не занимался. Как держать ее в руках, следить, чтобы она всегда была острой, иначе траву будешь пригибать к земле и ничего не получишь. Далее рыбалка: неводить, ловить хариусов на перекате, готовить на углях выпотрошенную крупную рыбу, используя аграрный инструмент — вилы. Снова Дмитрий Павлович и Георгий. Завести лодочный мотор в те времена было делом непростым, а поменять срезанную на мелководье шпонку у винта — вообще из области фантастики для городского жителя! И тут новые учителя, сыновья Дмитрия Павловича Михаил и Тимофей. Уж не знаю на какую оценку я мог претендовать в их «школе», но в дальнейшем все это мне — ой, как пригодилось!

После всего сказанного может показаться, что все время нахождения в Бурном ограничивалось сплошь хозяйственными заботами: покосы, рыбная ловля, сбор ягод и грибов, обработка картофельных участков и т. п. Умеют бурнинцы работать, но знают и время, когда нужно отдать должное духовному. Службы и чтения книг по вечерам, воскресным дням и праздникам. Трудно было в это поверить, но, когда из укромных мест доставались нужные для продолжения начатого разговора книги, напечатанные при Михаиле Федоровиче или Алексее Михайловиче, все становилось на свои места: и оправданность держать при себе книги, отвергнутые церковью в результате реформ, и необходимость содержать их в надлежащем состоянии, умение ремонтировать и переплетать их, чтобы сохранить для будущих поколений. Сюда же относится и желание поделиться чем-нибудь из духовных ценностей, когда уверенность, что книга не пропадет, а будет дальше использоваться по прямому назначению и станет достоянием большого числа людей, дает право распорядиться этим наследием.

Как стало известно мне в этот приезд, ранее исследователями древней книжности из Новосибирска были получены Пролог «древлеписьменный», Русский хронограф поздней редакции, дораскольные печатные Псалтырь с воследованием, Октоих, Общая минея, а также несколько первых изданий старообрядческих типографий конца XVIII в. В этом году знакомство с личными библиотеками Мамонтовых, Горбуновых, Гуляевых, Вершининых, Котовых, Сидорки-

Р. М. Горбунов

Жители поселка Бурный

ных и других позволило составить более детальное представление о репертуаре и количестве книг, находящихся в обиходе у старообрядцев титовского согласия (подавляющее большинство жителей Бурного представляют здесь именно эту группу староверов-беспоповцев). Сюда относятся рукописные сборники слов и поучений Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, в том числе переписанные основателем согласия Титом Тарасовичем, Цветники, полемические сборники, житийная литература. Из печатных раритетов — шедевр отечественного книгопечатания Острожская Библия Ивана Федорова, издания первой половины XVII в.: Евангелие-тетр крупной печати, иноческий Требник, Апостол, Триоди постная и цветная, Устав «Око церковное» и др.

Когда настало время отправляться в обратный путь, среди наших приобретений уже значились скорописный Апокалипсис XVII в., сборник слов и поучений Исаака Сирина, печатные Триодь цветная 1630 г. и Псалтырь с воследованием 1651 г. Дорога в Бор заняла гораздо больше времени. Из Бурного на лодке нам надлежало добраться до села Кузьмовка на Подкаменной Тунгуске, населенной преимущественно старообрядцами-часовенными. Давнее знакомство Захарковых с проживающими здесь семьями Москвичевых помогло нам найти пристанище здесь до подвернувшейся okazji в виде буксируемой самоходкой баржи с путешествующими по Подкаменной туристами. Пока баржа не появилась в поле нашего зрения, мы провели в Кузьмовке около трех дней. Это время было посвящено практике чтения канцелярской скорописи по Апокалипсису из Бурного, а также разговорам о полемике старообрядцев с «государственной церковью» с приютившими нас матерью и дочерью Москвичевыми. Из Кузьмовки мы тоже уплывали не с пустыми рюкзаками: две замечательные рукописи XVIII в.: Сборник слов и житий, в том числе русских, и «Келейный летописец» Димитрия Ростовского (!) дополнили вполне представительную коллекцию находок в старообрядческой Эвенкии.

Через несколько дней, уже находясь на базе в Енисейске (спортзал спортивной школы), поддавшись воспоминаниям о времени, проведенном в Бурном, я записал в своем дневнике:

Бурный у меня останется на всю жизнь. Я его полюбил, полюбил его кержаков, верующих в одну лишь веру христианскую да поллитровку в тайге зимой. Это люди, каких уже не часто встретишь: в любой дом заходи, тебя примут, накормят, если банный день, да и не банный, в бане напарят... Чисто русское гостеприимство! Бурный весь как одна семья. Все 24 (примерно) семьи находятся между собой в родственных [кровных и духовных] связях, кроме разве что Мерзляковых, которые из «обительских». Все-таки разногласия в вере очень сильно сказыва-

ются на отношениях между людьми. А так, все друг другу помогают и в сенокос, и по рыбной ловле, стараются поддержать один другого, кто чем может.

Смотришь на мужичков Бурного со стороны, и радостно становится, как будто вернулся назад лет на 50, если не считать радио, кино, моторных лодок, которые [таежниками] не завиняются... И так хочется остаться здесь, пожить их спокойной, размеренной жизнью без суеты, без нервотрепки города, где с утра и до вечера мечешься и не замечаешь, как уходит день, за ним другой и годы... А в Бурном... Нет. Там просто надо пожить...

Поселок Бурный. 1978 г.

Сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, под завязку наполненных археографией, эти слова 18-летнего юноши, вызывают улыбку, и в то же время дают понять причины притягательности, внутреннего воздействия археографической работы на выбор жизненного пути.

Завершая эти воспоминания о моей первой экспедиционной поездке с археографическими целями, считаю необходимым кратко представить общие результаты работы 1978 года, организованной НГУ и ГПНТБ СО АН СССР.

Участники комплексной археографической экспедиции: Е. И. Дергачева-Скоп (руководитель), В. Н. Алексеев, Л. А. Ситников, Г. А. Лончакова, А. Ю. Языкова, Т. Ю. Щербакова, А. И. Мальцев, Т. А. Дементьева, А. Ю. Бородихин, И. А. Евсеева, Т. Н. Илюшечкина, В. Быкова, Я. Н. Самохин, А. А. Филюшов, Н. Ф. Подопрigора, М. К. Чирейкин, Л. Ф. Солощенко.

Находки и приобретения экспедиции: 27 рукописных и старопечатных книг XVII–XIX вв.

Список литературы

Морозов В. В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 353–356.

Т. Г. КАЗАНЦЕВА

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск
Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки

Музыкально-медиевистический компонент комплексных археографических экспедиций Сибирского отделения РАН

В статье подводятся некоторые итоги деятельности новосибирских музыковедов в составе комплексных археографических экспедиций Сибирского отделения РАН, организованных Институтом истории, Новосибирским университетом и Отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН в период с 1969 по 2017 годы. Освещены наиболее значимые для сибирской музыкальной медиевистики поездки и условия работы в старообрядческой среде, дается краткая характеристика нескольких наиболее интересных региональных традиций, приводятся имена информантов — хранителей древнерусской церковно-певческой культуры в XX — начале XXI в.

Ключевые слова: археографические экспедиции, старообрядцы Сибири, богослужбное пение, знаменный распев

Археографические экспедиции Сибирского отделения Российской академии наук с первых лет носили комплексный характер. Это была принципиальная установка руководителей поисковой работы — Е. И. Дергачевой-Скоп, Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской, справедливо считавших, что в условиях Сибири исследования старообрядческой книжности невозможны без изучения контекста ее бытования.¹ С 1969 г. в состав отрядов стали регулярно включаться музыковеды, в задачи которых входил сбор материалов, касающихся традиций богослужбного пения старообрядцев. Первой из них стала студентка Новосибирской консерватории А. Н. Кручинина,² работавшая в группе с историком Г. П. Ениным.

¹ Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274; Покровский Н. Н. Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 435–436.

² Впоследствии А. Н. Кручинина перевелась в Ленинградскую консерваторию в класс известного ученого-медиевиста М. В. Бражникова, затем стала профессором и заведующей кафедрой древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории, ныне является руководителем Научно-исследовательской лаборатории русской музыкальной медиевистики имени М. В. Бражникова. В одной из публикаций имя А. Н. Кручининой упоминается среди участников экспедиций 1967–1971 и 1974 гг. (Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях... С. 32), однако в устной беседе Альбина Никандровна

В 1977 г. в составе экспедиции Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР под руководством Н. Н. Покровского совместно работали новосибирский историк А. И. Плигузов, имевший в то время тесные контакты с Новосибирской консерваторией,³ и ленинградский музыковед Е. Л. Бурилина.⁴

Обе группы с перерывом почти в десять лет вели собирательскую деятельность в регионе так называемого Верховья — в скитах и мирских поселениях старообрядцев часовенного согласия в Тувинской АССР, выходцев с Урала и Алтая. Они записали уникальный аудиоматериал, ныне хранящийся в фондах Сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН.⁵ Коллекция аудиозаписей, собранная экспедициями в конце 1960-х гг., имеет, прежде всего, историческое значение, так как речь идет о самых первых записях старообрядческого пения, осуществленных на территории Сибири.⁶ Кроме того, в это время от старообрядцев были записаны такие формы богослужебного пения, которые ныне оказались полностью утрачены, например, пение демеством. Наибольшую ценность коллекции представляют записи голоса выдающегося певчего региона, хранителя профессиональной певческой (исполнительской) традиции уралосибирского старообрядчества Гермогена Федоровича Рукавицына⁷.

первым годом своей археографической поездки называет 1969, эта дата подтверждается дневниковыми материалами и рукописным описанием коллекции аудиозаписей, сделанных ею в 1969–1971 гг.

³ А. И. Плигузов вел в консерватории курс палеографии.

⁴ Бурилина Е. Л., Плигузов А. И. Наблюдения над современными исполнительскими традициями в знаменном распеве // Музыкальная культура Сибири и Дальнего Востока: История и современность. Новосибирск, 1983. С. 47–51.

⁵ Подробнее об этих экспедициях и собранных в них материалах см.: Казанцева Т. Г. Материалы к изучению богослужебно-певческой традиции староверов-часовенных Верхнего Енисея // Музыкальная культура Сибири: Источники, традиционные и академические формы творчества. Новосибирск, 2018. С. 28–64; Казанцева Т. Г. Аудиоколлекция Института истории СО РАН // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 201–215. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37); Казанцева Т. Г. Из начальной истории полевых исследований старообрядческой богослужебно-певческой культуры на территории Сибири // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 10: К 100-летию открытия кафедры древнерусской музыки в Петроградской государственной консерватории. СПб.; Саратов, 2022. С. 315–328; Казанцева Т. Г., Омарова Е. А. Богослужебно-певческая культура старообрядцев часовенного согласия верховья Малого Енисея в 60–70-е годы XX века: По материалам археографических экспедиций // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 286–296. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-20.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Экспедиция известного московского музыковеда-медиевиста Т. Ф. Владышевской к семейским Забайкалья состоялась в 1973 г.

⁷ Казанцева Т. Г. Хранитель традиций богослужебного пения уралосибирских старообрядцев Г. Ф. Рукавицын: По материалам полевых дневников и аудиозаписей

В 1977–1978 гг. активное участие в полевой археографической работе приняла студентка Новосибирской консерватории, ученица Б. А. Шиндина Л. Ф. Солощенко — впоследствии исследователь и издатель старообрядческих духовных стихов.⁸ Ею же выполнена дипломная работа, посвященная духовным стихам старообрядцев Красноярского края, по сути — первое исследование певческой традиции старообрядцев титовского согласия.⁹ К сожалению, собранный ею материал утрачен.

Следующая совместная экспедиция состоялась только через 14 лет, в октябре 1992 г. Это была поездка в Бурятию к старообрядцам семейским, в ней приняли участие научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН А. Ю. Бородихин, студентка Новосибирского университета И. Е. Колесникова, аспирантка Новосибирской консерватории Т. Г. Федоренко (Казанцева) и студентка Л. Р. Фаттахова.

Экспедиция проходила в трудных условиях. В это время в стране был экономический кризис, ни консерватория, ни участники экспедиции не располагали достаточными средствами для поездки, в свободной продаже не было аудиокассет. В конечном итоге, деньги были выделены из средств «хоздоговорных» проектов, осуществлявшихся в то время на возглавляемой В. М. Цеханским кафедре компьютеризации Новосибирской консерватории, аудиокассеты нашлись в домашних фонотеках, имеющиеся на них записи предварительно были стерты, запись велась на бытовой магнитофон «Романтик», который приходилось носить за собой и каждый раз искать в домах информантов электророзетку.

Не менее, а, возможно, и более сложные задачи стояли перед участниками этой экспедиции в плане научной подготовки к поездке. Дело в том, что первооткрыватели певческой традиции сибирских старообрядцев в силу ряда причин не смогли непосредственно передать свой опыт полевой работы следующим поколениям, не были доступны сделанные ими записи, образовался временной разрыв, крайне негативно сказавшийся на возобновлении музыкально-архео-

---

из фондов Института истории СО РАН // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 277–246. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 42).

⁸ Приказ № 50/2 от 4 июля 1977 г. // Новосибирская консерватория — 50 лет: Материалы и документы. Новосибирск, 2006. С. 440; Официальное письмо заместителя председателя Сибирского отделения Археографической комиссии Н. Н. Покровского от 1 июля 1978 г. (Машинопись).

⁹ Солощенко Л. Ф. Музыкальная культура крестьян-старообрядцев Красноярского края: Дипломная работа / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1979. (Рукопись).

графических исследований. В то время у музыковедов-медиевистов имелись весьма приблизительные представления о старообрядчестве: семинар Н. Н. Покровского мы не посещали, общего курса палеографии в консерватории уже не было, знания обо всем были исключительно «книжными». Содержащаяся преимущественно в дореволюционных публикациях сложная для восприятия информация с трудом усваивалась умом воспитанных в советской школе начинающих исследователей. Столь же слабыми были знания о старообрядческом богослужении (да и о православном богослужении в целом), о культуре староверов, их жизненном укладе, отношении к «внешним», то есть не старообрядцам. Поэтому перед поездкой пришлось серьезно погрузиться в историю, этнографию, литургику и другие далекие от музыковедения области науки.

Более опытные археографы — сотрудники ГПНТБ СО РАН В. Н. Алексеев и А. Ю. Бородихин — подсказали маршруты, конкретные населенные пункты, где компактно проживали семейские Бурятии, имена и адреса уставщиков.

Сейчас результаты этой экспедиции нельзя оценить однозначно. С одной стороны, количество собранного аудиоматериала в сравнении с результатами последующих поездок оказалось совсем незначительным. Основная причина собирательских неудач состояла, видимо, в том, что, по неопытности, мы не могли четко и доходчиво пояснить старообрядцам цели нашей работы. Немаловажное значение также имели культурные стереотипы староверов старшего поколения. Так, безрезультатно закончился поход к одному из наиболее грамотных уставщиков в селе Тарбагатай Стефану Федоровичу Чебунину, чей возраст превосходил 90-летний рубеж. Приняв нас в целом доброжелательно, он, как человек старшего, еще дореволюционного поколения, воспитанный в строгой вере, решил, что мы пришли к нему обучаться церковному пению и уставу и сразу же прекратил разговор на эту тему, так как, по его словам, такого рода знания следовало передавать только мужчинам — будущим уставщикам. От записи на магнитофон он также категорически отказался.

Беседа с С. Ф. Чебуниным длилась довольно долго, но касалась преимущественно свадебного обряда семейских, о котором он рассказывал, вспоминая свой личный опыт. Здесь мы столкнулись с еще одной трудно преодолимой проблемой: семейских, как носителей яркой, самобытной народной культуры, во второй половине XX в. активно изучали фольклористы, поэтому нам очень трудно было найти знатоков литургического пения, так как нас, принимая за фольклористов, все время направляли к исполнителям народных песен.

В результате удалось записать лишь одну неполную кассету и только от одного уставщика из села Куйтун Леона Власовича Афана-сьева. Ему мы также не смогли внятно разъяснить цели своего прихода и причины интереса к старообрядческой службе: у него, напротив, до нас побывали «археографы из Новосибирска» (скорее всего самозванные), и он не хотел показывать нам свои книги. Но, будучи человеком чрезвычайно добрым и открытым от природы, уставщик ответил на все интересовавшие нас вопросы и продемонстрировал свои знания богослужебного пения. Остается только сожалеть о том, что эта первая наша беседа могла бы быть более информативной, если бы мы точнее и полнее сформулировали свой опросник.

С другой стороны, опыт этой экспедиции оказался бесценным и значительно компенсировал прежнее отсутствие навыков полевой работы: мы научились общаться с носителями традиции, учитывая их социальный статус — уставщики, грамотные соборяне, мужчины, женщины; составили общее представление о культуре, выявили общины с более-менее полно сохранившейся традицией, а также определились со временем следующих экспедиций: с учетом нерегулярности соборных богослужений поездки далеко не всегда укладывались в рамки традиционного для археографии летнего периода.

Большой удачей оказалось знакомство с одним из уставщиков с. Бичура Павлом Осиповичем Савельевым, от которого мы получили приглашение приехать на Рождественскую службу и разрешение записать ее на магнитофон. В этом смысле неожиданно полезной для нас оказалась поездка к семейским в начале 1970-х гг. Т. Ф. Владышевской: она работала с уставщиками Бичуры, в том числе с П. О. Савельевым, и тот прекрасно помнил эту запись «на большую машину». В январе и апреле следующего года мы были на Рождественском и Пасхальном богослужениях семейских Бичуры. Это было первое знакомство с настоящей семейской службой, совершенно особенной по мощности звучания голосов и глубине эмоционального впечатления.¹⁰

С этого времени Бурятия стала одним из постоянных мест экспедиционной работы новосибирских музыковедов. Поездки в разные районы республики периодически осуществлялись с 1993 по 2000 годы. В них приняли участие студенты консерватории О. Л. Ефимова и Е. Г. Червякова. Работали в Улан-Удэ, селах Бичура, Билютай, Тарба-

---

¹⁰ Результаты начального этапа экспедиционной работы среди семейских Бурятии нашли отражение в: Федоренко (Казанцева) Т. Г. Забайкальское старообрядчество: Книжные традиции и современная певческая практика: Дис. ... канд. искусствоведения / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1995. (На правах рукописи).

гатай, Куйтун. В частности, записали богослужение на праздник Преображение Господня в семейской общине белокриницкого согласия.

В течение этих лет исследователи воочию наблюдали процесс угасания этой уникальной богослужебно-певческой традиции вместе с уходом из жизни старшего поколения уставщиков и грамотных певчих. После 2000 г. вместе с, наверное, последним представителем этого поколения, уставщиком семейского «большого собора» из Улан-Удэ Иваном Терентьевичем Алексеевым данная традиция фактически прекратила свое существование.

Одновременно нами наблюдалась и трансформация религиозной жизни и культуры семейских, связанная с приходом в соборы «молодых», рожденных при советской власти старообрядцев, а также с миссионерской деятельностью Новозыбковской старообрядческой Церковной иерархии, активизировавшейся в 1990-е годы. Символично, что именно поездкой в Бичуру в 2017 г. завершилась моя активная экспедиционная работа. Однако эта поездка показала, что традиция все-таки жива и эволюционирует, что внушает оптимизм и надежду на ее сохранение пусть и в преображенном виде.

В 1999 г. произошло еще одно чрезвычайно важное в деле изучения богослужебно-певческой традиции старообрядцев Сибири событие — поездка в Кемеровскую область к истинно-православным старообрядцам странникам. Поездку эту организовал А. И. Мальцев для Л. Р. Фаттаховой, писавшей диссертацию о духовном пении старообрядцев Кузбасса,¹¹ я присоединилась. Поездка оказалась судьбоносной: ни у кого ранее мы не встречали столь хорошо сохранившейся традиции (не восстановленной, а именно сохранившейся, никогда не прерывавшейся). Странники хранили архаичную (раздельноречную или наонную) манеру пения, прекрасно знали крюковую нотацию, что позволяло им исполнять сложные мелизматические песнопения, а также демественный распев. Кроме того, они хранили богатейший устный пласт литургического речитатива — погласицы всех видов чтения: Евангелие, Апостол, паремии, Толковое Евангелие, Златоуст, Торжественник.

В библиотеке странников также хранились полемические сочинения, написанные учителями их согласия и посвященные в том числе вопросам пения. Наконец, впервые нам не пришлось уговаривать исполнителей спеть на магнитофон, более того, певчие согласились делать для нас самозаписи, и к каждому последующему моему приезду подготавливалась пара кассет с ирмосами или другими песнопениями. К странникам, ставшим мне почти родными, я регулярно ездила

---

¹¹ *Фаттахова Л. Р.* Традиции духовного пения старообрядцев Кузбасса. Омск, 2025.

до 2005 г., в том числе вместе с Н. Д. Зольниковой. В результате этих поездок была собрана обширная аудиоколлекция песнопений фактически всего годового круга богослужений. Этот материал еще ждет своего осмысления и требует соответствующего ему масштабного исследования.¹²

С сотрудниками Института истории СО РАН связаны и другие совместные поездки. В частности, в 2006 и 2007 гг. вместе с Н. А. Старухиным мы посетили несколько приходов Русской православной старообрядческой церкви — в Томске и Асиновском районе Томской области, Залесовском районе Алтайского края. Чрезвычайно запоминающимися оказались многокилометровый крестный ход к томским таежным монастырям и престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы в Томском приходе с торжественным пением местного и новосибирского хоров. Вместе с Н. А. Старухиным мы также навещали в Бийске поморского наставника, полемиста и чрезвычайно интересного собеседника Феодорита Федоровича Серебренникова, с которым я впервые познакомилась еще в 1996 г.

В то же время начались интенсивные научные контакты музыковедов с филологами Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. В совместных экспедициях с сотрудниками этого Отдела в разные годы приняли участие студенты консерватории А. А. Качусова (2005, 2006), С. Г. Емельянова (2008, 2009), В. А. Орехова (2012, 2013, 2014). Расширилась география полевой работы, в нее были включены Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан, Енисейский и Туруханский районы Красноярского края, Республика Тыва. Музыковеды работали в общинах Русской Православной Старообрядческой Церкви в Кызыле и Хабаровске, в компактных, изолированных поселениях часовенных и титовцев на берегах Енисея и его притоков.

Енисейские экспедиции незабываемы трудностями пути и экзотичностью средств передвижения, захватывающей дух красотой ландшафтов и встречами с удивительными людьми. В профессиональном плане чрезвычайно важными оказалось знакомство в период с 2006 по 2013 г. с соборами старообрядцев титовского согласия, с которыми у сибирских археографов существовали давние и очень тесные контакты. Традиция богослужебного пения титовцев, к сожалению, до этого времени никем не исследовалась, и к моменту воз-

---

¹² Богослужебно-певческой традиции странников посвящено несколько статей, общая характеристика традиции содержится в: *Казанцева Т. Г.* Религиозная жизнь и литургическая практика сибирских староверов-странников // Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире. Их роль в сохранении уникальных и исчезающих культур. Ставрополь, 2017. С. 185–198.

никновения моего к ней интереса оказалась в значительной степени редуцированной. Тем не менее, в ходе общения были получены чрезвычайно важные сведения о догматике этого необычного согласия, об «иерусалимском» времени, по которому они живут, об организации суточного круга служб, был записан ряд богослужений. Кроме того, от старообрядцев поселка Бурный для копирования были получены несколько аудиокассет 1981–1983 и 1985 гг. с самозаписями панихиды и фрагментов служб на Пасху, Рождество Христово, Успение Богородицы. Несмотря на невысокое качество записи, этот материал является бесценным с научной точки зрения, так как отражает традицию богослужебного пения в соборах согласия, сохранившуюся в более полном виде по сравнению с ее состоянием в первые десятилетия XXI в.

Наиболее интересными певчими среди титовцев были Георгий Максимович Захарков из поселка Бурный и Кузьма Иванович Килин с фактории Сым. Г. М. Захарков являлся зятем знатока богослужебного пения Родиона Мартемьяновича Горбунова, он и его супруга Евфросиния Родионовна в свое время считались лучшими певчими в своем соборе. К. И. Килин оказался чрезвычайно одаренным человеком: он писал остроумные сатирические стихи в раешном стиле, был талантливым рассказчиком различных историй, связанных с охотой и повседневной жизнью «таежного» старообрядца, вдохновенно говорил о восторге, который в детстве он испытывал на Пасхальной утрени. Но главное, он был отличным певчим, пожалуй, одним из самых талантливых из встречавшихся нам в поездках. Его манера пения с расцветиванием мелодической линии песнопений требует особого исследовательского внимания.

В отличие от тесных, доверительных отношений, которые почти сразу сложились с титовцами, вхождение в контакт с енисейскими часовенными оказалось достаточно сложным. Суровые, эмоционально сдержанные жители изолированных, труднодоступных поселений первоначально очень настороженно отнеслись к посторонним. В одном из соборов нас приняли только благодаря личным контактам их наставника с Н. Д. Зольниковой, в другом — знанию соборян о близком знакомстве с археографами Новосибирского Академгородка их духовного отца Афанасия Герасимовича Мурачева. На следующий год, уже после кончины наставника, нас даже решились проводить на его могилу и почтить память.

Традиция знаменного пения в соборах часовенных была в то время уже находилась на высоком уровне. Есть мнение, что ее возрождению способствовала активная деятельность А. Г. Мурачева. В соборах признают его роль, но подчеркивают, что их напевка самостоятель-

на. Знаменную грамоту здесь знают все — и мужчины, и женщины, в зимнее время молодежь церковному пению учат специально приезжающие учителя. Мощный многоголосный унисон с преобладанием низких мужских тембров, усиленный реверберацией в небольшом помещении, действительно, производит очень глубокое впечатление.

Подводя итоги, можно констатировать, что музыковеды, работая в археографических экспедициях, сумели внести посильный вклад в сохранение и изучение традиций древнерусского церковно-певческого искусства в старообрядческой среде в конце XX — начале XXI в. Результаты, конечно, могли быть более весомыми, если бы работа в этом направлении началась ранее и не прерывалась на столь длительный срок от конца 1970-х до начала 1990-х гг., а также велась более масштабно. Тем не менее, и на собранных материалах вполне возможно сформировать общее представление о богослужебно-певческой культуре сибирского старообрядчества в ее типологическом единстве и локальном и субконфессиональном разнообразии. Этого понимания удалось достичь в том числе благодаря комплексности полевых исследований, в ходе которых собиралась информация по широкому кругу аспектов, внешне влиявших на возникновение локальных вариантов культуры, а именно принадлежности тому или иному старообрядческому согласию, различию мест и времени «выхода» сибирских переселенцев, степени изолированности от «мира», фактору неординарной личности.

Приложение

Хронологическая таблица археографических экспедиций СО РАН
с участием музыковедов

Год	Участники экспедиции	Условия проведения экспедиции	Район полевых исследований
1969–1971	А. Н. Кручинина	Комплексные экспедиции НГУ, ИИ СО РАН, ГПНТБ СО РАН, НГК	Алтайский край, Красноярский край, Республика Тыва
1977	Е. Л. Бурилина, А. И. Плигузов	Экспедиция СО Археографической комиссии АН СССР	Красноярский край
1978	Л. Ф. Солощенко	Комплексная экспедиция НГУ, ИИ СО РАН, ГПНТБ СО РАН, НГК	Красноярский край
1992	А. Ю. Бородин, И. Колесникова, Л. Р. Фаттахова, Т. Г. Федоренко (Казанцева)	Совместная экспедиция НГУ, ГПНТБ СО РАН, НГК	Республика Бурятия (Тарбагатайский, Куналейский, Мухоршибирский, Бичурский р-ны)

1997	А. Ю. Бородихин, А. М. Монтина (Шамнэ), В. В. Мурашов, Н. С. Мурашова, Л. Р. Фаттахова, Т. Г. Федоренко (Казанцева)	Совместная экспедиция НГУ, ГПНТБ СО РАН, НГК при поддержке РГНФ и ФЦП «Интеграция»	Кемеровская область (Беловский, Гурьевский, Таштагольский р-ны), Алтайский край (Залесов- ский и Заринский р-ны, Барнаул, Бийск)
2000	А. И. Мальцев, Л. Р. Фаттахова, Т. Г. Федоренко (Казанцева)	Совместная экспедиция ИИ СО РАН, НГК при под- держке РГНФ	Кемеровская область (Про- копьевск, Новокузнецк)
2001	Т. Г. Казанцева, Н. А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Алтайский край (Бийск)
2003	Т. Г. Казанцева	Экспедиция ИИ СО РАН	Кемеровская область (Про- копьевск)
2004	Т. Г. Казанцева	Экспедиция ИИ СО РАН	Кемеровская область (Про- копьевск)
2004	А. Ю. Бородихин, Т. Г. Казанцева	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Белово)
2005	Т. Г. Казанцева	Экспедиция ИИ СО РАН	Кемеровская область (Про- копьевск)
2005	А. Ю. Бородихин, Т. Г. Казанцева, А. А. Качусова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Белово) Республика Казахстан, Восточно- Казахстанская обл. (Усть- Каменогорск)
2006	А. Ю. Бородихин, Т. Г. Казанцева, А. А. Качусова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Казахстан, Восточно- Казахстанская обл. (Усть-Каменогорск), Крас- ноярский край (Эвенкий- ский р-н)
2006	Т. Г. Казанцева, Н. А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Алтайский край (Бийск)
2007	Т. Г. Казанцева, Н. А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Томская обл. (Томск, Аси- новский р-н)
2007	А. Ю. Бородихин, Т. Г. Казанцева	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Красноярский край (Эвенкийский, Енисейский р-ны), Кемеровская обл. (Гурьевский р-н)
2008	С. Г. Емельянова, Т. Г. Казанцева	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Прокопьевск), Красно- ярский край (Енисейский, Туруханский р-ны)
2008	Т. Г. Казанцева, Н.А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Томская обл. (Асиновский р-н), Алтайский край (За- лесовский р-н)

2009	С. Г. Емельянова, Т. Г. Казанцева, А. А. Юдин	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Прокопьевск), Красноярский край (Туруханский р-н)
2012	Т. Г. Казанцева, В. А. Орехова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Прокопьевск), Приморский край (Владивосток), Хабаровский край (Хабаровск)
2013	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева, В. А. Орехова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН	Красноярский край (Енисейский р-н), Республика Тыва (Кызыл)
2014	Т. Г. Казанцева, В. А. Орехова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН	Республика Тыва (Кызыл)
2015	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева, А. А. Юдин	Экспедиция ГПНТБ СО РАН	Хабаровский край (Хабаровск)

Литература

- Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274.
- Бурилина Е. Л., Плигузов А. И. Наблюдения над современными исполнительскими традициями в знаменном распеве // Музыкальная культура Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Новосибирск, 1983. С. 47–51.
- Казанцева Т. Г. Аудиоколлекция Института истории СО РАН // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 201–215. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).
- Казанцева Т. Г. Из начальной истории полевых исследований старообрядческой богослужебно-певческой культуры на территории Сибири // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 10: К 100-летию открытия кафедры древнерусской музыки в Петроградской государственной консерватории. СПб.; Саратов, 2022. С. 315–328.
- Казанцева Т. Г. Материалы к изучению богослужебно-певческой традиции староверов-часовенных Верхнего Енисея // Музыкальная культура Сибири: Источники, традиционные и академические формы творчества. Новосибирск, 2018. С. 28–64.
- Казанцева Т. Г. Религиозная жизнь и литургическая практика сибирских староверов-странников // Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире. Их роль в сохранении уникальных и исчезающих культур. Ставрополь, 2017. С. 185–198.

- Казанцева Т. Г. Хранитель традиций богослужебного пения уралосибирских старообрядцев Г. Ф. Рукавицын: По материалам полевых дневников и аудиозаписей из фондов Института истории СО РАН // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 277–246. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 42).
- Казанцева Т. Г., Омарова Е. А. Богослужебно-певческая культура старообрядцев часовенного согласия верховья Малого Енисея в 60–70-е годы XX века: По материалам археографических экспедиций // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 286–296. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-20.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).
- Покровский Н. Н. Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 435–436.
- Солощенко Л. Ф. Музыкальная культура крестьян-старообрядцев Красноярского края: Дипломная работа / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1979. (Рукопись).
- Фаттахова Л. Р. Традиции духовного пения старообрядцев Кузбасса. Омск, 2025. 292 с.
- Федоренко (Казанцева) Т. Г. Забайкальское старообрядчество: книжные традиции и современная певческая практика: Дис. ... канд. искусствоведения / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1995. (На правах рукописи).

Н. А. СТАРУХИН

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**«АЩЕ СЕРДЦЕМ ВОСХОЩЕТЕ...
ОТКРОЕТ ВАМ ЧЕЛОВЕКА И ПОКАЖЕТ ВАМ ПУТЬ...»:
ПОЛЕВЫЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕКТОРА АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ***

В статье нашли отражение впечатления автора от сибирских археографических экспедиций, от встреч с насельниками старообрядческих скитов, в которых сохраняются традиции древнерусской книжной культуры.

Ключевые слова: полевая археография, экспедиции, старообрядческие скиты, книжная культура

Начавшийся год богат на юбилейные даты, значимые не только для сибирских археографов. Прежде всего, это и повод в очередной раз вспомнить имена тех людей, которые стояли у истоков создания и многолетнего вдохновляющего налаживания работы третьего археографического центра страны, и возможность приблизиться к пониманию того «героического» (по определению академика Н. Н. Покровского) периода, во многом сыгравшего определяющую роль в судьбе не одного десятка исследователей.

Мой личный интерес к истории староверия, вопросам изучения книжной культуры изначально определялся детскими впечатлениями, рассказами, довольно сдержанными, представителей старшего поколения о когда-то существовавших семейных и общинных староверческих библиотеках, которые безжалостно уничтожались в социальных катаклизмах 1920–1930-х гг. Немного позднее придется услышать и о существовавших когда-то в районах ранней старообрядческой миграции в бассейне р. Чарыш скитах, особенностях связи с ними жителей округи. Народная память сохранила и некоторые подробности трагического противостояния с властями в этих местах — самосожжениях. Перечисленное выше определило не только будущее направление исследований, но и дало им четкую географическую привязку — Алтай. Конкретные маршруты с начала 1990-х гг. определялись скорее работой краеведческих экспедиций,

---

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

возглавляемых барнаульским краеведом-энтузиастом А. Д. Сергеевым. Но все-таки основная часть по сбору материала проводилась в самостоятельных полевых выездах по городам и весям предгорного и степного Алтая. Тогда же были сделаны первые находки, наиболее ценные из них впоследствии поступят на государственное хранение в Институт истории СО РАН, определены дальнейшие маршруты полевых исследований. Работа по этим маршрутам, связанная с историей и книжностью нескольких старообрядческих согласий, в полной мере начнется уже после моего прихода в Сектор археографии и источниковедения.

С 2006 г. основной акцент делался на археографической работе в общинах относительно позднего старообрядческого согласия, белокриницкого. Последнее определялось и давними научными интересами начальника экспедиционного отряда Н. Д. Зольниковой, и заведующего сектором Н. Н. Покровского (необходимость изучения литературы белокриницких была озвучена Николаем Николаевичем во время нашей первой встречи поздней осенью 1993 г.).

Организационно оформилось согласие в 1840-е гг. на территории тогдашней Австрийской империи, получив соответствующее наименование у своих многочисленных оппонентов — «австрийское». С начала 1850-х гг. белокриницкий епископат, и, соответственно, священство, начинает активно распространяться не только в европейской части нашей страны, но и за Уралом. История этого распространения, породившая страстную полемику в старообрядческом мире, была практически не изучена. Предстояло собрать воедино все сохранившиеся сведения, разбросанные по архивохранилищам и частным собраниям.

Пожалуй, самыми значимыми для меня в этом плане станут поездки в Томскую область, в район известного белокриницкого Казанского скита, основанного в 1870-е гг. бывшим часовенным черноризцем, видным публицистом, еще при жизни удостоившемся прозвания «сибирский Златоуст» — Филимоном—Феофилактом Савкиным. Нельзя не отметить, что Савкин являлся земляком хорошо знакомого по книге Н. Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами» казака-скитника Владимира Трегубова. Характерно, что обширное судебное расследование, по которому проходил Феофилакт, вызванное «отпадением от православия» нескольких сотен человек, хронологически очень близко отстоит от времени создания «Повести дивной», в которой красочно описаны все перипетии духовных исканий Трегубова и его единомышленников. Как и его земляк, будущий томский игумен совершит побег из тюрьмы, обратив при этом в свою веру нескольких охранников.

Таежный поселок в районе бывшего Казанского скита. Томская область, лето 2018 г.

По дороге к одному из староверческих скитов. Томская область, 2018 г.

Экспедиционные выезды в этот район определялись как поиском некогда обширной скитской библиотеки, так и сбором всех источников, связанных с историей самой скитской организации, сыгравшей значительную роль для урало-сибирского староверия. Кроме того, в результате всех поездок удалось получить на копирование рукописи и гектографированные издания из состава библиотеки ныне покойного белокриницкого епископа Силуяна (Килина). В памяти навсегда останутся и работы на покосе, особо непростые в этих местах, и заготовка кедровых орехов в урожайные годы, и забавные происки хозяина здешних мест медведя. Нельзя забыть и таежные тропы, проложенные когда-то скитниками, могучие кедровые деревья на скитском кладбище со следами от врезанных в них в свое время икон, впечатляющие рассказы о встречах с нечистой силой, издавна поселившейся в этих местах, и многочасовые, неторопливые повествования местных жителей, жизнь которых, как и их предков, навсегда определил этот скитский центр...

Работа в белокриницких общинах открыла не только ранее не известные источники, но и позволила выявить особенности идеологических построений этого крыла бывшей беглопоповщины. Отношения с гражданскими властями, с собственной администрацией были далеко не безоблачными, а эсхатологические настроения, далеко, кстати, еще не изученные, проявлялись порой не менее радикально,

Горная Шория. После покоса. Август 2019 г.

чем в других направлениях староверия. Чего, к примеру, стоят бескромпромисные обличения собственной иерархии игуменом Феофилактом! В одной из белокриницких семей удалось получить на копирование лицевой Апокалипсис, датируемый 1883–1884 г. С происхождением рукописи пока еще далеко не все ясно, но в среде белокриницких оказалась она явно не случайно. Апокалипсис содержит оригинальную трактовку последних времен, основанную на сложном подсчете одной из книг Ветхого Завета — Псалтыри. Прослеживаются в рукописи и антиправительственные настроения, далеко не всегда афишируемые староверческими книжниками. Как говорится неизвестным толкователем, «...да проглаголет икона зверина... и... подчинит... все покорившейся воле монархии и зверя...» Известно, что особенно остро противостояние с органами государственной власти проявилось в период формирования белокриницких организаций на территории Российской империи. Обостряются эсхатологические настроения и позднее, в период социальных катаклизмов: лихолетья октябрьского «переворота», в годы «великого перелома» 1930-х гг. Кстати, в категориях апокалипсиса нашли свое описание и реформы всех последних лет.

Далеко не односложными во многом остаются и процессы идейных и культурных взаимовлияний в старообрядческой среде. В таежном поселке, расположенном в районе уже упоминавшегося выше Казанского скита нам пришлось познакомиться с одним из белокриницких староверов, на воззрения которого самым решительным образом повлияли идеологические постулаты странников, проживавших неподалеку. Не без влияния их вероучения, изложенного в некой «тетрадке», с которой так и не захотел с нами делиться старовер, он отказался от пенсии, ряда удобств, уже прочно вошедших в быт таежных поселений даже более аскетично настроенных согласий, практически отрешившись от чуждого ему «мира». И это далеко не единственный пример, причем касается он жителей не только удаленных поселений. Объяснение в данном случае следует искать не только в каких-то личных интенциях. В Белокриницкой иерархии изначально складывались разные группировки, их противостояние, проявлявшееся в той, или иной форме, неплохо отражено в самых разных источниках. Одним из наиболее ярких примеров этого противостояния может служить история крупнейшего конфликта в согласии, связанного с выходом так называемого Окружного послания в феврале 1862 г.

Крупнейший за всю историю существования конфликт в бурно растущем согласии, вызвавший его болезненный раскол, оставил значительное количество документальных и повествовательных па-

мятников. Но далеко не все из них и по сей день остаются должным образом изученными. Важным в этом случае, как представляется, стал контакт с сохранившимися к началу наших полевых исследований неокружническими общинами — долгое время считалось, что эти общины прекратили свое существование уже в 1970-х гг.

Первые наши контакты с неокружниками относятся к середине 1990-х гг. Ниточка, которая привела на окраину предтаежного алтайского села, где проживал престарелый наставник Филимон Нестерович Меньшиков, была получена от моей хорошей знакомой, сотрудницы одного из музеев, искренне радеющей за сохранение книжного наследия. Адрес указывался ею слишком обще, и пришлось изрядно потрудиться, чтобы по летней жаре отыскать этот маленький рубленый по-сибирски дом. Визит, понятно, не был мною согласован, и потребовались немалые усилия, чтобы установились простые, доверительные отношения, продлившиеся впоследствии до самой смерти наставника. Наверное, не сразу принял решение, касающееся наших контактов, и сам Филимон Нестерович. Видимо, не случайно, без всяких просьб с моей стороны, он достаточно трогательно, и как мне показалось бесконечно долго (сердце у меня, признаюсь, изрядно «озябло» в первые минуты встречи), исполнял один из праздничных покаянных антифонов, составленных известным византийским монахом Феодором Студитом, сочинения которого до сих пор весьма чтутся староверами...

Горная Шория. Старообрядческая заимка. Август 2019 г.

Со временем, с благословения Филимона Нестеровича, будет передана часть архива и бывшей общинной библиотеки, хранившейся в семье трагически ушедшей из жизни Галины Яковлевны Мишариной. Отдельные рукописи передал на хранение сам Филимон Нестерович. Состав библиотеки во многом определялся переходом согласия к беспоповской практике в 1960–1970-е гг., в связи с уходом из жизни как неокружнического епископата, так и священства. Во многом на наших глазах проходила определенная радикализация согласия, ужесточение бытовых запретов. Эти запреты определялись и таким авторитетным для неокружников нормативным памятником, как соборное постановление, принятое в самом конце 1928 г. в д. Большие Кóрчи тогдашней Вятской губернии. Согласно устным свидетельствам, необходимость соборных решений была обусловлена отступлениями от традиции части неокружников. Отступления вызвали крайне болезненную реакцию более последовательно настроенных членов общины. Об ужесточении позиций, противоречиях среди самих общинников, свидетельствуют и статьи собора, регулировавшие отношения с официальной православной церковью и советскими органами власти, все более оказывавшими давление на религиозные организации. Вот как интерпретировал несколько позднее события тех трагических лет другой неокружнический наставник, Василий Филиппович: «Миряне вооружились — священство испугалось». Причем выражение «миряне вооружились» могло иметь не образное, а и вполне конкретное воплощение. Около 2000 г. мне удалось посетить один из удивительных по архитектуре белокрыницких храмов в Ярославской области, с сохранившейся практически в первозданном виде колокольней. Как оказалось, в свое время храм принадлежал неокружнической общине. По устным свидетельствам, вооруженные подручными средствами крестьяне отстояли свою святыню в годы коллективизации. Удивительно, но по каким-то причинам местные власти не стали выносить «сор из избы», и пошли на уступки!

С 2006 года археографические исследования велись и в общинах других согласий: часовенного (прежде всего, среди духовно понимающих приход Антихриста), поморского, а с 2011 г. были возобновлены контакты с филипповцами. Укажем в этой связи на приобретение интереснейшего сборника по идеологии этого согласия второй половины XIX в. еще нуждающегося в изучении.

Каждая поездка уникальна по-своему, но как-то рельефнее сейчас вспоминается сентябрьская поездка 2010 г. в низовья Чарыша, некогда знаменитого своими кержацкими селами, с их богатейшей историей. Социальные катаклизмы «железного» века прошлись своим безжалостным катком и по этим местам. Но оставалось несколь-

ко населенных пунктов, в которых, как казалось, могло быть нечто интересное для археографов. Путь в один из них лежал через Обь, а возможность посещения этого состоящего лишь из нескольких домов поселения определялась расписанием парома, да милосердием местных владельцев лодок. Для краткости изложения могу сообщить, что встреча с представителем старинного кержацкого рода из этого поселения и замечательным мастером по дереву, назовем его Иваном Ермиловичем, принадлежавшего к поморскому согласию, в итоге состоялась. Но встреча эта оставила у меня двойственное впечатление, в том числе и потому, что позиция Ивана Ермиловича, например, в вопросах о браке, несколько разнилась от общеизвестных. Расстались мы дружелюбно и даже договорились об очередной встрече. Как записано в дневнике: «Простились как положено». Назад до причала было несколько километров, которые в раздумьях прошел пешком. Паром уже стоял на причале, продуктов по каким-то причинам при мне не оказалось, поэтому, коротая время до отправки, решил бороться с голодом испытанным способом, устроившись спать на деревянной паромной скамейке. Пробудился от сна уже тогда, когда паром, подгоняемый мощным течением сибирской реки, подплывал к пристани районного центра. Неподалеку стояла попутная машина моего старшего товарища, старовера из соседнего «горского» села, расположенного в зоне неописуемых по красоте альпийских лугов, Ивана Петровича Соколова, давно поджидавшего меня все это время на берегу с удочкой.

Мои недоумения после этой поездки начали разрешаться постепенно, когда начал регулярно контактировать с Ермилом Матвеевичем, наставником одного из немногочисленных согласий «токаревых», выделившегося в самом начале прошлого века по итогам категорических постановлений нескольких поморских соборов самого начала прошлого века. Согласие получило название по имени выходца из нижегородских крестьян, сапожника и талантливого резчика Григория Евдокимовича Токарева. Резные шкафы мастера с библейскими сюжетами и по сей день являются одним из украшений музея в Городце. Отличительной вероучительной особенностью «токаревых» являлся запрет на поклонение иконам, на которых имелись изображение Господа Саваофа в виде старца «ветхого деньми», описанного в одной из библейских книг. Как водится, яростная по своему накалу полемика в поморских общинах страны возникла не на пустом месте: аналогичные споры рассматривались на соборе русской Церкви в 1553–1554 гг. Инициатором их в то время выступил влиятельнейший дьяк посольского приказа Иван Михайлович Висковатый. Руководство Церкви, традиционно избегая конфликта, пошло

Горная Шория. Дорога на одну из староверческих заимок. Ноябрь 2020 г.

на компромисс, но спустя три слишком столетия указанная проблема вновь попала в поле зрения нескольких горячих голов, и обсуждения начались по новому кругу, уже в иных исторических условиях. Попутно заметим, полемика вокруг названного выше вопроса затронула в большей степени поморские общины, но нам приходилось встречать свидетельства, отчасти подтверждаемые и материалами рукописных собраний, что представителей страннических общин, или их какой-то части, вопрос об изображении Творца волновал не менее остро. Кроме того, запрет на изображение Господа Саваофа по видению пророка Даниила подтверждался на одном из первых соборов сибирских «титовцев». (Впервые полевую работу в этом согласии начал Н. В. Понырко в самом конце 1968 г.)

Именно у токаревых удалось получить на копирование два сборника, содержащих, помимо прочего, один из списков не известного науке «Родословия» урало-сибирских поморцев, поиск которого занял не один год. Конечно, суть бурных споров о браке на примере поморских общин Урала во второй половины XIX в. мы достаточно хорошо представляем благодаря глубоким исследованиям о. Петра Мангилева. Но многие детали и направления этих дискуссий, их географическое распространение, еще во многом требуют своего изучения. Памятник несет явную полемическую нагрузку, связанную с дискуссиями алтайских общин конца XIX начала XX в. о браках в поморских общинах, распространением токаревского согласия. Одним из ключевых для исследователей, на наш взгляд, является то, что в одном из полученных нами сборников приводятся решения и сопроводительные материалы не только малоизученных урало-сибирских поморских соборов конца XIX начала XX в., но используются не известные поморские родословия, составлявшиеся на Алтае, крупнейшем центре поморского староверия.

Будем надеяться, что поиск и всестороннее изучение этих «родословий» станет делом самого ближайшего будущего.

В завершение, мне хотелось бы выразить самую сердечную благодарность всем тем, с кем за все эти годы свели пути археографического поиска. С людьми разных судеб, взглядов, национальностей, разбросанных по разным регионам, странам и континентам, но объединенных одной общей любовью — к Книге и Знанию, альфе и омеге нашего бытия.

А. А. Юдин

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

...Я ЗАНИМАЮСЬ САМЫМ ИНТЕРЕСНЫМ ДЕЛОМ — РАБОТАЮ АРХЕОГРАФОМ

В статье дается описание преемственности научных школ, характеризуются принципы организации археографической практики современных студентов.

Ключевые слова: археографическая практика, научная школа, полевая и камеральная археография

Когда я поступил на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета в 1994 году, после сообщения о зачислении на первый курс подошел к председателю Приемной комиссии Владимиру Николаевичу Алексееву и, следуя скорее школьной привычке, спросил его, как можно подготовиться летом к учебе, что он советует читать в оставшееся до сентября время. Владимир Николаевич сразу же предложил обратить внимание на книгу Николая Каллиниковича Гудзия. Автор был мне не знаком, что неудивительно, так как в школе изучению древнерусской литературы уделялось совсем мало времени. Но меня так заворожило это необычное сочетание имени, отчества и фамилии, что я напрочь забыл название книги, которую мне советовал читать В. Н. Алексеев. Поэтому в районной библиотеке я взял не «Хрестоматию по древней русской литературе», о которой, скорее всего, и шла речь, а классический учебник Н. К. Гудзия «История древней русской литературы». Какое по счету переиздание этого учебника досталось мне, я уже не помню, но меня поразило, насколько доступно и, казалось бы, просто он был написан, и, самое главное, насколько интересно было его читать. Уже потом я узнал, что Николай Каллиникович был одним из первых, наряду с Варварой Павловной Адриановой-Перетц, учеников создателя знаменитой школы исследователей древнерусской литературы, профессора Владимира Николаевича Перетца. Академик В. Н. Перетц, посвятивший свою жизнь изучению древнерусской литературы и связанных с ней славянских литератур, культуры славянских народов, славянской этнографии, фольклора, народного театра, — смог не только объединить талантливых учеников, но уже благодаря этим ученикам заложил традицию передачи исследовательского знания следующим поколениям ученых-древников. В значительной мере эта

традиция опиралась не только на педагогический талант В. Н. Перетца, но и на тот рукописный и старопечатный книжный материал, который ему удалось собрать в своей библиотеке. Трансляция знания в «перетцевской» школе осуществлялась от учителя к ученику благодаря в том числе и той источниковой базе, которой являлась принадлежавшая В. Н. Перетцу коллекция древних рукописей, его рабочая библиотека, а также древлехранилища Российской империи, куда академик ежегодно выезжал со своими учениками для занятий. Неслучайно поэтому собрание древнерусских рукописей В. Н. Перетца было передано позднее его вдовой В. П. Адриановой-Перетц в Древлехранилище Пушкинского Дома, а их рабочую библиотеку Варвара Павловна завещает ГПНТБ СО РАН в Новосибирске. К этой же традиции расширения пространства научного знания следует отнести и передачу новосибирской академической библиотеке собрания рукописных и старопечатных книг древнерусской традиции академиком М. Н. Тихомировым, который одно время был также слушателем семинара В. Н. Перетца.

Прочитав учебник Н. К. Гудзия, я, как мне думалось, был подготовлен к курсу древнерусской литературы и очень удивился, когда узнал, что наша экспериментальная, «французская» группа была освобождена от этого предмета. Вместо него нам добавили лекции по истории Древнего мира, которые мы слушали со студентами-историками нашего курса. Но здесь мне повезло, так как лекции читал Михаил (Моисей) Иосифович Рижский, известный историк-антиковед, библиист, автор работ о книгах Ветхого Завета (основной группе филологов, «русистам», он преподавал также латинский язык). Его лекции, помимо самого предмета, были интересны еще и тем, что Михаил Иосифович, проживший долгую жизнь, рассказывал нам о своей учебе в начальной еврейской школе (хедер), посещении антропологического Музея человека в Париже и т. д. Михаил Иосифович всегда подчеркивал, что он атеист. Несмотря на это он поддерживал дружеские отношения с другим преподавателем нашего факультета, православным верующим, профессором Кириллом Алексеевичем Тимофеевым. Он давал нам знания по греческому языку, позже — по старославянскому, вел спецкурс по санскриту. Кирилл Алексеевич был удивительно доброй души человек и наставник. Студентов, у него специализирующихся, он принимал с отчетом о проделанной работе у себя дома, обязательно приглашал к столу, если в том была необходимость (в 1990-е годы это было как нельзя кстати), в разговоре мог деликатно затронуть разные темы, чтобы выяснить, чем живет его подопечный, что его волнует, что хочет получить от учебы в университете. В одном из таких разговоров я посетовал, что у нашей

группы не только не ведутся занятия по древнерусской литературе, но мы также не можем пройти обязательную для студентов-русистов практику после окончания первого курса. Дело в том, что курс лекций по древней русской литературе уже много лет вела профессор Елена Ивановна Дергачева-Скоп, она же была ответственна и за организацию выездной практики студентов-филологов в Тобольск. Новосибирские студенты занимались там с книгами из фонда местного историко-архитектурного музея-заповедника. И, приехав из Тобольска, они рассказали нам много интересного: про сам город, про его историю, про случаи из практики, и, конечно же, про книги, с которыми они занимались. Мой одногруппник, мой друг поэт Виктор Иванов решил поговорить с Еленой Ивановной лично о допущении его на практику на следующий год, однако вел себя при этом немного экзальтированно, так что поэта на практику не взяли. Как-то я пришел на консультацию к Кириллу Алексеевичу домой, и у него в гостях была Елена Ивановна. Не знаю, что сказал ей хозяин дома, пока я ожидал в кабинете, но через какое-то время Елена Ивановна вошла, поздоровалась и очень пристально и серьезно на меня посмотрела. На следующий год я в первый раз поехал на практику в Тобольск со студентами-филологами, окончившими первый курс университета. Так закончилась моя специализация у Кирилла Алексеевича Тимофеева — я перестал сравнивать носовые в старославянском и французском языках.

Студенческая практика в Тобольском музее.
Елена Ивановна Дергачева-Скоп и Алексей Юдин,
на заднем плане: Юлия Ростовцева и Иван Якшин. 2003 г.

Елена Ивановна Дергачева-Скоп и Владимир Николаевич Алексеев, занимаясь со студентами в Тобольске, создали своего рода комплексный археографический центр по изучению русской книжности. Как мне кажется, это была своего рода трансляция тех идей, которые развивал в своей педагогической практике академик В. Н. Перетц, выявлявший в ходе работы своих учеников с рукописными и печатными книжными памятниками самых талантливых из них, способных продолжить его дело. И это тобольское предприятие во все не было случайным, так как Елена Ивановна много лет изучала творчество знаменитого тоболяка Семена Ульяновича Ремезова, ему же она посвятила свое диссертационное исследование, когда училась в аспирантуре Пушкинского Дома, где ее куратором была Варвара Павловна Адрианова-Перетц. В тобольском музее студенты не только описывали книжные памятники на основе разработанной Е. И. Дергачевой-Скоп методики описания книг гражданской печати XVIII в., но и впервые в своей жизни знакомились с уникальными книжными экземплярами, получали информацию о том, как устроена старая книга, какую функцию выполняют ее отдельные элементы, какие справочники используются в работе археографа с книгой. Эти знания, несомненно, полезны для филолога, особенно для того, кто связывает свою жизнь с книжной культурой. Руководителями практики была также организована работа студентов, которые уже приняли решение о специализации в области изучения древнерусской литературы, в Тобольском архиве (Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области), где хранятся рукописные книжные памятники XVI–XIX вв., в том числе рукописи, конфискованные у старообрядцев Тобольской консисторией в XIX в. Рукописи архива были подробно изучены и получили печатное описание благодаря работе Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской. Студенты, сверяясь с этим каталогом, помимо создания собственных описаний отдельных книжных памятников, старались более подробно зафиксировать состав некоторых рукописей, вплоть до выписки полных текстов сочинений из сборников, выявить и идентифицировать все водяные знаки бумаги, охарактеризовать почерки рукописей и т. д. Это была очень хорошая практическая подготовка будущих специалистов-археографов, так как под руководством опытных наставников студенты на первых порах изучали не столько репертуар древнерусских рукописных сборников и литературную историю отдельных произведений (все это приходит с опытом, с накоплением знаний), а прежде всего знакомились со структурой древнерусской книги, учились правильному обращению с ней, учились верно датировать ру-

Владимир Николаевич Алексеев и Алексей Юдин. Тобольск, 1997 г.

кописи на основе филигранологического анализа и читать писцовый текст и многочисленные владельческие записи в сборниках.

Без сомнения, на молодого человека оказывал влияние и сам город Тобольск, его история, связанные с ним имена (С. У. Ремезов, П. П. Ершов, А. А. Алябьев, Д. И. Менделеев, Ф. М. Достоевский, император Николай II и его семья и даже Робинзон Крузо). Нас размещали обычно в школе, мы жили в классах, спали на полу, на спортивных матах, сами готовили себе еду, распределив дежурство. Мне посчастливилось стать одним из руководителей студенческих практик, в этом качестве я провел не один сезон. Каждый такой выезд на две недели в конце лета в этот северный город на практику со студентами приносил новые впечатления и давал новые знания. Причем знания не только книжные, но и вполне житейские. Владимир Николаевич и Елена Ивановна жили с нами в школе, завтракали, обедали и ужинали вместе со студентами. За обеденным столом неоднократно поднимались различные темы, но всегда они так или иначе касались того дела, ради которого мы приехали в Тобольск — древние русские книги, их описание, археографическая работа. Елена Ивановна была одним из первых археографов, наряду с Николаем Николаевичем Покровским и Еленой Константиновной Ромодановской, кто целенаправленно стал выявлять, приобретать и изучать древнерусскую

книжность в Сибири и на Дальнем Востоке, организуя для этого ежегодные экспедиции и участвуя в них.¹ Конечно, исходя из своего многолетнего опыта, ей было что рассказать об особенностях общения со старообрядцами разных согласий, сохранившими древнерусскую книжность до наших дней.

К сожалению, у меня не случилось опыта полевой археографической экспедиции под руководством старшего наставника до самостоятельного визита к старообрядцам за книгами. А ведь это необычайно важно — видеть учителя за работой, перенимать у него профессиональное мастерство. Из первой своей поездки (со студенткой НГУ первого курса Надеждой Жуковой) в деревню в Кемеровской области я привез семь небольших рукописных сборников XVIII–XIX вв., со списком «Мамаева побоища» в одном из них. Там же позднее мне удалось приобрести печатное издание «Служб и житий Сергия Радонежского», выпущенное на Московском печатном дворе в 1646 году, с не всегда встречающимся в тексте книги «Чудом о кладезе», добавленным Симоном Азарьиным. Все эти книги сейчас находятся в Кемеровском территориальном собрании Древлехранилища им. Е. И. Дергачевой-Скоп в ГПНТБ СО РАН. И хотя знаний об истории и культуре старообрядчества у меня в то студенческое время было недостаточно, уже тогда я понял, что одно из самых главных качеств успешного полевого археографа — это не досконально выученная история зарождения и развития старообрядчества, не умение объяснить отличия в обрядовой практике разных согласий (хотя эти знания очень важны), а прежде всего — умение общаться с людьми, восприятие своих собеседников как людей одной с тобой глубокой русской культуры, уважительное отношение к по большей части уже почтенного возраста старообрядцам, сохранившим книжное наследие своих предков. Показная ученость, скорее, губит дело, вызывает недоверие или отстраненность. Так, беседуя однажды в деревне в верховьях Енисея с пожилым наставником часовенного согласия, я захотел побыстрее узнать о составе его личного книжного собрания, поэтому с интересовавшей его проблемы браков между молодыми людьми разных согласий и разрешения подобных ситуаций в

---

¹ Первые экспедиции в Сибирь и на Дальний Восток были организованы по инициативе председателя Археографической комиссии АН СССР академика М. Н. Тихомирова в 1959 и 1960 гг., в них участвовали его ученики А. И. Рогов и В. Б. Павлов-Сильванский. Благодаря их деятельности стало ясно, что предположение академика М. Н. Тихомирова о том, что Сибирь таит в себе много книжности, привезенной сюда с переселенцами-старообрядцами, оказалось верным. Начиная с 1965 г. регулярные археографические экспедиции в Сибири стали проходить под руководством Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской, ученика М. Н. Тихомирова Н. Н. Покровского, В. Н. Алексеева.

древнем церковном праве энергично перешел к теме оригинальной и переводной литературы в Древней Руси. Дойдя до имени Дионисия Ареопагита и его трактата «О небесных иерархиях», я понял, что «перегнул палку» — мой собеседник замолчал и не был настроен продолжать разговор. Моя высокопарная речь и бравирование именами смутили его. Стоило большого труда вновь разговорить почтенного наставника.

В Тобольске же по инициативе Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеева были проведены Первые Ремезовские чтения в память о выдающемся тоболяке. Нас, студентов, обязали помогать устраивать это мероприятие. Событие не рядовое для города и очень значимое для меня, так как я чуть ли не впервые увидел съехавшихся на него ученых мирового уровня, слушал их доклады, имел возможность наблюдать их «в жизни». Более всего меня впечатлил выдающийся ученый-медиевист, сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, специалист в области изучения сербских средневековых рукописных памятников Вячеслав Михайлович Загребин. Кроме того, что на конференции у исследователя был очень интересный цельный по композиции и структуре доклад, связанный с одним из текстов С. У. Ремезова, он также, не зная о том, преподал мне настоящий жизненный урок. Так случилось, что расстояние от места проведения конференции до места приема пищи (по-другому сказать не получается, так как это было помещение первого этажа гостиницы «Тобол», в котором в то время размещался ночной клуб) необходимо было преодолевать на автобусе. Ученые с нетерпением вышли из него, но в заведении их очень долго стали обслуживать, принося блюда примерно минут через двадцать каждое. Последним в клуб зашел Вячеслав Михайлович в сопровождении какого-то очень скромного неизвестного всем мужчины. Присев с ним за наш столик, Загребин быстро сориентировался и сказал подошедшей официантке: «Мы здесь самые главные, принесите нам все сразу!» Просьба подействовала. Непонятно было только, кто же второй «самый главный». Оказалось, что все пассажиры автобуса так спешили поесть, что не подумали о его водителе. Вячеслав Михайлович не оставил его без внимания.

Владимир Николаевич Алексеев вел у нас курс «История русской культуры», впоследствии я работал под его руководством в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. В археографические экспедиции я с ним не ездил, но один из первых опытов камеральной работы был у меня под началом Владимира Николаевича. В один год после отъезда студентов-практикантов из Тобольска Владимир Николаевич и я остались для работы в Тобольском архиве. В мою задачу входило расписать полный состав старообрядческих рукопис-

ных сборников, а Владимир Николаевич изучал, если я не ошибаюсь, список Хронографа, написанный С. У. Ремезовым. Это было удивительное время, так как я остался наедине с наставником и, конечно, этим пользовался в ущерб его занятиям. Мне было важно узнать, как правильно делать свою работу, а кто как не учитель мог мне в этом помочь. Кроме того, я наблюдал, как Владимир Николаевич работает сам, как общается с работниками архива, жителями Тобольска. Интеллигентно, демократично и в то же время требовательно, если работа выполнена не так как следует. Последнее чаще относилось ко мне. На обратном пути в Новосибирск мы провели два дня в Тюмени, также занимаясь камеральной археографией. В. Н. Алексеев, узнав, что в Тюменском краеведческом музее обнаружилось некоторое количество рукописей и старопечатных книг, не попавших в поле зрения ни В. И. Малышева, ни Н. Н. Покровского, описывавших ранее собрание этого музея, договорился о нашем визите для работы с книгами. Выяснилось, что эта новообетенная часть уже имеет охранную опись, которая была составлена, вероятно, в рамках практики, студентами из Екатеринбурга. Обычно в охранной описи дается краткая информация о книжном памятнике (его автор (если есть), название, дата создания, количество листов, наличие/отсутствие переплета, его характеристика, инвентарный номер/шифр книги), чтобы в случае сверки/проверки книгу можно было бы легко отыскать по указанным параметрам. Одним из пунктов в описи музея значилась «Священная книга» без какой-либо датировки. «Вот и займитесь, Леша, этой Священной книгой», — сказал мне Владимир Николаевич. Названия далеко не всех священных книг промелькнули у меня в голове, с волнением я ожидал, какую именно из них хранители вынесут мне из фонда для работы, хватит ли мне опыта и знаний, чтобы даже не столько описать книгу, но хотя бы ее атрибутировать. Передо мной лежал столбец, написанный характерной великорусской скорописью XVII века, которую студент-первокурсник, вероятно, не смог разобрать и оттого, схитрив, вписал выдуманное название для рукописи в охранную опись. Скоропись была прочитана мной не сразу, но, потратив около двух часов, я с ней справился. Речь в документе шла о размежевании земли между двумя хозяевами, хотя всех деталей и имен я уже не помню. В этом музее мне довелось увидеть экземпляр первого славянского печатного издания, Триоди постной, выпущенной Швайпольтом Фиолем в Кракове в 1493 г. Книга попала в музей из коллекции купца Н. М. Чукмалдина. Николай Николаевич Покровский в своем описании кириллических книг музея упоминает и экземпляр первопечатного Апостола из этой же купеческой библиотеки, «следы которого сейчас утеряны».

Студенческая практика в Енисейском музее. Елена Ивановна Дергачева-Скоп, Андрей Юрьевич Бородихин, Алексей Юдин со студентами. 2010 г.

Вообще же издательская деятельность первых русских печатников была темой научных интересов В. Н. Алексеева. Один из двух экземпляров первопечатного московского Апостола 1564 г. в Сибири, книги довольно редкой, известной по подсчетам исследователя творчества Ивана Федорова Е. Л. Немировского всего в 66-ти существующих на данный момент экземплярах,² был привезен руководимой Владимиром Николаевичем экспедицией. Нашел же его один из самых результативных археографов Сибири — Михаил Кимович Чирейкин — в одном из старообрядческих поселений в красноярской тайге. Сейчас этот Апостол хранится в Красноярской территориальной коллекции Древлехранилища ГПНТБ СО РАН. Некоторые федоровские издания были также получены в ходе полевых археографических экспедиций в Сибири. Случались и камеральные открытия. Так, одна из полевых экспедиций к староверам-семейским Бурятии, к которым под руководством ученика Елены Ивановны А. Ю. Бородихина мне также удалось выезжать, была совмещена с археографическим камеральным обследованием собрания редких книг Национальной библиотеки Республики Бурятия. Андрей Юрьевич среди прочих книг кирилловской традиции обнаружил там экземпляр так

² Другой экземпляр пришел в ГПНТБ СО РАН в составе коллекции академика М. Н. Тихомирова.

называемого широкошрифтного Евангелия — издания периода работы дофедоровской еще, «анонимной», типографии, существовавшей в Москве в конце 1550-х — начале 1560-х гг. Сейчас эта книга по праву стала жемчужиной коллекции республиканской библиотеки. Совсем недавно ему же удалось открыть неизвестное науке издание соратника Ивана Федорова Петра Тимофеева Мстиславца — Часословец, который был выпущен в Остроге на рубеже XVI–XVII вв. Обнаружение единственного пока экземпляра этого издания стало возможным благодаря повседневной работе Андрея Юрьевича по изучению книжных фондов личных собраний, широкому кругу знакомств в старообрядческой и букинистической среде. Такое общение, безусловно, помогает археографу. Неслучайно создатель Древлехранилища Пушкинского Дома Владимир Иванович Малышев имел обширные связи в среде букинистов и коллекционеров, прежде всего в Ленинграде и Москве, именно он познакомил М. Н. Тихомирова с некоторыми владельцами частных коллекций, книги которых пополнили собрание академика. Часословец Петра Тимофеева Мстиславца в составе так называемой Скитской коллекции находится сейчас в Томском территориальном собрании Древлехранилища ГПНТБ СО РАН, его приобретению и помещению на постоянное хранение в государственное учреждение способствовали Книжный фонд имени Н. П. Литвинова (руководитель С. А. Савченко) и губернатор Новосибирской области А. А. Травников.

Под руководством А. Ю. Бородихина мне удалось поработать с кириллическими книгами, хранящимися не только в отдельных частных и приходских старообрядческих собраниях, но и в государственных и церковных древлехранилищах — Музее истории Бурятии имени М. Н. Хангалова, Национальной библиотеке Республики Бурятия, Научной библиотеке Хабаровской православной духовной семинарии, в Приморском государственном объединенном музее имени В. К. Арсеньева (Владивосток), в Исетском народном краеведческом музее имени А. Л. Емельянова, в доме-музее декабриста М. И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске. В последнем мы работали малой группой из четырех человек (А. Ю. Бородихин и четверо студентов). Нам за короткое время необходимо было составить описание и подготовить охранную опись на книги тамошней коллекции. В середине поездки мне было поручено составить рукописный вариант охранной описи (компьютеры тогда только входили в наш быт), задача осложнялась тем, что параллельно еще продолжалась работа по описанию книжных памятников, из-за этого опись приходилось неоднократно переписывать для корректного расположения кратких библиографических описаний в хронологическом порядке.

Вероятно, из-за напряженной работы я подумал, что моя опись носит лишь черновой характер и по приезде домой, в Новосибирск, мы сможем еще переделать её, внося корректирующие изменения и поправки. Поэтому на обороте последнего листа описи, имитируя скоропись XVII века, я сделал запись: «К Описи сией раб Божий Олешка руку приложил...» Не успел я это сделать, как пришел руководитель экспедиции с директором музея, на моих глазах они оставили свои подписи на последнем листе этой описи («Хоть бы не перевернули лист», — подумал я в тот момент), скрепив их печатью организации. Так как это был последний день экспедиции, мы спешно собрались и выдвинулись к вокзалу. Опись с подписью до сих пор хранится в музее, мне показывали ее сотрудники, когда мы приезжали в Ялуторовск позже. Конечно, мне пришлось в тот же день сознаться в «рукоприкладстве». Андрей Юрьевич был очень недоволен. Минуты две. Ну а что было делать? Мы не могли уже позволить себе остаться в Ялуторовске еще на какое-то время.

Время играет существенную роль в нашей работе, с его течением все меньше уникальных книжных памятников, особенно тех, что хранятся небрежно, в неподобающих условиях, удастся спасти. Время, а еще — необъятные пространства Сибири. Из-за недостатка целевого

Студенческая практика в Енисейском музее. 2011 г.

государственного финансирования полевых археографических экспедиций, нам приходится все чаще заниматься исключительно камеральной археографией в близлежащих к Новосибирску древлехранилищах, а также участвовать в конкурсах на получение грантов, чтобы иметь возможность получить деньги на полевые экспедиции. В последнее время все чаще в нашей археографической деятельности мы замечаем, что по объективным причинам (распад старообрядческих общин, уход старшего поколения, отступление от строгих правил старой веры молодых и т. д.), книги кирилловской традиции из старообрядческих книжниц перемещаются в древлехранилища Русской православной церкви. Совсем недавно, изучая епархиальные книжные собрания Сибири в одном из таких книжных собраний, библиотеке Новосибирской православной духовной семинарии, нашему небольшому коллективу (И. А. Шиловой, В. В. Подопригоре, А. Н. Коваленко и мне; все — ученики Е. И. Дергачевой-Скоп) удалось обнаружить пятый из известных в мире на сегодняшний день экземпляр издания Псалтири с Часословцем, выпущенной Иваном Федоровым в Заблудове в 1570 г.

Время не щадит ни старую книгу, ни человека. Остается память об учителях, наставниках, коллегах, всех тех людях, благодаря которым я занимаюсь самым интересным делом — работаю археографом. Описывая старопечатные книги территориальных собраний Древлехранилища имени Е. И. Дергачевой-Скоп в ГПНТБ СО РАН, я нахожу на рукописных карточках-описаниях этих книг имена археографов, которые их доставили из сибирской тайги в государственное книгохранилище.

Школу сибирских археографов объединяет любовь не только к книге, но и к сохранившим ее людям.

SUMMARY

N. S. GURYANOVA

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

ON THE HANDWRITTEN COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV, KEPT IN THE STATE SCIENTIFIC LIBRARY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article reviews the collection of M. N. Tikhomirov, carried out by A. I. Rogov and N. N. Pokrovsky after the transfer to the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, and concludes that it is important for the development of archaeological research in Siberia. This process is briefly characterized, and the need to summarize a certain result of studying the manuscripts from the 60 years collection of M. N. Tikhomirov is formulated.

Keywords: manuscript collection, academician M. N. Tikhomirov, desk archaeography

A. A. YUDIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

ABC BOOKS IN THE COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV

The article is devoted to a review of Old Russian lexicographic works — ABC books preserved in the collection of manuscripts of academician M. N. Tikhomirov. Their characteristics are given in accordance with the existing classifications. The article raises the question of the sources of replenishment of the collection of M. N. Tikhomirov.

Keywords: collection of handwritten and old printed books by M. N. Tikhomirov, ABC books, Old Russian lexicography, archeography work

V. V. PODOPRIGORA, A. Y. BORODIKHIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

MANUSCRIPTS AND DOCUMENTS IN FOREIGN LANGUAGES IN THE COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV

The article is an overview of handwritten and old printed books in foreign languages kept in the collection of Mikhail Nikolaevich Tikhomirov at the State Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. This part of the collection has not attracted enough attention from researchers until recently, but in recent years, foreign manuscripts, archival materials, and monuments of the early stage of European printing have been described and used in scientific publications.

Keywords: foreign sources, handwritten and old printed book, collection of M. N. Tikhomirov's manuscripts

T. G. KAZANTSEVA

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

**SINGING MANUSCRIPTS IN THE COLLECTION
OF M. N. TIKHOMIROV**

The article is a review of singing manuscripts of the 16th–19th centuries from the collection of manuscripts by M. N. Tikhomirov. The composition and features of 34 monuments of musical writing are considered. The history of their inclusion in the collection is traced. The singing manuscripts from the collection of M. N. Tikhomirov are valuable sources for studying the transitional period of the history of Old Russian singing art.

Keywords: singing manuscripts, Old Russian musical tradition, Tikhomirov's collection of manuscripts

A. N. KOVALENKO

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

**FESTAL HOMILIARIES AND PRAYER BOOKS
IN THE COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV'S MANUSCRIPTS**

The article presents descriptions of Festal Homiliaries and prayer books from the Tikhomirov's collection, made by G. A. Lonchakova. Attention is drawn to the peculiarities of the manuscripts, their composition and origin.

Keywords: M. N. Tikhomirov's manuscript collection, Festal Homiliaries, structure, Ancient Russian homiliaries

N. S. GURYANOVA

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

**OLD BELIEVER MANUSCRIPTS IN THE COLLECTION
OF M. N. TIKHOMIROV**

The article presents an overview of Old Believer manuscripts from the collection of M. N. Tikhomirov. The article describes the content of the main monuments of writing, as well as collections compiled in different consents. The monuments of bookishness are of great interest not only to researchers of the Old Believers, but they are valuable sources for students of the social and religious consciousness of the Russian population of different eras as well.

Keywords: M. N. Tikhomirov, Old Believers, concord, manuscripts, writings, collections, miniatures

D. V. DOLGUSHIN¹, A. Y. BORODIKHIN²

¹ Institute of History SB RAS, Novosibirsk

² State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

**THE ORLOV-DAVYDOV MANUSCRIPTS IN THE COLLECTION
OF M. N. TIKHOMIROV**

The article is devoted to the documentary sources of the 19th–20th centuries, namely manuscripts related to the Orlov-Davydov family, which are kept in the Tikhomirov Collection of the State Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian

Academy of Sciences. Special attention is paid to copies of O. I. Orlova-Davydova's diaries, which have only recently attracted the attention of researchers.

Keywords: documentary sources, diaries of Olga Ivanovna Orlova-Davydova, collection of manuscripts by M. N. Tikhomirov

I. L. MANKOVA

Institute of the History and Archaeology of Ural Branch RAS, Yekaterinburg

THE FIRST ABBOT OF THE DALMATOV USPENSKY MONASTERY ARCHIMANDRITE ISAAK AND HIS VENERATION

The article examines the biography of the first abbot of the Dalmatovsky Dormition Monastery, Isaak, and the history of his veneration in the 18th–21st centuries. He was the son of the monastery's founder, monk Dalmat, and lived in the monastery almost his entire life, coming a difficult path from a church charterer to an archimandrite and spiritual patron. Isaak was repeatedly removed from the management of the monastery and was limited in performing liturgical practices. This was possibly due to the failure to implement the church innovations of Patriarch Nikon, which gave rise to suspicions of his connection with the Old Believers. At the same time, he was involved in the activities of the Tobolsk Bishop's House. Isaak's contribution to the development and prosperity of the Dalmatov Assumption Monastery is considered in the article. He was the author of the first work on the foundation of the monastery. The process of preserving the historical memory of Isaac as an active pious man, revered equally with the monk Dalmat, is shown.

Keywords: Siberian and Tobolsk diocese in the 17th–18th centuries, Dalmatov Uspensky monastery, archimandrite Isaak (Mokrinsky)

T. A. OPARINA

The Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
Moscow

The Institute of Russian History RAS, Moscow

«GRECHENIN» KONSTANTIN IVANOV (MURAITOV) IN MILITARY SERVICE IN RUSSIA

The article is devoted to the process of entering Russian society, as well as the official activities, of an immigrant from the Ottoman Empire. In Russia, the «grechenin» was named Konstantin Ivanov, though at first he had the family name Muraitov. The immigrant first came from Morea, and Russian clerks translated his father's status as «voivode» or «governor». To get to Moscow, Konstantin Ivanov took advantage of the Ottoman diplomatic mission of Kapychei Alei-aga. In Russia, «grechenin» served in the Foreign order (in the «Greek» company), where his captain Yuri Trebizondsky drew him into several conflicts. Being illiterate, Ivanov had to provide the right of his signature to other persons when drafting documents. His lack of writing ability did not prevent him from conscientiously fulfilling his military duties in the Foreign order, and he was rewarded for his service. Konstantin Ivanov's life in Russia demonstrates one of the facets of the «Greek» migration.

Keywords: migration, assimilation, diplomatic contacts, the «Greek» community of Moscow

A. A. BRODNIKOV

Novosibirsk State University

**FORMATION OF AMOUNTS OF THE SOVEREIGN'S SALARY
OF THE SIBERIAN MILITARY ARISTOCRACY ON THE EXAMPLE
OF THE YENISEI GARRISON**

Representatives of the Siberian military aristocracy, who maintained individual amounts of the sovereign's salary during the 17th century, had different ways and possibilities of its formation. In some cases, the salary of a certain amount was related to the existing staffing table in the garrison. In other cases, the professional and business qualities of the employees themselves determined the amount. In the Yenisei garrison in the first half of the century, three senior officers (a Streltsy sotnik and two atamans) performed the same functions and had three different salaries. Their receivers began their service with these salaries, but later, because of their achievements, they significantly increased the salaries they received.

Keywords: sovereign's salary, Siberia, Yenisei district, atamans, boyar children, 17th century

L. D. BONDAR¹, O. A. KRASNIKOVA²

¹ The Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Branch

² Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

**CARTOGRAPHIC DRAWINGS IN D. G. MESSERSCHMIDT'S
TRAVEL DIARY FROM THE REGIONS OF YENISEI SIBERIA
AND THE BAIKAL REGION**

The article presents cartographic material from the Yenisei Siberia and the Baikal region from the collection of the first Siberian researcher Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735), stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. There are 21 cartographic documents from the region under consideration, one part of which are full-fledged maps created on the basis of S. U. Remezov's maps, the other part was obtained by D. G. Messerschmidt from cartographers in Siberia, and the third one was made by the traveler himself. This publication focuses on four cartographic sketches left by the traveler on the pages of his travel diary on June 20, 1723, July 29, 1723, September 11, 1723 and July 2, 1725. The traveler paid special attention to river routes, recording his route in detail in points and versts and emphasizing the possibilities of shortening it. Such cases were reflected in the cartographic sketches placed inside the daily diary entries.

Keywords: Daniel Gottlieb Messerschmidt, cartographic material, travel diary, Yenisei Siberia, Baikal region

M. N. KLIMOVA

Scientific Library of Tomsk State University

**AKAKY BASHMACHKIN, MAKAR DEVUSHKIN
AND DEACON ACHILLA:
ABOUT SOME NAMES OF THE HEROES
OF RUSSIAN LITERATURE**

One of the popular methods of using hagiographic materials by secular authors is the introduction of hagiographic allusions into the description of a fictional character. The name given to him by the author, especially a rare or an unusual-sounding one, may be an important

source in creating his artistic image. The artfully chosen name of a literary hero makes it possible to emphasize his main features, hint at the hidden spiritual potential and internal contradictions of the described personality, and even predict the shocks and metamorphoses awaiting him. N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky and N. S. Leskov proved themselves among the masters of Russian classical prose of the 19th century as virtuosos of literary onomastics. Their art in this field and some of the individual techniques of each author are shown using specific examples from their works. The article analyzes the names of some characters in «The Overcoat», «Evenings on a Farm near Dikanka» and «Mirgorod» by N. V. Gogol, «Poor People», «Mistress» and «Idiot» by F. M. Dostoevsky, «Soboryan» and stories about the righteous by N. S. Leskov. I. S. Turgenev's case of referring to hagiographical material in the novel «Fathers and Children», unique to the art world, is noted as well. For the analysis, complex cases were selected, such as when choosing the name of a character, the writer used not only hagiographic texts, but also materials from religious and secular folklore, taking into account the meaning, sound, «folk etymology», and so on. Some observations on Russian literary onomastics of the 20th century are mentioned in the article as well.

Keywords: Christianity and literature, Russian literature, hagiography, lives of saints, literary onomastics, etymology, names of literary heroes

P. I. MANGILEV

Yekaterinburg Theological Seminary

THE OLD BELIEVER SCRIBE

OSIP (JOSEPH) FEDOROVICH MAKEEV

Based on the Kurgan (V) collection of the Laboratory of Archaeological Research of the Ural Federal University, the diaries of the Ural Archaeological Expedition and a number of other sources, the article systematizes information about the Old Believer scribe Osip (Joseph) Fedorovich Mokeev (1889 – after 1979), who belonged to the Pomeranian accord. Information about his origin, life path, ancestors, and family ties is provided. Information is given about the books in his library and his archive, specifically about the «Flower Garden on the Blessed Sacrament of Holy Baptism and other grace traditions» that he rewrote. The article concerns O. F. Mokeev's participation in the disputes around the legacy of the Old Believers' Lake Cathedral in 1875 that were waged by the Pomeranians of the Southern Trans-Urals. Mokeev consistently adhered to the position stated at this council and actively defended it, sharply criticizing his opponents. His authorship is attributed to the «Refutation of the decisions of the supreme Old Believer Spiritual Court of the Lithuanian SSR in the city of Vilnius in 1963 and 1965», signed by a large group of Kurgan Pomeranians. The article provides information on O. F. Mokeev's contemporaries, the Old Believer writers I. A. Blaginina and G. F. Login.

Keywords: Old Believers, Pomeranian accord, Old Believer writing, O. F. Mokeev

A. V. MANGILEVA

Yekaterinburg Theological Seminary

WOMEN IN THE CLERGY IN THE 19TH AND EARLY

**20TH CENTURIES BASED ON THE MATERIALS OF THE CLERICAL
GAZETTE OF THE YEKATERINBURG DISTRICT**

The article discusses the information potential of clerical gazettes for studying the position of women in the clergy during the Synodal period. An analysis of the materials of the clerical gazette of the Yekaterinburg district of this period allows establishing that the source contains information about the social origin of the wives of the white clergy, the

level of education of both women and their husbands (which allows determining the level of class consciousness). In the Clerical Gazette of the second half of the 19th century, such information is less common than in the first half of the century, but if a woman received an education, data was provided on the educational institution, as well as on her place of service (if she worked). The data from the clearing lists for one county does not seem to be sufficient for serious generalizations, but they help to understand in which direction research on the topic can develop. Studying the position of the female clergy is important because it can serve as a marker of the self-awareness of the white clergy.

Keywords: white clergy, women, education, Synodal period, Yekaterinburg district

I. V. POCHINSKAYA

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg

FROM THE HISTORY OF PROVINCIAL

OLD BELIEVER PRINTING HOUSES:

A. V. SIMAKOV'S ESTABLISHMENT IN URALSK

The article is part of a series of publications devoted to individual Old Believer printing houses and their groups, published in order to fill gaps in knowledge on this topic. A. V. Simakov's printing house is the first of the legal Old Believer institutions that arose immediately after the equalization of Old Believers in rights with other citizens of Russia. The initiator of its creation was Bishop Arseny of Ural (A. V. Shvetsov), who had been the main organizer of the illegal book publishing of the Belokrinitskys since the 1870s. In the course of searching for a candidate capable of realizing Bishop Arseny's plan to create an officially authorized printing house, his choice fell on the merchant A. V. Simakov, who by 1905 was a major owner of a number of trading enterprises, including selling books, icons and church utensils. The article is supplemented with the list of publications of the printing house published by A. A. Guseva, analyzes her repertoire, and notes books atypical for Old Believer printing houses. The role of Bishop Arseny was emphasized not only in the organization of production, but in the formation of the publishing program. A feature of the design of the products of the Ural printing house is noted, which consists in the influence of the decor of illegal Bespop publications dating back to the Ovchinnikov printing house.

Keywords: Uralsk, Old Believers, book printing, printing house, Bishop Arseny of Ural, A. V. Simakov

T. F. VOLKOVA

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

PECHORA SCRIBES FROM THE NOSOV FAMILY

The article contains materials from the database of Pechora scribes, created by the author of the article, concerning the extensive Nosov family. Information is provided on all the main activities of the Nasal scribes — their correspondence of manuscripts, the presence of old books in their home library, and information about them as readers. The author's sources are notes on manuscripts and old printed books of the Pechora tradition, reports on archaeological expeditions of Leningrad and Syktyvkar archaeographers to the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic. The final source is a number of lists of scribes and owners of significant collections of manuscripts compiled by the discoverer of the «book» Pechora, V. I. Malyshev, based on oral accounts of Pechora peasants and archival documents.

Keywords: Old Believers' bookishness, the Nosov family, archaeographic practice

N. P. MATKHAHOVA

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

HISTORIANS' LETTERS AS A SOURCE FOR STUDYING THEIR RESEARCH ACTIVITIES

The article considers possibilities of epistolary for highlighting certain aspects of the scientific research activities of historians. This is a scientist's search for their research field, motives for addressing specific research topics, an assessment of their own contribution to science, the emotional and psychological side of creativity and relationships between colleagues. The letters of experts in the field of national history of the 17th–19th centuries who lived and worked in the second half of the 20th century, such as N. M. Druzhinin, D. S. Likhachev, M. V. Nechkina, N. N. Pokrovsky, A. P. Pronstein, and M. N. Tikhomirov, are used. The epistolary is indispensable in the study of the "human" component of historical science.

Keywords: epistolary, historiographical sources, emotional and psychological aspects of scientific creativity, N. M. Druzhinin, D. S. Likhachev, M. V. Nechkina, N. N. Pokrovsky, A. P. Pronstein, M. N. Tikhomirov

S. G. PETROV

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

N. D. ZOLNIKOVA AS A RESEARCHER OF THE BIOGRAPHY AND SCIENTIFIC CREATIVITY OF N. N. POKROVSKY

A series of works by the Siberian historian, archaeographer and source specialist N. D. Zolnikova (1949–2018), devoted to the study of the life path and scientific heritage of the outstanding scientist, Academician of the Russian Academy of Sciences N. N. Pokrovsky (1930–2013), is considered. It is shown that N. D. Zolnikova, in her diverse works, investigated a wide range of problems related to the presence of a significant number of gaps in the history of scientific, pedagogical, social and personal life of N. N. Pokrovsky. It is established that she was one of the first historiographers to make the transition from oral tradition-based research on the Siberian academician to a strictly scientific one, based on the analysis of archival sources.

Keywords: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences N. N. Pokrovsky, N. D. Zolnikova, historical science, historiography, review of scientific papers

A. A. BRODNIKOV, A. S. ZUEV

Novosibirsk State University

THE PETITION OF THE IRKUTSK BOYAR SON IVAN PERFIREEV

The text of the Petition sent by boyar son Ivan Maksimovich Perfiliev to the highest name is published for the first time. The introductory article describes the circumstances of the petition's appearance, and describes the lists used. The text stored in the RGADA collection 208 served as the source for the copy included in the book of the Siberian Order.

Keywords: petitioners, Perfiliev boyar children, Siberia, Irkutsk, Irkutsk county, military men, 17th century

I. A. SHIPILOV

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

**ON THE HISTORY OF STUDYING THE BOOK
OF THE SECRETARY AND TRANSLATOR MARTIN SAUER'S
NORTHEAST GEOGRAPHICAL AND ASTRONOMICAL
EXPEDITION:
TRANSLATED AND COMMENTED BY F. V. KARZHAVIN.
THE SECOND ARTICLE**

The article continues the introduction to scientific circulation and the study of the translation of selected parts from the English monograph of M. Sauer, secretary and translator of the Northeastern Geographical and Astronomical Expedition of 1785–1795, into Russian. Russian-language translation of the contents of the book «Report on a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia to determine the exact degrees of latitude and longitude of the mouth of the Kovyma River, the entire Chukchi coast to the Eastern Cape, and islands stretching across the Eastern Ocean to the American coast, undertaken at the behest of Her Imperial Majesty Catherine II, Empress of All Russia; under the command of Commodore Joseph Billings, in 1785 and in the following years up to 1794», is valuable for studying the history of travel under the guidance of J. Billings and G. A. It was made in the early 19th century by F. V. Karzhavin, translator of the Admiralty Board, and is the first and only one so far, which makes this source unique. For the first time, the article publishes «special brief notes» (comments) made by Karzhavin on the most notable fragments of the traveler's book.

Keywords: Russian academic and government expeditions of the 18th century, northeast Siberia, the North Pacific region, Alaska, the expedition of J. Billings and G. A. Sarychev, «Report» by M. Sauer, «Notes» by F. V. Karzhavin

T. V. PANICH

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

**«THE VISION OF THEKLA» FROM THE MANUSCRIPT
COLLECTION OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

The text of «Visions of Thekla» is reviewed and published (list of the second half of the 20th century from the collection of manuscripts of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, № 3/23). The vision dates back to the beginning of the 20th century, but it continues the traditions of medieval eschatological visions reflecting ideas about the afterlife and the fate of the human soul after death. The features of the composition's list are determined, the content and motivational structure of the vision are analyzed, and the connection with Theodora's «Walking through the Air Ordeals» from the Life of Basil the New is traced.

Keywords: vision of the beginning of the 20th century, novice Thekla, the other world, eschatology, the motivic structure of the text

M. Y. NOVITSKAYA

Independent Researcher, Moscow

THE GIFT OF THE SIBERIAN LAND

The article contains memories of three Siberian archaeological expeditions in 1966/67, 1967, and 1968 in Transbaikalia, along the Yenisei and Altai. The letter of the Old Believer Lazar Ermilovich Ivanov, preserved in the author's archive, is published.

Keywords: archaeological expeditions, Siberia, Old Believer culture

E. K. PIOTROVSKAYA

St. Petersburg Institute of History RAS

NOVOSIBIRSK, THE EXPANSE OF THE OB!

The article is devoted to the publication of fragments of letters from a participant in one of the first Siberian archaeological expeditions to her parents, Maria Tikhonovna Solovyova and Konstantin Borisovich Piotrovsky. The letters reflect the vivid impressions of the book-buying trip.

Keywords: epistolary genre, archaeological expeditions, book finds in Siberia

T. N. APSIT

Independent researcher, Novosibirsk

EXPEDITION TO A HERMITAGE

The article describes an archaeological expedition in the southeast of the Tomsk region, the life and way of life of the hermits of the Old Believers.

Keywords: Siberian archaeological expeditions, Old Believer hermitages

L. I. SAZONOVA

Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow

SIBERIAN EXPEDITION TO OLD BELIEVER MONASTERIES

The article describes a trip on an archaeological expedition to the Siberian Old Believer monasteries, and provides impressions of this trip.

Keywords: field archaeological work, expeditions, Old Believer monasteries in Siberia

A. N. KRUCHININA

St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory

MY SIBERIAN EXPEDITIONS

The article shares the author's memories of archaeological expeditions to the Siberian Old Believer monasteries, the practice of teaching Old Believers to sing from hook manuscripts, about the beginning of her study of the monuments of Old Russian singing art.

Keywords: archaeological expeditions, Old Believer hermitages, Old Russian musical culture

T. F. VOLKOVA

Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin

ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION

TO THE KRASNOYARSK TERRITORY IN 1969

The article describes the archaeological expedition of students of Leningrad University and a graduate student of the Institute of History of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the lower reaches of the Yenisei, describing numerous everyday details.

Keywords: Siberian archaeological expeditions, old printed books, field practice

L. V. BESPALOVA

Independent researcher, St. Petersburg

WE'RE GOING TO BURYATIA!

The article is devoted to the trip of an archaeological group to Buryatia. The expedition was tasked with bringing back handwritten and old-print books, as well as household items of Old Believer families.

Keywords: archaeological expedition to Buryatia, book finds, ethnography

L. V. TITOVA¹, M. V. MELIKHOV²

¹ Institute of History SB RAS, Novosibirsk

² Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin

ROADS OF SIBERIAN EXPEDITIONS

The article raises issues of the specifics of field archaeological work in Siberia, as well as contacts with representatives of the Old Believer culture and the church.

Keywords: Siberian archaeological expeditions, Old Russian book culture, Old Believers

O. D. ZHURAVEL

Novosibirsk State University

TRAVELS TO THE GUARDIANS OF ANTIQUITY

OR THE CONFESSION OF A FAKE ARCHAEOGRAPHER

The article contains vivid memories of archaeological expeditions to the Krasnoyarsk Krai, the upper reaches of the Yenisei, Kuzbass, Kemerovo region, Khabarovsk Territory and Kyrgyzstan.

Keywords: archaeological expeditions in Siberia, Old Believer hermitages

I. A. LOBAKOVA

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) RAS, St. Petersburg

ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION TO SIBERIA

The article is an essay on the participation of students of Leningrad University, specializing in Old Russian literature, in archaeological expeditions of Novosibirsk State University.

Keywords: archaeological expeditions in Siberia, Old Russian manuscripts

A. Y. BORODIKHIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

THE ARCHAEOGRAPHY OF A LIFETIME...

The article describes the archaeographic field practice of first-year students of Novosibirsk State University and the subsequent archaeographic expedition to the village of Burny.

Keywords: archaeographic practice, field archaeography, Old Believer settlements, Old Russian manuscript tradition

T. G. KAZANTSEVA

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka

MUSICAL AND MEDIEVAL COMPONENT OF COMPLEX ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITIONS OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article summarizes some of the results of the activities of Novosibirsk musicologists as part of complex archaeographic expeditions of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, organized by the Institute of History, Novosibirsk State University and the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences from 1969 to 2017. The most significant trips and working conditions for Siberian musical medieval studies in the Old Believer environment are highlighted, a brief description of the most interesting regional traditions is given, and the names of the informants, the guardians of the Old Russian church singing culture in the 20th — early 21st century, are given.

Keywords: archaeographic expeditions, Old Believers of Siberia, liturgical singing, znamenny chant

N. A. STARUKHIN

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

«IF YOU DESIRE WITH YOUR HEART... HE WILL REVEAL A PERSON TO YOU AND SHOW YOU THE WAY...»: FIELD ARCHAEOGRAPHIC RESEARCH OF THE SECTOR OF ARCHAEOGRAPHY AND SOURCE STUDIES IN THE RECENT YEARS

The article reflects the author's impressions of meeting the inhabitants of Old Believer monasteries, which preserve the traditions of Old Russian book culture, during Siberian archaeographic expeditions.

Keywords: field archaeography, expeditions, Old Believer monasteries, book culture

A. A. YUDIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

...I AM DOING THE MOST INTERESTING THING —

I AM WORKING AS AN ARCHAEOGRAPHER

The article describes the continuity of scientific schools and the principles of organizing the archaeographic practice of modern students.

Keywords: archaeographic practice, scientific school, field and desk archaeography

НАШИ АВТОРЫ

Татьяна Николаевна АПСИТ, доктор филологических наук, выпускница Новосибирского государственного университета, преподаватель русского языка как иностранного, участница археографических экспедиций, Новосибирск

Людмила Васильевна БЕСПАЛОВА, выпускница Ленинградского государственного университета, редактор, участница археографических экспедиций, Санкт-Петербург

Лариса Дмитриевна БОНДАРЬ, кандидат исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Андрей Юрьевич БОРОДИХИН, кандидат филологических наук, заведующий отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, участник археографических экспедиций, Новосибирск

Александр Ананьевич БРОДНИКОВ, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Татьяна Федоровна ВОЛКОВА, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, участница археографических экспедиций

Наталья Сергеевна ГУРЬЯНОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Дмитрий Владимирович ДОЛГУШИН, протоиерей, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Ольга Дмитриевна ЖУРАВЕЛЬ, доктор филологических наук, заведующая Лабораторией археографии и источниковедения, профессор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, участница археографических экспедиций

Андрей Сергеевич ЗУЕВ, доктор исторических наук, директор Гуманитарного института и профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета

Татьяна Генриховна КАЗАНЦЕВА, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, доцент кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки, участница археографических экспедиций

Маргарита Николаевна КЛИМОВА, кандидат филологических наук, сотрудник Научной библиотеки Томского государственного университета

Антон Николаевич КОВАЛЕНКО, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Новосибирск

Ольга Алексеевна КРАСНИКОВА, кандидат исторических наук, заведующая Сектором картографии Библиотеки Российской академии наук, Санкт-Петербург

Альбина Никандровна КРУЧИНИНА, кандидат искусствоведения, профессор, основатель кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской государственной консерватории, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, участница археографических экспедиций

Ирина Анатольевна ЛОБАКОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, участница археографических экспедиций

Наталья Петровна МАТХАНОВА, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

ПЕТР ИВАНОВИЧ МАНГИЛЕВ, протоиерей, кандидат исторических наук, проректор по научной работе, доцент кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии

АННА ВЛАДИМИРОВНА МАНГИЛЕВА, доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии

ИРИНА ЛЕОНИДОВНА МАНЬКОВА, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МЕЛИХОВ, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, участник археографических экспедиций

МАРИНА ЮРЬЕВНА НОВИЦКАЯ, кандидат филологических наук, выпускница Новосибирского государственного университета, специалист по вопросам народной культуры в обучении, воспитании и развитии детей, по вопросам использования традиционной народной культуры в обучении, воспитании и развитии детей, Москва, участница археографических экспедиций

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ОПАРИНА, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета искусствоведения Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА ПАНИЧ, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

СТАНИСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ ПЕТРОВ, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА ПИОТРОВСКАЯ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, участница археографических экспедиций

ВАСИЛИЙ Вячеславович ПОДОПРИГОРА, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Новосибирск

ИРИНА Викторовна ПОЧИНСКАЯ, доктор исторических наук, заведующая Лабораторией археографических исследований, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, Екатеринбург

ЛИДИЯ Ивановна САЗОНОВА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела теории литературы Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва, участница археографических экспедиций

НИКОЛАЙ Алексеевич СТАРУХИН, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск, участник археографических экспедиций

ЛЮБОВЬ Васильевна ТИТОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск, участница археографических экспедиций

ИЛЬЯ Александрович ШИПИЛОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

АЛЕКСЕЙ Александрович ЮДИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Новосибирск, участник археографических экспедиций

Список сокращений

АЕ	— Археографический ежегодник
АН	— Академия наук
АРАН	— Архив Российской Академии наук (Москва)
БАН	— Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
ГАШ	— Государственный архив г. Шадринска
ГПНТБ СО РАН	— Государственная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ИИ СО РАН	— Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ИРЛИ РАН	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ИТЛ	— исправительно-трудовой лагерь
ЛАИ УрФУ	— Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета
НБ СГУ	— Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Соколова
НБ СПбГУ	— Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НИА СПбИИ РАН	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
ОДиБ МАМЮ	— Описание дел и бумаг Московского архива Министерства юстиции
ОРК	— Отдел редких книг
ОРКиР	— Отдел редких книг и рукописей
РАН	— Российская Академия наук

РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РИСО	— Редакционно-издательский совет
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СВГИАЭ	— Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция
СГУ	— Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
СО АН	— Сибирское отделение Академии наук
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
США	— Соединенные Штаты Америки
ТГУ	— Томский государственный университет
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук
УрФУ	— Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина
ФА СГУ	— Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СТАТЬИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ СЕРИИ «АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ»

К рассмотрению принимаются статьи и публикации, оформленные по правилам издания.

1. Все материалы, включая текст статьи, иллюстрации, дополнительные шрифты, если они использовались, предоставляются в редакцию по адресу электронной почты ais_siberia@mail.ru в текстовом редакторе Microsoft Word. Если текст содержит сложное форматирование и дополнительные шрифты, то статья прилагается также в формате PDF.

2. Шрифт статьи — Times New Roman, кегль — 12, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1,25, выравнивание — по ширине, без переносов. Поля: левое — 2,5 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см. Для постраничных сносок: кегль — 10, межстрочный интервал — 1, абзацный отступ — 1,25, выравнивание — по ширине.

Иллюстрации прилагаются отдельными файлами, подписи к ним — отдельным файлом в формате Word. Если воспроизведение иллюстраций предполагается в самой статье, то в тексте следует указать место их расположения (Иллюстрация 1. Иллюстрация 2 и т. д.), желательно расположение иллюстраций выделять красным шрифтом.

3. Текст статьи предваряют метаданные на русском языке: инициалы имени, отчества и фамилия автора, аффилиация (полное название организации — места работы или учебы, город, страна), выравнивание — по правому полю. Аннотация статьи (от 150 до 300 слов). Кегль — 12, абзацный отступ — 1,25, межстрочный интервал — 1, выравнивание — по ширине. Ключевые слова — не более 10 слов или словосочетаний. Кегль — 12, абзацный отступ — 1,25, межстрочный интервал — 1, выравнивание — по ширине. Подзаголовок «*Ключевые слова*» выделяется курсивом.

4. Подстрочные примечания к статье даются постранично со сплошной нумерацией. Примечания в конце статьи не допускаются. Цифра сноски ставится после знака пунктуации.

5. При библиографических ссылках в тексте и примечаниях необходимо сообщать следующие сведения: фамилия и инициалы автора (выделяются курсивом и отделяются друг от друга пробелом), название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (без указания издательства), год издания, страницы. При повторном упоминании работы в тексте и примечаниях дается ее сокращенное название. Сокращение «Ук. соч.» и отсылка «Там же» не допускаются.

6. В тексте статей и примечаниях необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого выпуска серии «Археография и источниковедение Сибири». Просим ориентироваться на список сокращений, опубликованный в последнем из вышедших выпусков. Все прочие сокращения должны раскрываться после текста статьи.

7. Курсив, разрядка и полужирный шрифт используются только для выделения семантически значимых отрезков текста. Не допускается использование курсива вместо кавычек, обрамляющих цитируемый текст.

8. Древнерусские и древнеславянские тексты могут быть переданы средствами гражданской или церковнославянской графики.

В том случае, если текст передается средствами гражданской графики (желательно), набор используемых букв ограничивается дореволюционным гражданским алфавитом (включая — при необходимости — *і, ѣ, ѿ, ѵ*) и не допускается воспроизведение титла, надстрочных букв и знаков кириллической нумерации.

При этом авторам статей рекомендуется использовать следующие упрощения древней орфографии: *і* передается через *и*; *ѿ* через *ф*; *ѵ* через *пс*; *ѡ* через *о*; *оу* через *у*; *ѧ* через *я*; *ѥ* через *е*; *ж* через *у*. *Ѣ* сохраняется.

Титла раскрываются в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. Выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. В том случае, если в рукописи нет соответствующих указаний, выносная буква вносится в слово в соответствии с современным написанием: *кнѧ*^с — князь. Выносное *ж* в качестве частицы передается через *же*, выносное *с* в окончании возвратных глаголов — через *ся* (если это согласуется с языком рукописи). Местоимение *и* (в отличие от союза) отмечается ударением. Кириллическая нумерация передается арабскими цифрами; цифры, написанные словами, сохраняют свое написание. К цифрам с падежным окончанием прибавляется дефис.

Пунктуация расставляется по современным правилам. Все иные случаи оговариваются в тексте статьи. Имена собственные, в том числе личные имена и географические названия, пишутся с прописной буквы, названия народов — со строчной, кроме тех случаев, когда название народа используется как название страны («и поиде в Половцы»). Текст членится на абзацы в соответствии с содержанием. Прямая речь заключается в кавычки. Если в языке соответствующей рукописи имеется смешение косвенной и прямой речи и прямая речь вводится с помощью слов «что», «яко» и т. п., то эти последние слова в кавычки не заключаются: «глаголашеть бо, яко “прейду по Волхову пред всеми”».

В тексте, который передается буквами церковнославянской графики, сохраняются все буквы древней кириллицы и — при необходимости — титла, надстрочные буквы и кириллическая нумерация. Надстрочные знаки сохраняются лишь в том случае, если это мотивировано содержанием статьи.

9. Издание текста должно быть оформлено по следующим правилам. В тексте основного списка разделительным знаком (/ /) отмечаются границы между листами рукописи, в том числе между лицевой и оборотной (об.) сторонами листа, после чего в квадратных скобках курсивом проставляются соответствующие номера листов: [л. 2 об.]. Пропуски в основном списке отмечаются многоточием, а исправления выделяются курсивом (если исправлению подверглись лишь отдельные буквы, курсивом выделяются только они).

Публикация сопровождается двумя «подвалами». Если текст издается по одному списку, второй «подвал» отсутствует. Сноски, помещаемые в первом «подвале» и нумеруемые строчными буквами русского алфавита (а, б, в и т. д.), касаются основного списка. В издаваемом тексте знак сноски ставится после того слова, к которому он относится; в случае, если замечание относится к группе слов, знак сноски ставится после первого и последнего слова (в таком случае в сносках знаки соединяются коротким тире, например, а–б). В сносках первого «подвала» отмечаются палеографические особенности рукописи, правка в ее тексте, пропуски и нечитаемые места, исправления, внесенные в основной список издателем. Исправления должны быть оговорены публикатором, с указанием имеющегося в рукописи чтения (*испр.*, *в ркп.*). Сноски отделяются одна от другой точками с запятой, типовые слова сокращаются (*доб.*, *испр.* и т. д.), весь текст, принадлежащий публикатору, выделяется курсивом, заглавная буква используется только в начале первой сноски, все последующие идут со строчной. В тексте знак сноски делается вручную, без использования автоматического режима. Сноски, помещаемые во втором «подвале» и нумеруемые арабскими цифрами от 1 до 100 (каждая новая сотня сносок отмечается римской цифрой, т. е. II, III и т. д.), дают разночтения других списков по отношению к основному. В издаваемом тексте знак сноски ставится после того слова, к которому он относится; в случае, если разночтение касается группы слов, то ставятся два знака сноски — одна цифра после первого слова и другая после последнего слова (в таком случае в сносках эти две цифры соединяются коротким тире, например, 1–2). Если знак сноски уже имеется для другого разночтения, им можно воспользоваться вторично (например, к тексту «Егда¹ седе² в Киеве³» разночтения: «¹Когда Б; ^{2–3}приде в Киев А; ³Кыеве Б»).

Разночтения отделяются друг от друга точкой с запятой, типовые слова сокращаются, весь текст, принадлежащий публикатору, выделяется курсивом. Условные обозначения списков ставятся после текста разночтений. Если какое-то слово основного списка отсутствует в другом, то в сноске это обозначается словом «нет» — курсивом. Если к какому-то слову основного списка в другом списке читается добавление, то знак сноски ставится после этого слова, а в сноске текст добавления предваряется сокращением «доб.» — курсивом. Если разночтение встречается в нескольких списках, то после текста разночтения перечисляются условные обозначения этих списков, не отделяющиеся друг от друга запятой.

Комментируемые фрагменты обозначаются малыми римскими цифрами в верхнем индексе, сами комментарии оформляются в текстовом режиме (не допускается оформление комментариев как концевых сносок). Например, к тексту «Егда¹ седе² в Киеве^{3vii}» комментарий: «^{vii} Киев — столица Киевской Руси».

10. В конце статьи под названием «Список литературы» (выравнивание — по центру) приводится список использованной литературы в алфавитном порядке, без нумерации. Сначала приводятся работы на русском языке, затем иностранные. Шифры источников из архивов, рукописных отделов библиотек и музеев, а также старопечатные издания в список литературы не включаются. Газетные и журнальные публикации, которые исследуются в качестве исторических источников, в списке литературы не приводятся. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Для статей в Списке литературы указываются страницы всей статьи (С. 30–40), для монографий — общее число страниц (635 с.). Если в тексте статьи приводятся ссылки на отдельные статьи одного и того же сборника, то в Список литературы выносятся эти статьи, вынесение сборника в целом в Список литературы недопустимо.

11. Решение о публикации статьи принимается редколлегией после ее рецензирования. Плата за публикацию не взимается. Рассылку авторских экземпляров иногородним авторам редколлегия не осуществляет.

СОДЕРЖАНИЕ

О собрании рукописей Михаила Николаевича Тихомирова

<i>Н. С. Гурьянова</i> О рукописном собрании М. Н. Тихомирова, хранящемся в ГПНТБ СО РАН	8
<i>А. А. Юдин</i> Азбуковники в собрании М. Н. Тихомирова.....	13
<i>В. В. Подопригора, А. Ю. Бородихин</i> Рукописи и документы на иностранных языках в собрании М. Н. Тихомирова.....	27
<i>Т. Г. Казанцева</i> Певческие рукописи в собрании М. Н. Тихомирова	34
<i>А. Н. Коваленко</i> Торжественники и четьи книги в собрании рукописей М. Н. Тихомирова.....	43
<i>Н. С. Гурьянова</i> Старообрядческие рукописи в собрании М. Н. Тихомирова ...	45
<i>Д. В. Долгушин, А. Ю. Бородихин</i> Рукописи Орловых-Давыдовых в собрании М. Н. Тихомирова.....	60

Статьи

<i>И. Л. Манькова</i> Архимандрит Исаак — первый настоятель Далматовского Успенского монастыря и его почитание.....	65
<i>Т. А. Опарина</i> «Греченин» Константин Иванов (Мураитов) на военной службе в России.....	84
<i>А. А. Бродников</i> Формирование окладов государева жалованья сибирской служилой аристократии На примере енисейского гарнизона	96

<i>Л. Д. Бондарь, О. А. Красникова</i>	
Картографические рисунки в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта из районов Енисейской Сибири и Прибайкалья	110
<i>М. Н. Климова</i>	
Акакий Башмачкин, Макар Девушкин и дьякон Ахилла О некоторых именах героев русской литературы.....	123
<i>П. И. Мангилев</i>	
Старообрядческий книжник Осип (Иосиф) Федорович Мокеев	137
<i>А. В. Мангилева</i>	
Женщины в духовном сословии в XIX — начале XX в. по материалам клировых ведомостей Екатеринбургского уезда	146
<i>И. В. Починская</i>	
Из истории провинциальных старообрядческих типографий: Заведение А. В. Симаква в г. Уральске	157
<i>Т. Ф. Волкова</i>	
Печорские книжники из рода Носовых	169
<i>Н. П. Матханова</i>	
Письма историков как источник для изучения их научно-исследовательской деятельности.....	179
<i>С. Г. Петров</i>	
Н. Д. Зольникова как исследователь биографии и научного творчества Н. Н. Покровского.....	189

Статьи-публикации

<i>А. А. Бродников, А. С. Зуев</i>	
Челобитная иркутского сына боярского Ивана Перфирьева.....	207
<i>И. А. Шипилов</i>	
К истории изучения книги секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Мартина Сауера: Перевод и комментарии Ф. В. Каржавина Статья вторая	222

<i>Т. В. Панич</i>	
«Видение Феклы» из рукописного собрания Института истории Сибирского отделения РАН.....	285

Из экспедиций разных лет

<i>М. Ю. Новицкая</i>	
Дар Сибирской земли.....	306
<i>Е. К. Пиотровская</i>	
Новосибирск, простор Оби!.....	325
<i>Т. Н. Ансит</i>	
Экспедиция в скиты.....	327
<i>Л. И. Сазонова</i>	
Сибирская экспедиция в старообрядческие скиты	330
<i>А. Н. Кручинина</i>	
Мои сибирские экспедиции.....	333
<i>Т. Ф. Волкова</i>	
Археографическая экспедиция в Красноярский край в 1969 г.	351
<i>Л. В. Беспалова</i>	
Едем в Бурятию!.....	359
<i>Л. В. Титова, М. В. Мелихов</i>	
Дорогами сибирских экспедиций	362
<i>О. Д. Журавель</i>	
Путешествия к хранителям древности или исповедь ненастоящего археографа.....	370
<i>И. А. Лобакова</i>	
Археографическая экспедиция в Сибирь	375
<i>А. Ю. Бородихин</i>	
Археография длиною в жизнь... ..	378
<i>Т. Г. Казанцева</i>	
Музыкально-медиевистический компонент комплексных археографических экспедиций Сибирского отделения РАН.....	393

<i>Н. А. Старухин</i>	
«Аще сердцем восхощете... откроет вам человека и покажет вам путь...»:	
Полевые археографические исследования Сектора археографии и источниковедения последних лет	405
<i>А. А. Юдин</i>	
...Я занимаюсь самым интересным делом — работаю археографом	415
Summary	427
Наши авторы	439
Список сокращений.....	443
К сведению авторов, присылающих статьи для публикации в сборниках серии «Археография и источниковедение Сибири» ...	445

Научное издание

Археография и источниковедение Сибири
Выпуск 2 (44)

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН,
протокол № 5 от 26 мая 2025 г.

Выполнено в рамках государственного задания
«Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.:
Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006)

Адрес редакции
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
Институт истории СО РАН, ком. 306.
Телефон: +7(383)330-36-71,
e-mail: ais_siberia@mail.ru,
<http://www.history.nsc.ru/publications/books/ais/index.htm>.

Свидетельство регистрации СМИ
серия ПИ № ФС77-86920 от 16 февраля 2024 г.

Редактор В. А. Ромодановская
Художник В. А. Хананов

Подписано в печать 23.06.2025.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 31,5. Усл. п. л. 28,5. Тираж 300 экз.

Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Отпечатано в типографии «Апостроф»
630083, Новосибирск, ул. Большевистская, 177

